

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

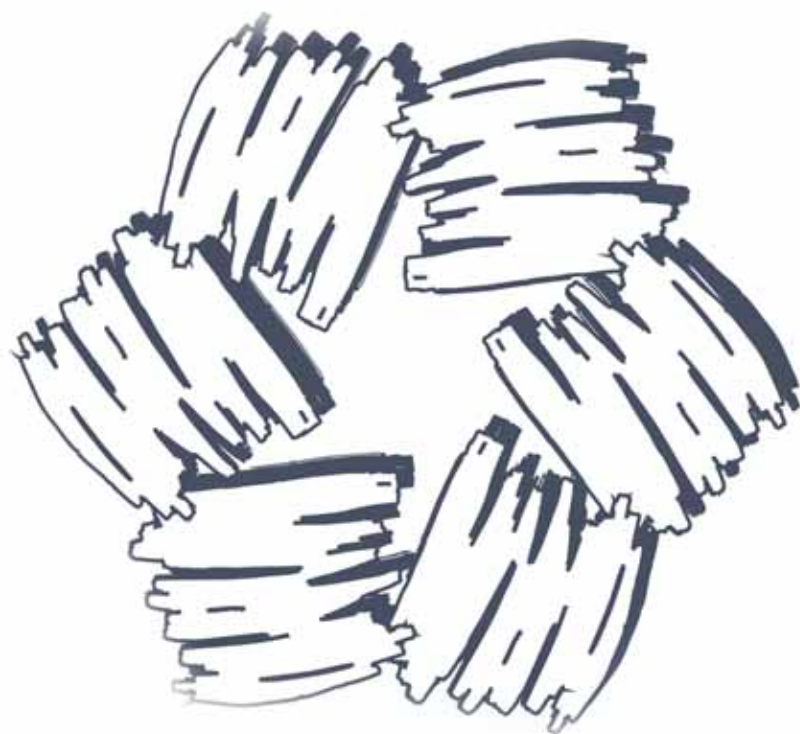
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2022

XXI МОЛОДЁЖНЫЕ ДЕЛЬФИЙСКИЕ ИГРЫ РОССИИ

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ 2022

6+

Неизвестное об известном	
<i>Юрий Осипов</i>	«Рыцарь Мечты» 4
К Дню космонавтики	
<i>Ирина Леонтьева</i>	Жизнь до полета в космос 21
Эссе	
<i>Екатерина Маркова</i>	Серебро 26
Рассказ	
<i>Олег Визер</i>	Тайсон 30
Судьбы	
<i>Дмитрий Зелов</i>	История одной усадьбы 48
Поэзия	
<i>Николай Родионов</i>	Стихи 61
Это интересно	
<i>Ирина Опимах</i>	Самые первые «рембрандты» 65
<i>Юрий Прокопчук</i>	Дворянство за прививку! 121
Замечательные современники	
<i>Елена Воробьева</i>	Борис Комаров: «К театру я был равнодушен с самого детства...» 71
<i>Светлана Ольховская</i>	Остановившая мгновение 77
<i>Евгения Гордиенко</i>	Ансамбль трехсот танцев и одного человека 86
История одной любви	
<i>Виктор Елисеев</i>	...Люби ты меня... 92
Забывтые имена	
<i>Денис Логинов</i>	Антонина Нежданова. Небесный голос 96
	Анастасия Вяльцева. Несравненная 100
Звезды не гаснут	
<i>Георгий Кричевский</i>	Роман с Шекспиром 106
Детектив	
<i>Наталья Солдатова</i>	Канкан пожилой дамы 128
Кроссворд. Эрудит 188	

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра Луны Борис Комаров

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Март"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.03.2022

« Автор «Двух капитанов», излюбленной книги советской молодежи ряда десятилетий, был человеком прямым и неуступчивым. В молодости входил в культовое литобъединение «Серапионовы братья» вместе с Чуковским, Зощенко, Шкловским и другими видными впоследствии литераторами, и на всю жизнь сохранил присущий им дух вольнолюбия и независимости. Великую Отечественную войну Вениамин Александрович встретил уже литературным мэтром. Корреспондентом от газеты «Известия» он отправился на Ленинградский фронт, затем — на Северный флот, где помимо написания статей и очерков собирал материал для продолжения «Двух капитанов». В победном 1945-м он был награжден орденом Красной Звезды.

Юрий **Осипов** «Вениамин Каверин. Открытая жизнь»

« Василий Андреевич Жуковский — русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, автор элегий, песен, романсов и баллад. Переводчик, литературный критик, педагог. Учитель русского языка великой княгини, а затем императрицы Александры Федоровны и наставник цесаревича Александра Николаевича. А еще автор слов Государственного гимна Российской империи «Боже, царя храни!»

Денис **Логинов** «Пройдя веков таинственную даль»

« Когда мы сегодня слышим выражение «светомузыка» или «цветомузыка», то представляем себе, прежде всего, яркие огни дискотек. Но первым это понятие ввел композитор Серебряного века, удивительный талант, который умел в каждой ноте видеть свет и цвет — Александр Скрябин.

Евгения **Гордиенко** «Игра для левой руки»

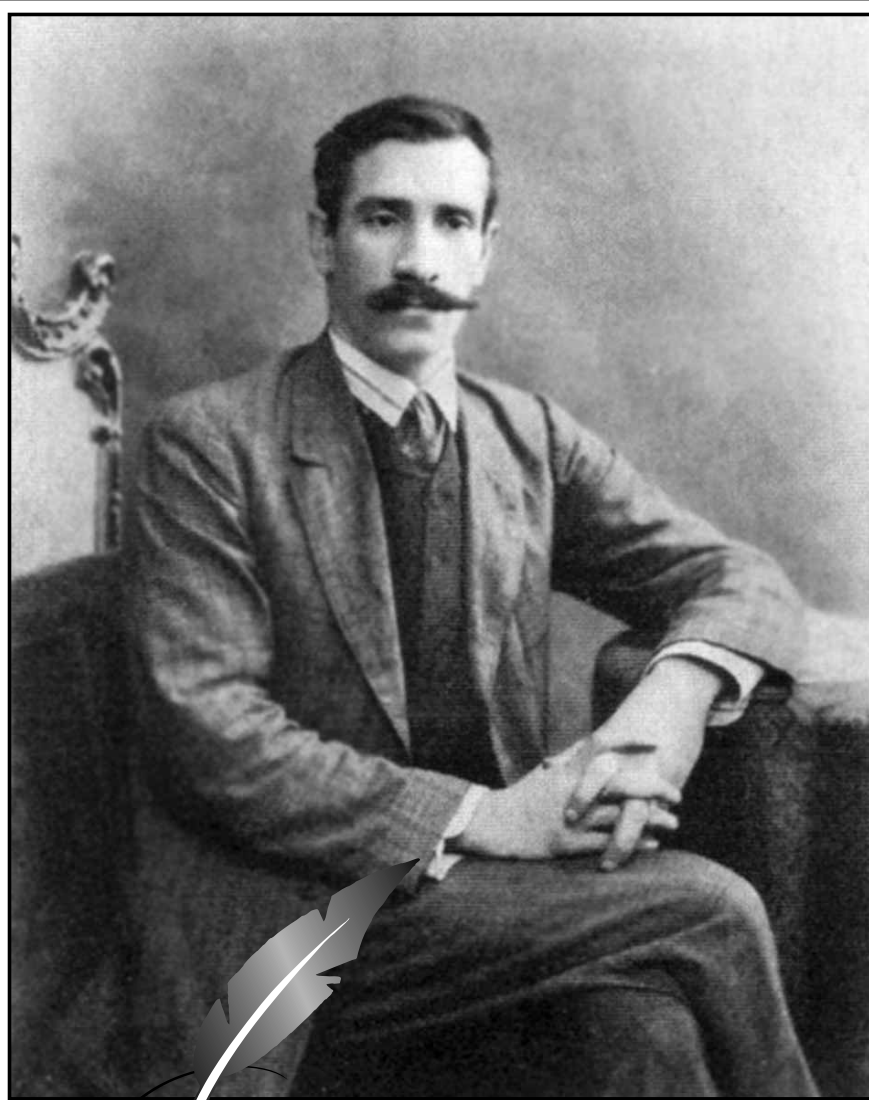
« В предвоенные годы зоопарки Москвы и Ленинграда были одними из самых любимых и посещаемых мест отдыха. Но с началом войны все изменилось — резко и внезапно. И для людей, и для животных. Как смогли в это тяжелое время выжить звери в вольерах? Только благодаря самоотверженности людей, которым удалось не только сохранить большую часть животных, но и обеспечить в самые трудные годы военных испытаний непрерывную работу зоопарков (за 1941–1945 годы Московский зоопарк посетили 4 миллиона человек!)

Юрий **Прокочук** «Зоопарки в годы войны...»

« Окончание детектива Наталии **Солдатовой** «Канкан пожилой дамы»

Юрий Осипов

«Рыцарь Мечты»

Есть писатели, которые, удаляясь во времени, приближаются к нам в пространстве. Таков Александр Грин. Природа подарила ему яркое воображение и литературный талант, наделив его, будто в отместку, мрачной внешностью и невероятно тяжелой судьбой. Всенародное признание, увы, пришло к Грину уже после смерти, словно в искупление всех горестей жизни.

А жизнь замечательного писателя началась с «волчьего билета» вятского реального училища за невинные стишки о классном наставнике... Сыном ссыльного участника польского восстания 1863 года, с детства познавшим голод и побои, вступил потомственный дворянин Александр Степанович Гриневский на порог своей необыкновенной Мечты, как вступают на порог чудом обретенного дома, и не расставался с ней до конца своей быстро сгоревшей жизни.

Пробужденная в юности Жюль Верном и Майн Ридом неутоленная жажда дальних странствий обернулась в действительности лишь безнадежной погоней за ускользающим призраком счастья да изнурительными скитаниями в тщетных попытках хоть как-то устроиться в жестоком, холодном мире. Сменялись города, сменялись места работы, хозяева, только неудача оставалась неизменной. Волшебные грезы о неведомых морях и странах заслонили душная теснота портовых пакгаузов и вонь прогнивших херсонских «дубков»...

Судьба и дальше не щадила одинокого мечтателя, будто намеренно пробуя его на прочность. Малярийный ад Баку, с ночевками в пустых котлах на пристани или просто под забором, «золотая лихорадка» уральских приисков, матросская ляжка на барже горьковского Булычева и, наконец, кошмар царской солдатчины...

Суровая реальность, однако, не в силах была отвратить Грина от людей, очерствить его душу. За угрюмой замкнутостью будущего писателя скрывалась острая нетерпимость к любым проявлениям зла. Он примкнул к революционерам, работал пропагандистом в Нижнем Новгороде, Тамбове, Киеве, Севастополе. В 1903-м был арестован и почти два года провел в тюрьме. Там и начал писать, поначалу очень стесняясь своих первых литературных опытов. Но отныне он и сочинительство — нерасторжимы.

Спасаясь с чужим паспортом от нового ареста, начинающий писатель приехал в Питер и сделался поставщиком развлекательного чтения для иллюстрированных журналов. И какое же стихийное дарование, какая чудная игра фантазии должны были озарить произведения, которые перешли со случайных клочков бумаги и листов конторских grossбухов на страницы давно забытых дешевых изданий, чтобы и сегодня эта щедрая россыпь рассказов по-прежнему переливалась и сверкала для нас художественными перлами.

Александр Грин родился в августе 1880 года в городе Свободске Вятской губернии. Его отец, шляхтич Стефан Гриневский, за участие в национально-освободительном польском восстании был сослан в Колывань, а через пять лет получил разрешение поселиться в Вятской губернии. Там он женился на 16-летней медсестре Анне Лепковой, ставшей матерью будущего писателя.

Начальное образование Саша получил дома и уже в пять лет прочел «Путешествие Гулливера», заразившись любовью к книгам о путешествиях, приключениях, пиратах и индейцах. В реальном училище, по его словам, «математика, немецкий и французский языки пали жертвами моего увлечения чтением похождения капитана Гаттераса и Благородного Сердца». Там же впервые одноклассники начали называть Гриневского Грином. Исключенный из училища, мальчик потерял возможность поступить в гимназию и оказался с четырьмя классами за плечами.

Мать умерла от туберкулеза, когда ему едва исполнилось тринадцать. Отец женился вторично, однако отношения с мачехой у Саши не заладились, и он предпочел жить самостоятельно. Подрабатывал поначалу переплетчиком, переписывал тексты ролей для актеров театральной труппы и — писал, писал стихи об одиночестве. Безуспешно рассылал их в журналы.

В 1896-м Александр с 15 рублями в кармане уехал в Одессу, чтобы стать

моряком. «Я казался себе сильным, широкоплечим, молодцеватым парнем, тогда как был слабогруд, узок в плечах и сутул — но страшно вспыльчив и нетерпелив». Несколько недель он бродил по причалам порта, ютился в подвальной ночлежке, скудно питался. Ему везде отказывали, пока старпом парохода «Платон» не согласился принять его на борт юнгой-учеником с вычетом из жалованья платы за еду. Пароход курсировал по маршруту Одесса–Батуми. Грин стоял вахту, мыл палубу, убирался в трюме. И хотя матросский труд вскоре вызвал у него отвращение, атмосфера плавания в открытом море и корабельная обстановка ему нравились.

На следующий год он уже палубным матросом отправился в заграничный рейс, однако на обратном пути во время учебной шлюпочной гребли высмеял за что-то самого капитана и, разумеется, тут же был списан на берег... Пришлось возвращаться домой, в унылую Вятку, из которой свободолюбивый и неуживчивый юноша вновь бежал искать счастья на стороне. Потом был знойный Баку, лямка чернорабочего, рыбака, подручного в кузнице, ночлежки, голод...

Не лучше ему пришлось на уральских золотых приисках — вместо надежды разбогатеть лишь непосильный физический труд. С отчаяния поступил в 1902 году на военную службу рядовым в пехотный батальон. Там сошелся с эсерами и дезертировал. Он разделял ненависть социалистов-революционеров к го-

сподствующему строю, но участвовать в терактах отказался. Под партийной кличкой «Долговязый» около года вел пропаганду в среде солдат и рабочих в разных городах Российской империи. Особенно успешной была его пропагандистская работа среди моряков Черноморской эскадры, которые воспринимали Грина как своего. Да и он умел находить с ними общий язык. Затем грянули арест и севастьяпольская тюрьма строго режима, откуда Александр дважды пытался бежать. В полицей-

же с чужим паспортом он поехал в Петербург, за что снова был арестован. В тюрьме Александра навещала Вера Абрамова, дочь состоятельного чиновника, которая сочувствовала революционным идеям.

Высланный на четыре года в Тобольскую губернию, Грин на четвертый день бежал в Вятку, где с помощью отца раздобыл паспорт на фамилию Мальгинова (эта фамилия станет впоследствии одним из его литературных псевдонимов), по которому вновь уехал в Питер. И там

М

аксим Горький помог Грину получить академический паек и комнату в Доме искусств на Мойке. Александр Степанович поселился рядом с Николаем Гумилевым, Вениамином Кавериним, Осипом Мандельштамом. Именно там он начал писать бессмертную феерию «Алые паруса». Трудно вообразить, что такое светлое, согретое душевным теплом произведение могло родиться в сумрачном, холодном и голодном Петрограде 1920 года, причем создал его внешне угрюмый, замкнутый человек, оберегавший от посторонних свой внутренний мир

ских документах его характеризовали как «натуру замкнутую, озлобленную, способную на все, даже рискуя жизнью».

Два года продолжалось следствие, а в феврале 1905-го Грина приговорили к 10-летней ссылке в Сибирь. Амнистия политзаключенным, объявленная Николаем II, вернула его в Центральную Россию, с запретом проживать в обеих столицах. И все

начался его творческий путь. Писатель родился в нем сразу и бесповоротно. «Заслуга рядового Пантелева» и «Слон и Моська» — эти первые два рассказа Грина, подписанные еще инициалами А.С.Г., до читателей не дошли: тираж первого уничтожила полиция за революционную пропаганду, а второй был сдан в типографию, но так и не был напечатан.

Наконец рассказы писателя начали появляться в периодике, и пер-

вым из них стала трогательная новелла «В Италию». «Измученный и полузадохшийся, дрожа всем телом от страшного возбуждения, Геник торопливо раздвинул упругие ветви кустов и ступил на дорожку сада... Те, кто охотились за ним, без сомнения, потеряли его из виду... так ему хотелось думать... Огненный клубок прыгал в голове Геника, развертываясь и снова сжимаясь в ослепительную блестящую точку... Сыщики гнались за ним по пятам и только после двух его выстрелов убавили

Другим важным событием в жизни молодого автора явилась женитьба на 24-летней Вере Абрамовой, навещавшей его в тюрьме. Беглый каторжник Нок и девушка по имени Гелли — герои рассказа «Сто верст по реке» (1912) — это сами Грин и Вера. Действие же рассказа происходит в вымышленной стране, которую позднее литературоведы назовут Гринландией. Писатель нашел уже здесь ворота в свой «блистающий» мир.

В те годы Грин впервые в жизни начал хорошо зарабатывать, сбли-

Осенью 1926 года Грин закончил работу над романом «Бегущая по волнам». В этом романе соединились самые сильные стороны авторского таланта: неотступная идея о потребности человека к мечте, поэтичность и увлекательный романтический сюжет. Два года писатель пытался опубликовать свой безусловный шедевр, и лишь в конце 1928 года книга увидела свет в издательстве «Земля и фабрика»

шагу». Так начинается это дебютное произведение, в котором уже видны отличительные особенности стилистической манеры Грина — экспрессивность языка, упругость фразы, зримая образность.

В начале 1908 года в Петербурге вышел первый сборник рассказов писателя «Шапка-невидимка» с подзаголовком: «Рассказы о революционерах». Большинство этих рассказов об эсерах, с которыми у Грина вскоре произошел окончательный разрыв.

зился с Куприным, Леонидом Андреевым и другими видными литераторами, объединившимися вокруг издательства «Знание». Его с 1902 по 1921 год возглавлял Горький. Однако в 1910 году полиция обнаружила, что писатель Грин — это беглый ссыльный Гриневский. И хотя к тому времени он уже вышел из партии и решил больше не участвовать ни в каких политических объединениях, его арестовали и приговорили к новой ссылке в Архангельскую губернию.

Вера Абрамова отправилась вместе с мужем в Пинегу. Там Грин написал уже зрелые романтические произведения — «Жизнь Гнора» и «Синий каскад Теллури», в которых постепенно раскрывается тайна авторского воображения, озаряющая мир. Читательское признание не заставило себя ждать.

Весной 1912 года Александр Степанович вернулся в Петербург уже известным писателем и целиком отдался литературному творчеству. Он переносит действие своих рассказов в романтическую вымышленную страну, однако ее города с их колоритными улицами, проулками и площадями выглядят вполне реальными, напоминающими севастопольские, феодосийские или одесские. Да и герои этих произведений с романтическими придуманными именами вполне похожи на людей той эпохи, которые читают газеты, слушают радио, говорят по телефону и ходят на художественные выставки...

Таков персонаж рассказа «Зурбанский стрелок» (1912), «человек одинокий, бессильный и гордый этим». А террориста Блюма из «Трагедии плоскогорья Суан» известный литературовед В. Полонский назвал «пародией на носителя модной на рубеже веков идеи сверхчеловека». Несмотря на читательскую популярность (в 1914 году издательство «Прометей» выпустило трехтомник его сочинений), отношение критики к столь своеобразному мастеру оставалось высокомерным и

пренебрежительным. Его считали представителем «облегченно-занимательного жанра» и не воспринимали всерьез.

Осенью 1913-го от Грина ушла жена, а в следующем году в Вятке умер его отец. Однако этот предвоенный период стал одним из самых плодотворных в творчестве писате-

Нина Николаевна Грин

ля. Помимо художественной прозы он печатает в журнале «Новый Сатирикон» под редакцией А. Аверченко сатирические фельетоны, издает в качестве приложения к журналу любопытную психологическую повесть «Происшествие на улице Пса» (ее часто сравнивали со знаменитой новеллой Э. По «Убийство на улице Морг»). Главный герой повести Александр Гольц ждет встре-

чи с девушкой, которая на свидании расстается с ним. Далее на улице Пса он демонстрирует собравшимся зрителям незаурядные магические способности — превращает водку в воду, достает из яиц золотые монеты, но людей эти чудеса только раздражают. Представление заканчивается самоубийством...

Мы понимаем, что героя повести привело к этому не фиаско выступления, а крушение любви. Через всю свою многотрудную, трагическую жизнь писатель пронес трепетное, целомудренное отношение к любви, изумление перед ее неодолимой силой, воплощенной в женщине. К психологической прозе, опирающейся на работы по психиатрии, Грин прибегнул в те годы как к средству преодоления горечи от неудавшегося брака. Сам он говорил, что показывать «причудливую трещину бессознательной сферы» является для него одной из важнейших творческих задач.

Вместе с тем, среди гриновских произведений тех лет встречаются и чисто приключенческие рассказы, такие, как «Птица Кам-Бу» (1915), и романтические новеллы, подобные «Рени» (1917).

Писатель эволюционировал, не замыкался только в своей излюбленной «Гринландии», и все же с годами начал возвращаться туда все чаще и чаще, спасаясь от неприглядной действительности.

В 1916 году сыскной полиции стало известно, что Грин непочтительно отзывался в публичных местах о

Николае II. Ему было предложено покинуть Россию, и он уехал в Финляндию. А узнав о Февральской революции и отречении царя, пешком по шпалам вернулся на родину. Вскоре восторженное отношение к революции сменилось у него разочарованием в бессмысленности осуществленного большевиками в октябре семнадцатого социального переворота. В «Новом Сатириконе», в малотиражной газете «Чертова перечница» он помещал заметки и фельетоны, в которых осуждал бесчинства новой власти. «В моей голове, — писал он, — никак не укладывается мысль, что насилие можно уничтожить насилием».

В восемнадцатом году оппозиционные издания закрыли. А год спустя, в самый разгар Гражданской войны, Грина призвали в Красную армию, где он заразился сыпным тифом и почти на месяц попал в так называемые «боткинские бараки». После выздоровления Максим Горький помог ему получить академический паек и комнату в организованном им для спасения творческой интеллигенции Доме искусств на Мойке, 59. Александр Степанович поселился там рядом с Николаем Гумилевым, Вениамином Кавериним, Осипом Мандельштамом и Всеволодом Рождественским.

Именно там он начал писать бессмертную феерию «Алые паруса» — о капитане Грее и девушке Ассоль, которая мечтала, что на шхуне с алыми парусами за ней приплывет

прекрасный принц и увезет ее в «блистательную» страну. Этот удивительный шедевр Грин назвал феерией, сказочной пьесой, чьи персонажи воплощают мечту в реальность.

Трудно вообразить, что такое светлое, согретое душевным теплом произведение могло родиться в сумрачном, холодном и голодном Петрограде, в ранних зимних сумерках сурового 1920 года, причем создал его внешне угрюмый, замкнутый человек, оберегавший от посторонних свой поэтический внутренний мир. Позднее К. Паустовский писал: «Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе «Алые паруса», то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей, тревожащих человеческое сердце призывом к совершенству».

Феерию «Алые паруса» автор посвятил своей третьей жене Нине Николаевне Мироновой (по первому мужу Коротковой). Они познакомились еще в начале 1918 года, когда Нина работала в газете «Петроградское эхо». Ее муж погиб на фронте. Новая судьбоносная встреча их произошла в январе 21-го. Нина отчаянно нуждалась и продавала на рынке вещи из дома, что подсказало впоследствии Грину начало знакового рассказа «Крысолов». 26-летняя медсестра покорила сердце писателя, и через месяц он сделал ей предложение. Следующие одиннадцать лет, отведенных Грину судьбой, они не расставались. Сняли после свадьбы ком-

нату на Пантелеймоновской и перевезли туда свой скудный скарб: немного одежды, связку рукописей, фотографии родителей.

Грин-сказочник, Грин-мечтатель дорог нам и любим поколениями читателей. Но существует и другой, непривычный Грин — земной, петроградский. И, наверное, ни в одном произведении писателя эта редко отмечаемая особенность не прослеживается столь явно, как в таинственной новелле «Крысолов», будто сотканной из призрачных туманов невских островов. Здесь мы напрямую сталкиваемся с личностной основой гриновского творчества.

«Весной 1920 года... я вышел на рынок... Это был Сенной рынок... Я... ходил взад-вперед по мостовой возле разрушенного корпуса рынка. Я продавал несколько книг — последнее, что у меня было». Подобно многим в те роковые года, Александр Степанович мог продавать на этом горестном перекрестке последние книги, а в конце октября 22-го снял с себя на питерской толкучке пальто, чтобы подарить жене ко дню рождения розы и пирожные... Романтиком он был не только в литературе.

Так «Крысолов», проникнутый мрачным колоритом в духе Э. По, зашифровывает факт авторской биографии, реальные перипетии его судьбы. Трагически напряженное действие рассказа с просветленным по-гриновски финалом разворачивается на холодных, зыбких мосто-

вых призрачного Петербурга А. Белого, в настороженных проходных дворах и обезлюдивших домах, застывших на ветру революционной эпохи громадой блоковского Петрограда. И затуманенное мучительными видениями лицо рассказчика напоминает нам о том, как в марте 1920-го санитарный поезд привез сюда на побывку с фронта истощенного и полубольного связиста Александра Грина-Гриневского.

На углу набережной Мойки и Невского проспекта в доме бежавших за границу купцов Елисеевых и помещался тот легендарный горьковский Дом искусств, Ноев ковчег выброшенных революцией на обочину жизни писателей, художников, ученых, артистов. Возможно, прообраз этого дома мы находим на страницах «Крысолова» в окружении конкретных примет гранитного ландшафта Города Петра с разве-

денными в ночной мгле пролетами мостов.

Грин знал и любил не только придуманные им города и архипелаги в неведомых морях. С той же полновесной конкретностью, с тем же пристальным интересом к окружающему миру создана «Автобиографическая повесть», до сих пор заслоненная от нас «Золотой цепью», «Бегущей по волнам», «Дорогой никуда»... Она обозначила новый этап

открывались частные издательства, одно из которых выпустило новый сборник писателя «Белый огонь». А три года спустя известное издательство «Земля и фабрика» опубликовало первый роман Грина «Блистающий мир» о противостоянии с властью летающего человека Друда (как тут не вспомнить более поздний фантастический роман А.Беляева «Ариэль»). Тогда же появились мистический «Крысолов» и

К

вартиру в Феодосии пришлось продать и переехать с женой в Старый Крым, где жизнь была дешевле.

Но и там дела шли хуже некуда — супруги фактически голодали и часто болели. Но Грин не сдавался, продолжая писать роман «Недотрога», который, к сожалению, был не окончен. Но критики все равно относят его к лучшим достижениям творчества Грина. Финал романа писатель продумывал, будучи уже тяжело больным. В конце апреля 1931 года он в последний раз ходил через горы в гости к Максимилиану Волошину в Коктебель. (Сегодня этот популярный туристский маршрут известен как «тропа Грина»)

творчества Грина, который представит в ней без своих привычных литературных атрибутов, но столь же чутким к людским заботам и чаяниям, умеющим разглядеть ростки великодушия и красоты в неприглядных сторонах действительности, тонко ощущающим неброскую прелесть русской природы.

Поначалу в Советской России Грина почти не печатали, но в 1921 году Лениным был введен НЭП, и по-

философско-психологический рассказ «Фанданго». Герой рассказа, ленинградец Александр Каур, через загадочное живописное полотно попадает в Зурбаган, где таинственный Бан-Гран отводит Друда в «дом из прошлого», на встречу с судьбой...

Получив приличные гонорары, Александр Степанович закатил пир горой (он вообще при возможности любил покутить и часто пускался

в загулы с сомнительными компаниями). Затем Грин повез свою ненаглядную Нину в любимый Крым. В Ленинграде купил, было, квартиру, потом продал ее и переехал в Феодосию, в квартиру на Галерейной улице, где сегодня находится мемориальный музей писателя. Инициатором переезда стала Нина, желавшая спасти мужа от пьяных петроградских кутежей и притворившаяся ради этого больной.

В Крыму супруги жили достаточно уединенно, изредка ездили в Коктебель к Максимилиану Волошину. Грин много и неустанно работал. В Феодосии им был написан роман «Золотая цепь» (1925), задуманный как «воспоминания мальчика, ищущего чудес и находящего их». А осенью 26-го он закончил роман «Бегущая по волнам». В этом романе соединились самые сильные стороны авторского таланта: неотступная идея о потребности человека в мечте, поэтичность и увлекательный романтический сюжет. Два года писатель пытался опубликовать свой безусловный шедевр и лишь в конце 1928-го книга увидела свет в издательстве «Земля и фабрика». С большим трудом Грину удалось на следующий год издать и последние свои романы — «Дорога никуда», «Джесси и Моргана».

На закате жизни замечательный писатель грустно отмечал: «Эпоха мчится мимо. Я не нужен ей — такой, какой я есть. А другим я быть не могу. И не хочу... я сам себе цену знаю».

Знали ему, конечно, цену и другие, хотя далеко не все. В 1927 году один частный издатель начал выпускать 15-томное собрание сочинений А. Грина. Но успели выйти только 8 томов, после чего НЭПу пришел конец, а частного издателя арестовало ГПУ. Попытки Александра Степановича добиться выполнения контрактных обязательств издательства приводили к одним лишь огромным судебным издержкам и разорению. Под влиянием нахлынувших переживаний у Грина снова начались запои. Однако семье удалось, в конце концов, выиграть дело, отсудив семь тысяч рублей. Их, впрочем, сильно обесценила инфляция.

Квартиру в Феодосии пришлось продать. В 1930 году писатель с женой переехали в Старый Крым, где жизнь была дешевле. Но и там дела шли хуже некуда. Советская цензура запретила переиздание произведений Грина с иезуитской формулировкой «вы не сливаетесь с эпохой». В качестве большой милости допустило издание его новых книг не более одной в год (!) Супруги фактически голодали и часто болели. Грин даже безуспешно пробовал охотиться с луком и стрелами на окрестных птиц, в результате, обзавелся ручным ястребом Гулем, по обыкновению сидевшим у него на плече (их вдвоем можно увидеть на сохранившейся фотографии).

И все же писатель не сдавался. Неоконченный роман «Недотрога» некоторые критики относят к луч-

шим достижениям его творчества. Финал романа Грин продумывал уже тяжело больным. В конце апреля 1931 года он в последний раз ходил через горы в Коктебель в гости к Волошину (этот до сих пор популярный у туристов маршрут известен как «тропа Грина»).

Между тем, на рабочем столе писателя собирались главы «Автобиографической повести». Благодаря дружескому участию маститого поэта Н. Тихонова, некоторые из них опубликовал в двух номерах толстый литературный журнал «Знамя». Это на время материально выручило семью. Летом Грин съездил с рукописью нового романа в Москву, однако все издательства от него отказались. Вернувшись, Александр Степанович устало сказал Нине: «Амба нам. Печатать больше не будут».

Он обратился в только что созданный под эгидой М. Горького Союз советских писателей с просьбой о пенсии. Ответа не было. Потом стало известно, что на заседании правления Союза ярая соцреалистка Л. Сейфулина заявила: «Грин — наш идеологический враг. Союз не должен помогать таким писателям. Ни одной копейки! Принципиально!». Еще одну просьбу о помощи Грин направил лично Горькому. Нет точных сведений, что письмо дошло до него, но ответа не последовало. «Тогда, — писала в своих воспоминаниях вдова Грина, — он стал умирать».

В мае 32-го неожиданно пришел перевод от Союза писателей на 250 рублей, причем почему-то на имя «вдовы» Александра Степановича, хотя сам он был еще жив. Существует версия, что причиной этого послужило его последнее озорство — он, якобы, послал в Москву телеграмму: «Грин умер вышлите 200 похороны».

Бюст А.С. Грина в Геленджике

Скончался Александр Грин в июле 32-го, в Старом Крыму, на пятьдесят втором году жизни, от рака желудка. За два дня до смерти попросил пригласить священника и исповедовался. Похоронили писателя на городском кладбище. Нина Николаевна выбрала место для могилы на холме, откуда видно море. Скульптор Т. Гагарина изваяла надгробный памятник с фигурой Биче Саниэль, героиней романа «Бегущая по волнам».

Узнав о смерти Грина, несколько ведущих советских писателей призвали издать сборник его избранных произведений, и этот сборник действительно вышел два года спустя. Нина Грин продолжала жить в их маленьком домике из кирпичасырца пополам с глиной и соломой, работала медсестрой. Когда гитлеровская армия захватила Крым, она осталась с тяжело больной матерью на оккупированной врагом территории, затем ее угнали на трудовую повинность в Германию, а добровольно вернувшись в 45-м, вдова Грина была арестована и получила десять лет лагерей, с конфискацией имущества за «измену Родине». Срок отбывала в лагере на Печоре. Первая жена писателя, Вера Павловна, помогала ей посылками с продуктами, одеждой и не дождалась ее освобождения по амнистии 1955 года.

После смерти Сталина усилиями К. Паустовского, Ю. Олеши и некоторых других писателей Грин был

возвращен в отечественную литературу. Его произведения начали издаваться миллионными тиражами. Он по-прежнему входит в число любимых авторов юношества, по-прежнему актуален и созвучен нашему беспокойному времени. Потому что мечта Грина в его книгах — это стремление духовно богатых героев к высшим человеческим ценностям, которые писатель противопоставляет бездушию, жадности, эгоизму. И — убедительно показывает, сколь органичны истинное добро, любовь и сострадание в отличие от разрушительного зла и жестокости.

Органично существуя одновременно в реальном мире и в мире мечты, Грин ощущал себя «переводчиком между этими двумя мирами». Он был близок к символистам, которые старались расширить возможности прозы, придать ей новые измерения, часто используя метафоры и парадоксальные словосочетания.

Изображая чудесные вымышленные края, населяя их гордыми, благородными героями, Грин сам стал заповедным краем на карте нашей литературы. Многие не похожие друг на друга писатели находили там свои тропинки, постигая плодотворную философию гриновской Мечты. Вот почему, удаляясь во времени, Грин, тем не менее, приближается к нам в пространстве. Его «блистающий» мир открыт для всех, кто верит в будущее.

Человек, который плачет

— Не может быть...

— Вы шутите...

— Это арабские сказки.

— Однако это так... Повторяю... мне тридцать пять лет, и я до сих пор не знаю женщины.

Человек, взбудораживший наше мужское общество таким смелым, исключительно редким заявлением, стоял, прислонившись к камину, и сдержанно улыбался. Голубые, холодные глаза его смотрели без всякого смущения и, казалось, ощупывали каждое недоверчиво и любопытно смеющееся лицо.

Однако солидные манеры этого человека, интеллигентная внешность и спокойная уверенность голоса произвели впечатление, выразившееся в том, что возгласы утихли, и в физиономиях отразилось напряженное, тоскливое ожидание целого ряда анекдотов и пикантных повестушек, приличествующих случаю.

После короткой паузы доктор Клушкин, человек очень нервный, очень веселый и очень несчастный в личной жизни, выпрямил скептически поджатые губы, потянул носом и пристально посмотрел на девственника. Тот вежливо улыбнулся и коротко повел широкими плечами, как бы сознавая свою обязанность дать в данном случае надлежащие объяснения.

— Я с большим удовольствием слушал ваш разговор, — сказал этот господин, представленный нам хозяином под фамилией Громова, — и теперь действительно жалею, что молодость моя прошла... сухо. Собственно говоря, к чему бы делать мне такое признание. Но бывают минуты, когда случайные стечения обстоятельств, случайный разговор, анекдот зажигают желания и дразнят тело, наполняя его бессознательным тяготением к этой стороне человеческой жизни, жгучей, таинственной и...

— Да, но позвольте, — сухо перебил доктор, нервно ерзая на стуле и вскидывая пенсне повыше. — Вы говорите, что вы... ну, одним словом... вполне.

- Совершенно.
- И — никогда?
- Всецело.
- Ни-ни..?
- Могу вас уверить в этом.

Доктор вдруг побагровел, прыснул и хихикнул так громко, что сконфузился сам. Снисходительно улыбнулись остальные.

Дело происходило в курительной комнате богатого инженера, после хорошего обеда и основательной выпивки. Дамы перешли в гостиную, а мы, люди тугого кошелька и веселого расположения духа, удалились сюда, отчасти для пищеварения, отчасти для того, чтобы выкурить по сигаре и поболтать, пока не приготовят столы для карт. Надо сказать, что заявление Громова пришлось как нельзя кстати. Запас нескромных анекдотов уже иссякал, и теперь появилась большая надежда воскресить угасавшее оживление...

— Скажите... э-э... — спросил доктор, отделавшись от душившего его смеха: — вы развиты нормально?

- Да.
- Влюблялись?
- Конечно.
- И...
- Как видите.

Сказав это, Громов отряхнул пепел сигары на каминную решетку и полузакрыв глаза. Доктор встал, шумно отодвинул стул, подошел к Громову и, взяв его двумя пальцами за пуговицу сюртука, сказал печальным подвыпившим голосом:

— Вредно-с. Вы расстраиваете себя, свой организм, губите умственные способности... Да-с...

— Ну что же, — улыбнулся Громов, — видно, уж так мне на роду написано...

— Но, — сказал худой плешивый фельетонист, похожий на картонного Мефистофеля, — но... почему же? Это же странно... Красивый, здоровый человек, умный...

— О, — смутился Громов, и лицо его приняло виноватый оттенок, — дело очень просто... Я не имею успеха.

— Да, — обрадовался толстый учитель, заикаясь и причмокивая. — Я пп-они-мм-аю вас... Вв-ы... ззз-астенчивы... а-а... жж-енщины... этт-ого н-не-ллю-ббят...

— Да. Я застенчив и, представьте, застенчив как-то болезненно. Одна мысль о том, что мне могут засмеяться в лицо, обливает меня с ног до головы холодным потом.

— И..? — хихикнул фельетонист.

— Ну... и идешь себе прочь.

Все дружно расхохотались.

— А я хотел бы, — вздохнул Громов. — Хотел бы знать, что такое страсти, супружество, весь этот особый таинственный мир, скрытый от меня...

— Позвольте, — заволновался пивовар, жирный и необычайно кроткий человек с глазами навывкате. — Если вы хотите — я...

Он, грузно пыхтя, протискался между стульев и, подвалившись к Громову, таинственно зашептал ему что-то на ухо. Физиономия пивовара выражала сладостное и блаженное самоуглубление в тайны жизни. Громов серьезно усмехнулся и кивнул головой раза два. Но у пивовара, когда он отошел, в кротких масляных глазах изображалась полная огорошенность.

Художник сидел, склонив на бок черную, кудрявую голову, и в его раскрасневшемся от вина лице таилось вдохновенное глубокомыслие. Вдруг он встряхнулся, ударил рукой по колену и закричал:

— Меня убили. Ха-ха. Убили. Ну, ей-богу же, я не вру... Женщины. Женщины полон свет. Они везде. Они как воздух, как вода, везде, на улицах, площадях, в театрах, подвалах, кафе. В церквях, лугах и лесах. На крышах. На чердаках. На башнях. На колокольнях. Под ногами, над головой. И вы не знаете женщины?.. А... Чудеснейшего, любопытнейшего, святейшего, развратнейшего существа в мире вы не знали? А духи вы нюхали? Цветы целовали? В лесу гуляли? Наконец — ели, пили, спали? Так как же вы не знаете женщины?..

Он остановился, перевел дыхание и посмотрел на Громова, стараясь придать взгляду торжественную строгость, но это не удалось. Его пухлые, румяные губы расплывались в жизнерадостную улыбку, а глаза лукаво смеялись лукавыми блестками.

— Пойдите! — воскликнул доктор. — Это ненормальность, несправедливость. Как так? Да есть же, наконец, женщины... жрицы любви. Хе. Что вы, в самом деле...

— Боюсь. Ну что вы будете делать, — пожал плечами Громов.

— Да-а, — протянул фельетонист, ковыряя в зубах, — вы... того... действительно незадачливый... Ну а как... в теории-то... вы представляете... того...

— Д-да, конечно... но... Я как-то избегал вообще всякого общества и... Вообще, у меня большие пробелы в этом отношении...

— Слушайте, господа, — сказал доктор, воодушевляясь и поднимая вверх пухлый белый палец, — вот перед нами человек, который... не смеется, а... плачет. Но, клянусь вам, в моей практике был такой случай...

Захлебываясь и горячась, он рассказал нам своим скрипучим, нервным голосом историю о том, как он заставил жениться одного человека, дав ему прочесть скабресный роман.

Рассказ то и дело прерывался громкими одобрительными возгласами. Но после этого фельетонисту тоже захотелось рассказать что-нибудь из этой области, и он, еле дав доктору кончить, пустился в необыкновенное фантастическое повествование о бесчисленных совращениях, романах, изменах во всех частях света.

Скоро заговорили все. Сочинялись небывалые истории, никем и никогда не слышанные анекдоты; упоминались имена несуществовавших женщин, сверхтрогательные идиллии и любовные объяснения, в которых рассказчик неизменно участвовал сам, соблазнял, похищал и покупал. При отсутствии человека, никогда не знавшего женщины и, следовательно, завидующего всякому поцелую, полученному другим мужчиной, действовало прищипывающим образом. Каждый хотел, чтобы ему, именно ему, а не другому, завидовал Громов; чтобы его, именно его, рассказчика, женщины, рожденные фантазией в необычайном количестве, казались желанными, прекрасными и доступными только тому, кто сочинил их.

Прошло немного времени, и пол, казалось, был сплошь усыпан осколками разбитых невинностей и супружеских честей. И только тогда, когда лакей пришел доложить, что столы готовы и нас, скромных отшельников, просят пожаловать — родник эротической поэзии иссяк. Забытый Громов стоял у камина и докуривал сигару.

В глазах его сверкало живейшее, искреннее любопытство.

— Так вот, батенька, — сказал доктор, подмигивая и тыча Громова в жилет указательным пальцем, — такое дело... Ну, идемте... Ну, идемте... А кстати, я представляю вас Нине Алексеевне... Да вы ее знаете... Нет? Ба, простите, совсем забыл, что вы приезжий... Ну, это... знаете, я вам доложу... По секрету: три года назад хотел из-за нее стреляться... Как честный человек...

Все тронулись и, войдя в гостиную, увидели несколько новых, незнакомых лиц, а между ними — и женщин.

А когда навстречу Громову поднялась красавица в белом шелковом платье и крепко пожала его почтительно протянутую руку, Громов сказал, улыбаясь и смотря в сторону:

— Господа... позвольте представить... моя жена.

Я с некоторым любопытством посмотрел направо и налево. Там, где секунду назад стояли фигуры наших недавних собеседников, виднелись окаменевшие, шире обыкновенного раскрытые рты.

И только учитель спросил, беспомощно двигая челюстями:

— Кк-ак..? Вв-а-шш-а жж-ена..? □

ЖИЗНЬ ДО ПОЛЕТА В КОСМОС

Ровно 36 лет назад, в 1986 году, в подмосковных Люберцах появился памятник первому космонавту Земли.

Монумент был установлен к памятной дате: 25-летию со дня полета Гагарина в космос. Но каким же образом Юрий Алексеевич был связан с Люберцами?

Летом 1949 года, после окончания шестого класса средней школы в родном Гжатске, несмотря на уговоры родителей и учителей остаться в родных пенатах, Юрий Гагарин засобирался в Москву. Смысленный и упорный паренек твердо стоял на своем — продолжать дальнейшее обучение в столице Страны Советов. Он хотел поскорее «овладеть каким-нибудь ремеслом, что-

бы быстрее начать помогать родителям». Благо в Москве у Гагариных жили родственники. Но попасть тогда в «Златоглавую» будущему первому космонавту в истории человечества не удалось: пока родители собирали сына в столицу, набор в московские ремесленные училища был завершен.

Лишь на исходе сентября 1949 года, при помощи дяди Гагарина, Са-

велия Ивановича, пятнадцатилетнему Юре удалось поступить в Люберецкое ремесленное училище №10. Это учебное заведение было образовано еще в 1930 году на базе Люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения им. Ухтомского. Свободные места оказались только на отделении литейщика-формовщика.

В училище подмосковных Люберец учащемуся Гагарину выдали первую форменную одежду — фуражку с рабочей эмблемой на околыше, гимнастерку, брюки, ботинки, шинель, ремень со светлой пряжкой, на которой были выбиты заглавные буквы «РУ». В этой форме он сфотографировался, а карточку послал в Гжатск родителям: посмотрите, мол, как у меня все здорово складывается. Вот как о том времени вспоминал потом Юрий Гагарин: «В училище определилась моя будущая профессия, которой не суждено было стать основной, — формовщик литейного цеха. Профессия не из легких. Она требует не только знаний и опыта, но и большой физической силы».

Когда будущих ремесленников в ходе производственной практики стали знакомить с заводскими цехами, новичкам было не по себе. Даже более того, страшно и... жутковато: куда ни глянь — огонь, дым, струи расплавленного металла. Однако это были лишь самые первые, поверхностные впечатления новичков. Постепенно, все более и более осваиваясь по мере обучения в училище, Юре стало даже нравиться: просы-

паться с первым заводским гудком, вливаться в поток рабочих, спешащих к проходной завода, ощущать себя равным среди них. В ту пору было плановое производство, и свои производственные задания Гагарин выполнял с очень высокими показателями: 102,3 процента и выше.

Хотя на первых порах случались и досадные казусы. Вот как писал Юрий Гагарин о том времени в своей книге «Дорога в космос»: «Вскоре меня определили к станку — учили специальности формовщика. Рядом со станком двигался конвейер. Мы делаем формы, ставим стержни, накрываем опоку — и на конвейер». Увы, как потом оказалось, все старания были напрасны, работа оказалась сплошным браком, ибо стержни изначально были поставлены с небольшим перекосом. Мастер объяснил ребятам, как надо правильно выполнять работу, и дело пошло лучше.

Получив свою первую зарплату — всего несколько десятков рублей, — юный Юра Гагарин поступил как взрослый человек: отправил часть денег в Гжатск родителям «на хозяйство». Своих отца и мать Юрий Алексеевич очень почитал и искренне любил.

В люберецком училище Юра Гагарин проявил себя с лучшей стороны — прилежно учился и работал, а также участвовал в художественной самодеятельности, играл в духовом оркестре на трубе. А еще занимался в драматическом кружке, в заводском общежитии часто читал стихи

и басни, пел в хоре, увлекался фотографией. Не забывал он и подвижные игры: много и с удовольствием играл с ребятами, особенно в баскетбол. На вопрос отца, Алексея Ивановича, который как-то простодушно поинтересовался у сына, каким же образом он везде и всюду успевает, тот просто ответил: «Главное — правильно распределить свое время».

Одновременно, для получения полного среднего образования, Юра поступил в вечернюю школу рабочей молодежи, которую успешно окончил в мае 1951 года. А спустя всего лишь месяц Юрий Гагарин, всегда выделявшийся необыкновенным упорством и трудолюбием, с отличием окончил Люберецкое ремесленное училище, получив специальность формовщик-литейщик. Местная многотиражная газета «Завод-

ская правда» сообщила своим читателям об отличнике учебы Юрии Гагарине: «В седьмом классе сдают экзамены 332 учащихся. Первыми до установленного срока сдали работы по алгебре Гагарин, Чугунов и др. По этому предмету и по геометрии они получили пятерки», — так в печати появилось первое сообщение о будущем космонавте №1. После двухлетней учебы в Люберцах дальнейший жизненный путь будущего первого космонавта лежал в Саратов — как показавший отличные результаты в августе того же 1951 года он был направлен в Саратовский индустриальный техникум, где продолжил свое обучение по литейной части.

Гагарин всегда с теплотой вспоминал время, проведенное в Люберцах. После легендарного полета

в космос ему еще дважды довелось посетить родное училище. Через год после исторического полета Гагарина в космос в нем открыли музей своего самого знаменитого выпускника. 30 сентября 1965 года, приехав в Люберцы в канун 25-летнего юбилея советской системы профтехобразования, уже известный во всем мире летчик-космонавт Ю.А. Гагарин оставил замечательную запись в Книге почетных гостей: «Рад побывать в родном училище. Здесь все изменилось за эти годы, стало краше, культурнее, хорошо оборудованы учебные кабинеты и классы. Созданы все условия для приобретения профессиональных знаний и навыков...» Второй раз Гагарин посетил свою люберецкую alma-mater 22 февраля 1968 года, его визит был приурочен к полувековому юбилею Вооруженных Сил и Военно-Морского Флота и одновременно к 25-летию системы профтехобразования «Трудовые резервы». Юрий Алексеевич подарил музею тренировочный костюм — скафандр и костюмы летчиков высшего пилотажа. И разве мог тогда кто-нибудь предвидеть, что до трагической гибели легендарного человека оставался всего лишь месяц...

Среди экспонатов музея есть парта, за которой сидел Юра Гагарин, рабочие инструменты космонавтов, космическое питание и другие подлинники экспонаты. В марте 1970 года в музее побывала и Анна Тимофеевна Гагарина, мама первого космонавта, она передала в дар музею фуражку своего сына времен его обучения

в Люберецком ремесленном училище. В наши дни Люберецкий техникум, расположенный в самом центре города, по праву носит имя своего легендарного ученика.

В 1986 году перед входом в здание техникума был установлен памятник первому космонавту планеты работы Александра Новикова. Памятник представляет из себя скульптуру высотой 3 метра 65 сантиметров, изображающую Юрия Гагарина в полный рост. Ю.А.Гагарин изображен в скафандре, в котором он совершил свой исторический полет, но без шлема. Скульптура установлена на постамент, выполненный в виде планеты Земля, которую обвивает лента, символизирующая орбиту, и создается впечатление, что первый космонавт планеты шагает по этой ленте-орбите.

Интересный факт: точные копии люберецкого памятника были установлены в Лондоне и Ижевске. В столице Туманного Альбиона памятник первому космонавту был воздвигнут в 2011 году и приурочен к полувековому юбилею исторического полета, открывшего человечеству дорогу к звездам и, одновременно, к двадцатилетию полета Хелен Шарман — первой космонавтки из Великобритании, совершившей свой полет, кстати, на советском космическом корабле «Союз». Перед тем как определиться с внешним видом монумента, который должен был быть установлен в столице Соединенного Королевства, представители специально созданного британского фонда

объехали несколько десятков российских городов, после чего их взвешенный выбор был остановлен на скульптуре, установленной в подмосковных Люберцах. В настоящее время этот памятник Юрию Гагарину находится на территории британской Королевской обсерватории Гринвич, где установлен на террасе, названной в честь первого космонавта планеты Земля.

А в столице российских оружейников Ижевске копия люберецкого памятника Гагарину была установлена в 2016 году, к 55-летию полету Юрия Алексеевича Гагарина в космос. В торжественной церемонии открытия присутствовали два отечественных космонавта: Герой Советского Союза Александр Викторенко и Герой Российской Федерации Олег Артемьев.

В своих воспоминаниях люберчане, учившиеся и работавшие в середине прошлого века вместе с будущим первым космонавтом планеты, неизменно отмечали помимо высоких профессиональных качеств его необыкновен-

ное трудолюбие, стремление к достижению поставленной цели, человечность и внимание к людям.

За те три с половиной десятилетия, что памятник Юрию Гагарину украшает Люберцы, сформировалась добрая традиция: в памятные даты около монумента проводятся торжественные митинги с участием работников люберецкого Научно-производственного предприятия «Звезда», где был выпущен скафандр, в котором летал в космос Юрий Гагарин. Народная тропа к памятнику первому космонавту планеты не зарастает. Ведь Гагарин — это гордость нашей страны и нашего народа. Его образ и величайший подвиг будет жить в веках. □

СЕРЕБРО

*Герой Советского Союза
космонавт Александр Серебров*

Когда моему сыну исполнилось шесть лет, он «заболел» небом. Болезнь протекала остро и без надежды на скорое выздоровление. Стены нашей квартиры были увешаны портретами Циолковского, Королева, всех космонавтов, покупались какие-то замысловатые тренажеры якобы для подготовки к космическому полету, придумывались упражнения для тренировки вестибулярного аппарата в состоянии невесомости, сочинялись программы по выходу в открытый космос, скупалась вся литература, посвященная развитию космонавтики. Все близкие родственники составляли отряд космонавтов, и сын придирчиво отбирал наиболее подготовленных для форми-

рования экипажей. Парень наш, похоже, совсем свихнулся. Он знал наизусть все биографии космонавтов, писал им письма и поздравительные открытки и слал телеграммы к дням рождения и к Дню космонавтики. На почте, куда мы регулярно появлялись с очередным посланием, уже поглядывали на нас подозрительно — вся эта история приобретала маниакальный характер.

Однажды в начале осени нам в Переделкино позвонила хорошая знакомая, тоже включенная в космический экипаж, и подозвала к телефону сына Филиппа, который с сестрой Ксеньей в это время преобразовывал чердак дачи в космический корабль. Филипп подошел к телефону, какое-то время напряженно слушал, потом лицо его пошло багровыми пятнами, он бросил трубку и осевшим голосом потрясенно сообщил:

— Завтра... к нам в гости приедет... Герой Советского Союза космонавт Александр Серебров. — А потом обретшим силу голосом завопил, как бешеный: — Ура-а! Он ведь только после полета с Леонидом Поповым и Светланой Савицкой, буквально несколько дней назад, 27 августа, стал Героем Советского Союза!

— А сколько он летал? — спросила Ксения.

— Он летал 7 суток 21 час 52 минуты 24 секунды, — выпалил наш ребенок. — Серебров — бортинженер, окончил физтех. С 8 декабря 1978 года — в отряде космонавтов, с 1982 года — космонавт-испытатель. Ура!!

На следующий день у нас на даче появился Александр Александрович Серебров. Сказать, что это был человек убойного обаяния — это ничего не сказать о том мощном энергетическом позитивном поле, которое он излучал. Голливудская внешность: улыбка в тридцать три белоснежных крепких зуба, ямочки на щеках, низкий хрипловатый голос, глаза умные, цепкие, пронизательные и походка... еще шаг — и взлетит. Наша знакомая, которая «нарыла» Сереброва, в молодости вместе с ним была вожатой пионерского лагеря «Орленок».

Филипп наш поначалу находился в состоянии полной невменяемости, но Серебров быстренько снял с него этот груз. Вытащил из сумки космическую еду: тубики с супами, кашами, мясом, упакованный для полета хлеб, а потом долго, подробно, иногда очень серьезно, иногда с юмором отвечал на доскональные вопросы Филиппа. Поведал, что в десятом классе чуть не сделался киноактером. Его приглашали сниматься в фильме «Приключения Кроша», но он отказался, сказав, что с его головой 62-го размера все актеры рядом будут сами выглядеть «крошами». Потом его еще не раз приглашали сниматься в кино. Тут Серебров вздохнул и признался, что сам понимает, какова его внешность. Прямо-таки героическая, и физиономия плакатная — так он выразился.

Когда этот человек уехал, после него долго оставался тот след, то

«послевкусие», то нечто, которое все время возвращало нас к его словам, его улыбке, его насыщенным паузам.

Мы подружились. Он виртуозно водил машину, легко знакомился и нелегко сходилась ближе с нашими друзьями, грациозно и изысканно готовил, приговаривая, что качественно приготовить еду дано только мужчине, умел сотворить руками все, что угодно, исправить любую поломку. Его интеллект превосходил все представления об этом редчайшем человеческом даре. Летчик-космонавт В.В. Циблиев называл его космическим Кулибиным. Говорил, что в полете Серебров — ураган. Так жил космосом и станцией, так ее чувствовал, что прогнозировал любые отказы техники.

Я как-то спросила его:

— Саш, ты рекордсмен по количеству выходов в открытый космос. Даже занесен в Книгу рекордов Гиннеса. Более 372 суток... Ужас! Помнишь, даже был случай, когда в открытом космосе карабин отцепился от поручня, и какое-то время ты побыл искусственным спутником Земли или, как ты пошутил, космическим мусором. Так неужели, находясь ТАМ, ты ни-че-го такого... не почувствовал, не увидел?

Серебров сделал большие глаза, в которых сразу забегали смешинки и, перейдя на таинственный шепот, ответил:

— Если даже и чувствовал и видел, то сие унесу с собой. Даже под пыт-

кой испанским сапогом не признаюсь! — Рассмеялся и прибавил: — Я же рассказывал, как во мне мутант поселился. И хватит с тебя.

Действительно, рассказывал о том, как в космосе продувал собственными легкими магистраль для откачки воды (это такая гнутая трубка). Дунул изо всех сил, а с другого конца такая «сопля» вылетела, будто слон высморкался. Накрыли ее полотенцем, еле собрали. А ему эта бактерия через рот в легкие и кишки попала. Уж какие только врачи потом не смотрели, говорили: «Лечить нечем. Аналогов на Земле нет. А внутри — мутант».

Я заканчивала одну из своих книг, и мне понадобилось подробней узнать о понятии «сингулярность». Я позвонила Саше.

— Серебро, привет! Можешь объяснить популярно, что такое сингулярность?

— Популярно? Это как бы единственность... Подожди, я сейчас гляну в Космической энциклопедии и перезвоню.

Перезванивает и говорит обескуражено:

— Представляешь? Смотрю в энциклопедию на «С» — Серебров есть, а сингулярности нет.

Однажды Саша позвонил, а я в этот момент пыталась вырваться из дикой пробки и ответила:

— Ой, привет, Серебро! Перезвоню, ладно?

И услышала в ответ какой-то совсем нехороший его голос:

— Погоди... Я хотел сказать одну важную вещь... Я бы хотел, чтобы ты непременно пришла на мои похороны. Ясно? Придешь?

У меня заняло все внутри, но я весело ответила:

— Слушай, Серебро, я таких шуток не воспринимаю!

Я знала, что в один из сашиных полетов в станции оказалось очень низкое давление — примерно 630—610 мм. А в грузовике, который через три дня должен был отстыковаться, бак кислорода — 50 атмосфер. ЦУП велел сбросить его в станцию. А там и так кислорода полным-полно. Но есть приказ: «Выполняйте. Сброс кислорода в станцию ничем опасным не грозит». Выполнили приказ, после чего не могли выдержать полностью сеанса связи — голоса садились. Этот кислород потом Сереброву и аукнулся! На Земле до полета ему вставили пластиковые сетки в пах, но кашель был такой сильный, что сетки эти порвал. Еще раз оперировали — новую сетку ставили. Серебров тогда вернулся с «закислороженными» («мраморными») легкими. А случившийся несколькими годами спустя пожар на даче окончательно добил его легкие.

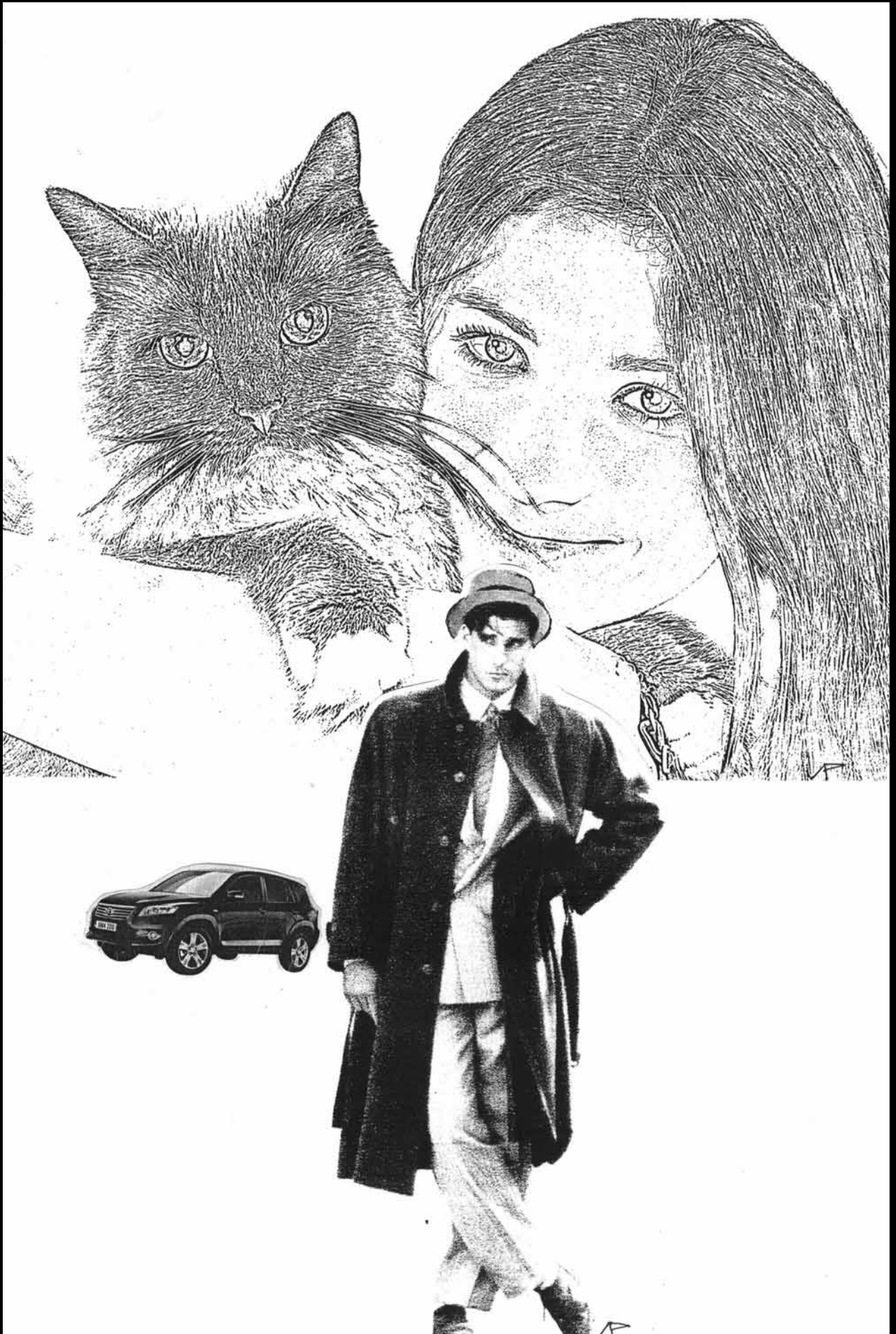
Он часто повторял и, в частности, о чудовищных проколах в космосе: «Во всем виноваты троечники. Троечники губят все на корню».

Тогда, выбравшись из пробки, я так и не перезвонила Саше. Замоталась. Его не стало через неделю

после нашего разговора. Как-то он говорил о том, что очень красиво из космоса смотрится Земля, когда на нее ложится первый снег. Я запомнила это, и когда в Москве начинался первый снегопад, всегда звонила и сообщала радостно, чтобы он немедленно посмотрел в окно.

12 ноября 2014-го исполнился год, как он навсегда покинул планету Земля. Улетел в свой ненаглядный Космос. А за несколько недель до этого все московские улицы нарядились в белые пушистые одежды. Я увидела это утром, когда подошла к окну, и тихонько прошептала: «Ну вот. С первым снегом, Серебро...» □

Олег Визер

Тайсон

основано
на реальных событиях

Тайская кошка — животное с изумительными небесно-голубыми глазами, цвет которых тайцы считают наградой богов за верную и преданную службу в буддистских монастырях и при королевских дворах. Вся история существования породы овеяна многочисленными легендами. Даже в современном Таиланде свято верят в то, что кошка способна отгонять злых духов и приносить в дом мир и покой. Очень умная, нежная и ласковая, и в то же время бесстрашная и преданная, тайская кошка — это настоящее чудо природы, созданное, чтобы приносить людям счастье.

Кот дремлет на подоконнике; изредка приоткрывая глаза, наблюдает за возней хозяев: те собирают вещи, пакуют их в большие коробки, при этом чересчур шумно разговаривают, ликуют, будто с часу на час должен прилететь волшебник и исполнить их заветную мечту. Прислуга тоже задействована, помогает. Куда, интересно, они собираются? Коту хотелось подойти, рассмотреть все поближе, обнюхать чемоданы и сумки, принять непосредственное участие в сборе вещей, но его все время прогоняют — мешается, видите ли, под ногами. Что ж, ясно одно: судя по собранным вещам, на улицу

выходить придется. А как не хочется покидать теплое, уютное место, каким является этот дом. Снаружи пасмурно, слякотно и сыро — бр-р-р! Вот если бы уехать туда, где тепло, ведь хозяева часто катаются по жарким местам и его таскают с собой (куда ж без него, он — их любимец). Единственное, что ему не нравится во время таких путешествий, так это утомительные, тошно-творные перелеты в чреве железных птиц, которых он ненавидит сильнее, чем холод. Но ничего не поделаешь: если надо будет лететь, никуда ему не деться: хозяева никогда не оставляют его, когда уезжают далеко и надолго.

Кот приподнял голову, внимательнее посмотрел сначала на уже собранные в коробки вещи, а потом на те, что остались неупакованными, и задумался: «Если они собираются уезжать, то почему не складывают его собственные предметы первой необходимости, которые обычно берут с собой: теплый домик, мягкий коврик, миска, поводок, любимая игрушка, хм... А таблетки от укачивания где, а сухой корм? Все лежит нетронутым. Может, поездка планируется не сегодня?» Кот положил голову на передние лапы, вздохнул: вся эта суета ему не нравилась. Обычно, отправляясь в теплые края, они не берут с собой много вещей: пару чемоданов, пару сумок, и все. Что происходит? Неужели собираются переезжать в другое место? Не хотелось бы. Ему нравится здесь жить, он привык к этой усадьбе. Тут огромная территория, есть, где разгуляться.

Что ж, ему ничего не остается, кроме как мириться с неведением, и ждать, чем все закончится. Он же кот, и не может спросить. Человеческий язык ему непонятен, но по знакомым звукам некоторых слов, которые на протяжении утра произносят хозяева, по радостному детскому «ура» ему ясно одно: в ближайшее время какая-то поездка все-таки намечается. Причем, судя по счастливым глазам и улыбкам, все домочадцы о-очень хотят покинуть этот дом. Кроме, разве что, прислуги.

Ладно, придет время — все выяснится. И кот уснул, подергивая усами.

Семья бизнесмена Игната Абросимова последние дни пребывала в приятных хлопотах: продажа дома, оформление различных документов, переезд на новое место жительства за границу. Все были счастливы, все на взводе в предвкушении новой жизни. И если не считать иногда возникающих между супругами споров по поводу того, что из вещей необходимо брать с собой, а что выкинуть или просто оставить новым хозяевам, все, вроде, шло нормально.

После полудня, когда все ценные вещи были собраны и приготовлены к отправке в питерский морской порт контейнеровозом, приезд которого ожидался с минуты на минуту, вдруг возникла проблема: что делать с котом?

В последние дни Игнат так закрутился в связи с переездом, что у него совсем вылетел из головы питомец, которому нужно было сделать все необхо-

димые для переезда документы: оформить ветеринарный паспорт, получить международный сертификат и купить билет. Теперь никак не успеть — завтра утром встреча с покупателем, закрытие сделки; потом передача бизнеса партнерам, а вечером они улетают. Игнат был в отчаянии: как объяснить детям, что кот с ними не едет? Они расстроятся, да и Римма, жена тоже не будет довольна. Как он мог умудриться забыть про него! Кота, конечно, жалко, как-никак он живет с ними восемь лет, и все к нему привязаны. Но переносить поездку и сдавать купленные билеты Игнат не собирался. Да это и невозможно: послезавтра его ждут в Испании для окончательной сделки купли-продажи нового дома. Нет, заниматься усатым уже некогда. Да, собственно, и бог с ним, это не первый и не последний кот. Приедут на новое место, приобретут другого.

Но что делать с этим? Игнат спешно перебирал в уме все возможные варианты. Новым жильцам не оставишь, они не сторонники живности в доме; и так воротили нос, узнав про то, что в доме живет кот. Может, в приют для животных отдать? А почему нет? По крайней мере, у него там хоть крыша над головой будет да какая-никакая кормежка — худо-бедно, проживет в тепле и с голоду не помрет. А там, смотри, повезет, кому приглянется — приютят. Так, пожалуй, он завтра и сделает: по пути, когда поедет к нотариусу, заскочит в приют.

Дети, понятное дело, визжали в истерике, когда узнали, что кот с ними не едет, что его отвезут в приют для домашних животных.

— Это гостиница такая, милый, — успокаивала Римма младшего сына Егора. — Ты помнишь отель в Эмиратах?

Малыш, вытирая щеки от слез, неохотно кивнул:

— Помню.

— Вот такой точно отель у него будет и в приюте. Не переживай, малыш.

— Там тоже, как в Эмиратах, «шведский стол» есть? — спросил Павел, старший сын.

— Да, — сухо ответила мать и с укором посмотрела на мужа.

— Ага, из креветок, икры и колбасы будет стол, — съязвила дочь.

Но никакие заверения взрослых о том, что коту будет лучше в «кошачьем отеле», не могли успокоить детей. Весь день они хныкали, доставая родителей бесконечными просьбами взять любимца с собой. Но взрослые оставались непоколебимы: животное с ними не едет. Все, эта тема закрыта.

Кот в недоумении наблюдал за раздором в семье, понимая одно: речь идет о нем — уж слишком часто звучит его имя. Весь вечер он находился в центре внимания: дети с нескрываемой жалостью брали его на руки: тискали, целовали, гладили, разговаривали с ним без умолку. И отчего-то плакали. Подобное происходило однажды, когда он приболел. Но почему они жалеют его сейчас, он понять не мог. Кот слизывал с их заплаканных лиц падающие гроздьями слезы непомерного горя. Ему и раньше был знаком этот

солёный вкус — не раз приходилось жалеть детей языком, когда они расстраивались, но сегодня в их слезах присутствовал какой-то посторонний, непривычный привкус: тревожный такой, терпкий и зловещий, как ночной лес за высокой оградой усадьбы, куда он ни за какие вкусняшки не согласился бы пойти.

В чем, интересно, проблема?

Таисия Волкова — киоскер. Она полжизни проработала в газетном ларьке, расположенном неподалеку от станции метро «Алексеевская», что на проспекте Мира, на остановке общественного транспорта. О, сколько всего и плохого, и хорошего за долгие годы работы женщина повидала на этой остановке; сколько разных по характеру людей прошло мимо витрин ее киоска: и вежливых, и грубых, и веселых, и грустных. Всякое здесь случалось: и драки бывали, и споры, и ссоры. Даже на киоск покушались, и не раз, стекла били, лично ее оскорбляли, грозили расправой. А сколько грубости и хамства она наслушалась, сколько бескультурья насмотрелась, уж и не сосчитать в памяти. Бывало, приходилось полицию вызывать, чтобы урезонить разбушевавшуюся подвыпившую молодежь или остудить пыл недовольных обслуживанием грубых, неадекватных покупателей.

Лица людей — Таисия видела их сотни. Многие из них, в разный период времени, становились ей знакомыми: это лица, прежде всего, постоянных покупателей, которые каждый день приобретали свежие газеты и журналы, и лица людей, ожидающих по утрам автобус, чтобы уехать на работу.

Автобусная остановка тоже меняла свой вид вместе со временем: в семидесятых это была пустынная платформа с торчащим посередине дорожным знаком «Остановка автобуса»; в восьмидесятых на платформу установили павильон — невзрачное подобие летней беседки, — обшитый тонкими листами железа, вечно ржавеющими и срывающимися с креплений при каждом сильном порыве ветра; в начале девяностых построили кирпичную остановку, закрытую с трех сторон, облицованную картинками из керамической мозаики в стиле соцреализма (к тому времени уже неактуальному). В начале нулевых годов, унылую и выщербленную, с треснутой и отколотой мозаикой, разобрали и ее. И только недавно, к юбилею Победы, установили современный автопавильон с удобной деревянной скамьей, с трех сторон закрытый прозрачными стенками из оргстекла, в одной из которых находится встроенный рекламный стенд с подсветкой, автоматически меняющий плакаты.

Газетные киоски, как неотъемлемая архитектурная часть городской среды, раньше всегда располагались почти на каждой остановке для общественного транспорта и в самых оживленных местах. Это в последние годы они исчезают с остановок, по-видимому, изжив себя; от ларьков нынче из-

бавляются из-за дороговизны арендного места, а может, по причине нерентабельности: электронные СМИ вроде как вытесняют печатные.

Будучи, так сказать, в центре событий, какой киоскер не любит наблюдать за жизнью города через витринные окна своего павильона, плотно заставленные всевозможной мелочью: календариками, брошюрами, блокнотами, сувенирами, брелоками для ключей, наборами авторучек и воздушных шариков. Через узкие полоски свободных пространств, образованных между товарами, у продавца имеется возможность тайно, как хищнику из засады, видеть всех и все, оставаясь малозаметным для окружающих. Благодаря своему «укрытию», киоскер видит то, чего многие не замечают. В поле его зрения невольно попадают такие детали, на которые пешеходы в суете не обращают внимания.

Каких только историй не помнит Таисия Волкова, связанных с автобусной остановкой. Но подобно той, какая случилась этой весной, она припомнить не могла...

Игнат пообещал Римме, что по дороге в офис заедет в приют и определит туда кота. Он взял ничего не подозревающего красавца подмышку, вышел из дома и направился к ожидающему у парадного входа «гелендвагену». Сел на заднее сиденье, выпустил из рук животное и скомандовал водителю:

— В офис!

После его отъезда Римма с трудом успокоила детей. Пришлось пообещать им, что, как только они обоснуются на новом месте, каждому из них они с папой купят по котенку, да хоть по два.

На улице моросил дождь. Всю дорогу кот обеспокоенно смотрел по сторонам, искоса поглядывая на хозяина, который пребывал в каком-то задумчивом и скованном состоянии и редко смотрел на него; а когда смотрел, то смотрел, как на врага. Коту это не нравилось. Не радовал его и тот факт, что поводок и ошейник остались дома.

Подъезжая к метро «Алексеевская», Игнат подался вперед, что-то разглядывая впереди через лобовое стекло, и после некоторого замешательства приказал водителю остановиться на автобусной остановке. «Не буду тратить время на ерунду. Есть важнее дела», — решил он и взял кота на руки. Джип, скользя колесами по грязной кашнице, взял вправо и затормозил. Остановка была безлюдна, автобус, видимо, только что забрал пассажиров и уехал. Игнат быстро открыл дверь и выскочил из машины вместе с котом.

Скучающим взглядом Таисия смотрела на нескончаемый поток машин через мокрые от дождя стекла киоска, думая о своем, когда черный джип, поравнявшись с ларьком, начал резко останавливаться, скрежеща тормозами.

Не успела машина полностью остановиться, как задняя дверь открылась, и мужчина в черном деловом костюме буквально выпрыгнул из нее. Прикрываясь от ветра и дождя натянутым на голову воротом пиджака, он вбежал в автопавильон, положил — скорее, бросил! — на скамью какой-то округлый предмет серого цвета, похожий на продовольственный пакет, и бегом вернулся к машине. Запотевшее и мокрое стекло боковой стенки остановки не позволяло Таисии разглядеть, что оставил там мужчина. А джип тем временем, пробуксовывая на мокрой дороге, рванул вперед и умчался в сторону области, оставляя за собой туманный хвост завихрения. Еще секунда, и машина исчезла из виду, слившись в общем автомобильном потоке.

То, что сначала Таисии показалось пакетом, вдруг зашевелилось, и в размытом пятне ясно проявилось очертание животного — кота. Он стремглав спрыгнул со скамейки и бросился вслед за убегающим хозяином, но резко остановился — широкая лужа преградила ему путь. Он застыл в нерешительности, наступив в нее передними лапами, и тут же отпрянул назад, жалобно мяукнув вслед уезжающему в джипе хозяину. Некоторое время кот беспокойно осматривался по сторонам, не зная, куда себя деть, прижимал уши к голове, пугаясь громкого шума машин. Определив, что позади, на скамейке, на которой его оставил хозяин, менее ветрено и сыро, он вернулся, запрыгнул на нее и стал оттуда смотреть в направлении, куда уехал хозяин.

Съездившись от ветра, кот внимательно всматривался в проносящиеся автомобили, выискивая среди них знакомую машину. Может, хозяин за чем-то отъехал и скоро вернется?

Люди с сочувствием наблюдали за красивым, ухоженным котом, жалели его, подходили, гладили, разговаривали с ним, спрашивали, что он здесь делает, кого ждет. Но в ответ кот только щурился от мороси и все смотрел, смотрел на поток машин, в ту сторону, куда уехал любимый хозяин в своей теплой машине. Он не боялся людей, нет, но в данный момент они ему мешали — отвлекали от наблюдения.

Шли минуты, а хозяин не возвращался. Десятки людей сменяли друг друга на остановке, и все обращали свой взор на одиноко сидящего на скамейке кота. К нему подсаживались, пытались взять на руки, посадить на колени, чтобы согреть, но он не желал ничьей помощи. Противился бесконечным попыткам поднять его, постоянно вырывался из добрых объятий и возвращался ровно на то место, на котором его оставили (будто боялся, что, переместившись на метр в сторону, вернувшийся за ним хозяин не сможет обнаружить его).

Шли часы, за котом никто не возвращался. Но он не отчаивался, не паниковал и не покидал скамью, веря, что за ним обязательно вернутся. Ох, если бы не пронизывающий ветер и этот противный дождь, он бы чувствовал себя намного увереннее и мог бы ждать здесь хоть целый день, хоть всю ночь.

Пассажиры в ожидании автобусов обсуждали кота, строили догадки, чей он, как здесь оказался, домашний он или бродячий, потерялся, или его забыли на этой остановке? Кто-то заметил свежую полоску примятой шерсти на шее — вероятно, от ошейника, и сделал вывод, что животное домашнее. Да ни у кого и не вызывало сомнения, судя по ухоженной шерсти и плотному телосложению, что животное содержалось в хороших условиях.

Таисия отпустила последнего покупателя, закрыла окошко изнутри и приложила к стеклу табличку «Перерыв». Вышла из киоска, подошла к скамейке, чтобы лучше разглядеть кота. Это был красавец, напоминавший кошек сиамской породы. Но чем дальше Таисия рассматривала его, тем сильнее в нем проявлялось нечто большее: магическое, нестандартное и настолько великолепное, что женщину наполнило доселе незнакомое ощущение — перед ней не обычное животное, а разумное существо в облике кота. Его выразительные, лимонovidной формы умные глаза имели необыкновенный небесно-голубой цвет, который создавал разительный контраст на фоне грязно-серого городского пейзажа вокруг. Удивительные раскосые глаза завораживали своей ясностью и красотой — в их синь хотелось смотреть бесконечно. Туловище было светло-кремового окраса, лапы, хвост, уши и «маска» на мордочке — черные. При этом окрас пятен не имел четкой границы и не был сплошным, а плавно, по мере приближения к туловищу, расходился на полосы, постепенно переходя от темного к светлому оттенку: иссиня-черный на лапках, ушах и кончике хвоста перетекал в темно-коричневый, дальше — в карамельный и, наконец, — в лиловый. Непревзойденный красавчик! И все бы в облике кота было идеальным, если бы не та нескрываемая грусть во взгляде, с которой он смотрел на окружающий мир. Глаза без слов выражали единственную эмоцию — печаль, а из их глубины, казалось, вот-вот донесется отчаянный крик души о помощи.

«Как можно такую красоту взять и выбросить на улицу?» — недоумевала расстроенная Таисия.

Весь день кот просидел на одном месте, игнорируя знаки внимания подходивших к нему людей. Каждый второй человек пытался растормошить его, заглянуть ему в глаза, но кот оставался непоколебим; только лишь разрешал гладить себя, потому что не мог позволить себе отвлечься от наблюдения — кроме проезжающих по проспекту машин его ничего не интересовало.

Когда начало смеркаться, в сердце кота закралась тревога. Ночь — пора отдыха у людей, в темное время суток они спят — он это знает. За долгие годы жизни среди людей его организм перестроился под такой же режим «сна-бодрствования», и теперь он с удовольствием спит вместе с хозяевами большую часть ночи, но... Его не очень-то прельщала перспектива просидеть тут до утра — в такой тоске и таком холоде он ни разу в жизни не оказывался.

И вдруг, глядя на пассажиров, приезжающих на автобусах, ему пришло на ум, что за ним не обязательно должен вернуться именно хозяин, и именно на машине, ведь есть хозяйка, дети, которые тоже могут за ним приехать на одном из таких автобусов. От этой мысли стало немного теплее, кот даже немного приободрился. Теперь, когда прибывал очередной автобус, он отвлекался от наблюдения за дорогой и переключал все внимание на поток пассажиров, выходящих из салонов. Принюхивался к ним, отыскивая в воздухе знакомые запахи, приглядывался, выискивая родные лица. Увы, хозяев среди них не было.

Наступающая ночь — а вместе с ней и неясность, что его ждет впереди — удручала кота. Ветер усиливался, и мелкие капли теперь залетали внутрь павильона, оседая на шерсти кота. Почти весь промокший, он пытался облизывать самые мокрые места, чтобы хоть немного избавиться от влаги, но очередные капли мороси тут же ложились на только что подсушенную языком шерсть.

Свет в газетном киоске погас. Из него вышла женщина, опустила на окна жалюзи, закрыла дверь на ключ и подошла к коту. Достала из сумки пакетик, развернула его и высыпала содержимое под скамейку: пару колечек вареной колбасы, кусочек хлеба с маслом и куриную косточку — свои остатки еды после обеда. Она погладила кота, поговорила с ним, осторожно взяла двумя руками за туловище и опустила рядом с едой, но тот только понюхал гостинцы, с благодарностью посмотрел на киоскершу, но есть не стал. Таисия еще некоторое время уговаривала красавца съесть хоть кусочек, но тот даже не облизнулся, а неторопливо вернулся на свое место. Он следил за машинами, а женщина своим телом закрывала ему обзор: ему приходилось приподниматься и заглядывать, вытягивая шею, за ее туловище, чтобы видеть ту часть улицы, где скрылась машина хозяина. Таисия это заметила, улыбнулась и отошла чуть в сторону. Спустя минуту она села в подъехавший троллейбус и уехала в том же направлении, в котором уехал «гелик» Игната.

Таисия ехала домой и думала о коте. Весь день она наблюдала за ним, видела, как его пытались накормить: кто куском пиццы, кто хот-догом, кто просто куском хлеба, а он упрямо отказывался от еды, хотя и был с утра голодный. Тревожное состояние и напряженное ожидание не оставляли бедняжке места мыслям о пище. Он боялся, что проглядит хозяина, пока будет есть, переживал, а вдруг он его не заметит, проезжая мимо остановки, или не узнает в сумерках, а то и вовсе перепутает с каким другим котом. Киоскерша видела, как кота безуспешно пытались забрать с собой, потому и сама даже не пробовала увезти его в тепло своего дома. Она наивно надеялась, что за котом могут вернуться — вдруг сердце хозяина сжалится...

Время шло, людей на улице становилось все меньше; автобусы прибывали реже, из полупустых салонов редко выходили пассажиры; остановка опустела. Заметно поредел и поток машин на проспекте, отчего коту стало легче рассматривать каждую машину. Но сколько он не напрягал зрение, сколько не вглядывался, ни знакомого джипа, ни любимых лиц так и не увидел.

Наступила полночь, опустели тротуары, редкие машины проезжали по проспекту; люди в квартирах погасили свет, оставался гореть только приглушенный дежурный свет в учреждениях и бизнес-центрах, — а за котом так никто и не приехал. Судорожно дрожа, он до утра просидел на одном месте, не сомкнув глаз, ни разу не дотронувшись до еды, накануне оставленной добрыми людьми. Щурясь от ветра и распыленных в воздухе капель, он всю ночь смотрел на дорогу, и в пятом часу утра встретил первый автобус с двумя полусонными, одинокими пассажирами внутри. Прибытие автобуса оживило кота — он почувствовал начало дня, а значит, когда полностью рассветет, за ним приедет хозяин. Обязательно приедет. Ведь они не смогут прожить без него, потому что очень сильно любят.

В то время как кот неподвижно сидел ночью на скамейке, Таисия, лежа в постели, невольно вспоминала про него, оттого долго не могла уснуть, все переживала: как он там, где он, нашел ли его хозяин? А может, доверился кому, и сейчас в добрых руках? Она молила бога, чтобы его в павильоне не было, когда она утром приедет на работу.

Но кот был.

Он сидел на том же месте и уставшими глазами, наполненными печалью, следил за проезжающими мимо машинами. От грязевого душа светлая шерстка на туловище посерела, кот заметно дрожал от холода. Ему, привыкшему к теплу, было не то чтобы некомфортно, он еле сдерживал неумный порыв взять сию же минуту и рвануть с места, убежать прочь от этого холодного места. Но самозабвенная любовь к человеку, природная безраздельная преданность и верность не позволяли ему покинуть остановку. Хозяин сильно расстроится, если, вернувшись сюда, не обнаружит его. Да и остальных членов семьи он сделает несчастными.

Когда полностью рассвело, и улицы снова наполнились людским и автомобильным потоками, кот приободрился; к нему вернулись уверенность и смелость. Он даже неслышно мурлыкнул, но как-то неумело, хрипло, потому что мышцы груди, скованные холодом, делали дыхание затрудненным и сбивчивым.

Таисия с болью в душе наблюдала за бедным котом весь следующий день. Она проклинала бездушных хозяев, которые бросили животное и уехали.

Такой собачьей преданности у котов она еще не видела. «Как, скажите на милость, как от такой верности можно отказаться! — не укладывалось у нее в голове. — Как можно взять и выбросить такую прелесть на улицу, в холод и голод. Кто они, эти бездушные люди? Не мучает ли их сейчас совесть?»

Весь день преданный кот ждал хозяина. Подходившие к нему люди совершенно не интересовали его. Как и накануне, все свое внимание он сосредотачивал только на проезжающих автомобилях в надежде, что увидит остановившийся напротив него, затем откроется дверь, и он увидит любимое лицо хозяина, вернувшегося за ним. Тот позовет его, похлопав по бедру, он подбежит, запрыгнет к нему на колени, прижмется всем телом, замурлыкает, но уже чисто, без хрипов, по-настоящему радостно, и помчатся они обратно домой... в уют, любовь и тепло...

Известно, что кошки обладают способностью «геолокации», брошенные за сотни километров от дома, они находят обратный путь. Что касается тайцев, то эти породы кошек особенно привязаны не столько к месту обитания, сколько к самому хозяину. Преданность, как ни у какой другой породы, у тайской проявляется очень ярко в условиях разлуки с человеком, которому они верны. Ради хозяина тайцы готовы преодолевать все невзгоды. Они могут ждать его неделями, несмотря на плохие погодные условия и нехватку пищи, не страшась окружающих опасностей. А опасности, если ты находишься на чужой территории, подстерегают на каждом шагу. Хотя зачастую животные понимают, чувствуют горе сородичей, оказавшихся в беде, и редко трогают обездоленных чужаков, волею судьбы вторгшихся на их территорию. Так, к брошенному на остановке коту не раз подходили местные собаки и коты, но близко не приближались: стояли поодаль, сочувственно смотрели на него, принюхивались. Чужая, видимо, в воздухе запах непомерного горя, исходящий от несчастного, понимали плачевное положение, в котором тот оказался, и уходили от этого места, не видя причин для опасности.

За котом никто не вернулся и к вечеру второго дня.

Он так ни разу и не притронулся к еде, которую в течение дня ему оставляли под скамейкой сердобольные люди. Все смотрел и смотрел на машины. А если какая-нибудь из них останавливалась у тротуара, привставал, наострив уши, ожидая, что из нее выйдет хозяин.

На третий день кот так и не покинул скамейку, провожал и встречал пассажиров, так же неустанно следил за автомобильным потоком. И не было человека, у которого бы не щемило в груди, глядя на верного кота.

Кот ждал хозяина и четвертый, и пятый день, ждал его спустя неделю, вторую... И когда прошел месяц, верный кот продолжал сидеть на том же месте и неусыпно ждать, неумолимо всматриваясь в лица водителей и пассажиров проезжающих мимо машин. Истощенный, со слипшейся от сырости и дорожной грязи шерстью, как часовой, он не покидал свой пост наблюдения.

Без пищи, конечно же, он вряд ли бы долго протянул. Спустя неделю, как его оставили на остановке, он понемногу начал есть, постепенно восстанавливая силы, но и тогда не мог надолго отвлекаться от проезжей части, поэтому ел спешно, урывками, беспокоясь, как бы не оказаться вне поля видимости хозяина, пропустить которого он боялся больше, чем холодной или голодной смерти.

Два месяца кот жил на остановке, не отлучаясь от нее дальше, чем на три метра. Тут же ел, тут же справлял естественные надобности. Не было в районе человека, который бы не знал или хотя бы не слышал о верном коте. За все время ожидания он так никому и не позволил приютить себя. Благо, хоть с удовольствием принимал еду, которую ему приносили работники из близлежащих гастрономов. Особенно нравились ему рыбные гостинцы из магазинов «Камчатские продукты» и «Красная икра». Сотрудники салона красоты, аптеки, ломбарда, банка тоже не оставляли его без внимания, подкармливали красавчика. А продавщица зоомагазина, который располагался через дорогу, подарила миску и целый мешок сухого «Вискаса», попросив Таисию хранить его в киоске и выдавать корм порциями, сотрудники «Л'Этуаль» принесли подстилку на скамью — старый плед; а менеджер «Кулинарной лавки братьев Караваевых» ежедневно угощал молочком, сметанкой и творожком.

Никто не мог спокойно смотреть на кота, на его безграничную преданность хозяевам, не испытывая жалости, не ощущая комка в горле и наворачивающих на глаза слез. Со временем люди начали привыкать к этой грустной картине с котом на скамейке. «Наш Хатико» — так прозвали его местные жители.

Однажды Таисия, преисполненная чувством сострадания, не выдержала и позвонила в редакцию одного из столичных телеканалов, рассказала о брошенном хозяевами котике, попросила предпринять что-нибудь, чтобы спасти верного бедняжку от гибели. Скоро наступят настоящие холода, а кот даже не думал сдаваться и покидать скамейку. На следующий день приехали корреспондент и оператор — молодая девушка и мужчина средних лет, — сняли короткий репортаж, взяли интервью у Таисии, у сотрудников соседних предприятий, у пассажиров. В тот же день все жители города узнали о бедном котике из короткого сюжета «Верный кот», который показали по телевизору в вечерних новостях.

Игнат в тот день, когда отрекся от друга, вернулся домой глубокой ночью. Подвыпивший. Дети спали, а жена ждала его. Он переступил порог дома, понуро опустив голову, холодно поцеловал Римму, молча скинул верхнюю одежду и прошел в столовую.

— Что-то случилось? — поспешила она за ним.

— Я так и знал, черт возьми! — выругался Игнат и стукнул кулаком по столу. — Знал, что на них нельзя положиться...

— Что произошло?

— Отказ, вот что! Сделка отменилась, они передумали! Кошачий запах им, видите ли, мешает. Гады! Все, дорогая, договор расторгнут, дом они не покупают! Мы никуда не едем... По крайней мере, в ближайшее время.

Римма нервно гладила его плечо, не находя слов утешения. Она была шокирована известием, и не могла поверить, что они остаются; что все сборы, все хлопоты, связанные с переездом, оказались напрасными. Вдобавок, они опростоволосились, не взяли с покупателей предоплату.

— Распаковываемся, — сухо бросил Игнат и направился в спальную комнату.

— Как кот? Отвез? — спросила Римма.

— Отвез, — буркнул он, не оборачиваясь, и скрылся за дверью.

Полночи ни ей, ни ему не спалось: каждый переживал неприятные события по поводу случившегося. Они в Испании присмотрели дом на побережье, внесли задаток — крупную сумму, — а тут, на тебе — отбой! Мало того, что потеряны деньги задатка и деньги, заплаченные за транспортировку вещей, потеряно время!

Билеты на самолет пришлось сдать, контейнеры с вещами отозвать обратно.

И с этого дня в семье Абросимовых все пошло наперекосяк.

Спустя неделю протекла крыша в доме, и дождевая вода три дня заливала полы в детской на втором этаже, испортив всю мебель. После того как они избавились от кота, младший сын скучал по нему и постоянно плакал, каждый день просил отца съездить в приют и забрать его обратно. Купленные два котенка ненадолго отвлекли детей от воспоминаний о прежнем любимце. Но самим котяткам, увы, дом Абросимовых не понравился, и спустя две недели они сбежали из усадьбы.

Егорка стал бояться темноты. Его пугал новый полированный шкаф в детской комнате, особенно по ночам. Днем малыш пугался собственного отражения на полированных дверцах шкафа, а ночью ему мерещилось, что в нем кто-то живет. У дочери начались проблемы с учебой: скатилась с «ударницы» в «троечницы». Днями напролет лежит, слушает всякую муть по музыкальному каналу, танцует под песни крашенных японских мальчиков — больше ничего, кажется, ее в жизни не интересует.

Игнат стал раздражительным, на все реагировал отрицательно: дети не слушаются — орет на них, жена на минуту дольше задержится в ванной комнате — снова крик. До этого веселый, наполненный детским смехом и гомоном уютный и беспечальный дом за несколько недель обратился в заброшенный старинный особняк, окутанный гнетущей тишиной: таким он стал пустым и холодным. Не было больше долгих посиделок за ужином, как раньше, рассказов, бесед в семейном кругу; все реже они собирались у экрана телевизора, чтобы посмотреть кинопремьеру. Никуда вместе не ходили, не ездили. Все в доме постепенно стало умирать: и предметы, и атмосфера. Лишь маленький Егорка еще был слышен: его смех оживлял дом, когда он смеялся, играя с подаренной игрушкой, пока та не надоедала: проходил день-другой, новый подарок его уже не интересовал, и он начинал плакать. Все чаще Егор засыпал в постели родителей — страшный шкаф не давал ему покоя. По вечерам, перед тем как ложиться спать, он заливался плачем, тыча пальцем на дверцу шкафа, неразборчиво объясняя, что в нем живет огромная кошка с мордой, как у их бывшего кота. Только, по словам малыша, кот стал совсем не такой, каким был раньше, а злой, с красными глазами и облезлой, грязной шерстью. Побороть страх он не мог даже при включенном свете. И даже когда к нему в комнату переселили брата Павла, страх перед темнотой у малыша не прошел.

Дабы исправить печальное положение, наладить порядок и в своей голове и в доме, Игнат, утомленный свалившимися на него неурядицами в бизнесе и раздором в семье, к кому только не обращался за помощью. Астрологи, рекомендованные знакомыми, ничем не помогли. Маг-ясновидящая, к которой он ездил за тридевять земель, только выкачала из него деньги, определив причиной всех несчастий тот факт, что его семью покинул некий ангел-хранитель, и что отныне их дом не принесет никому из домочадцев ни покоя, ни радости. А вот как вернуть это самое счастье, что надо для этого сделать, ведьма, одетая в цыганский пестрый халат из атласной ткани, так и не сказала. Лишь одно посоветовала: «Жди, золотой мой, другого хранителя другого очага».

Приближался день рождения Риммы. На семейный праздник были приглашены близкие родственники и некоторые друзья по бизнесу. Предполагалось, что вечеринка несколько развеселит, растормошит семейство, привнесет теплую атмосферу в дом, сплотит членов семьи. Но, к сожалению, и тут не обошлось без эксцесса.

В самый разгар торжества, когда они дружной компанией всю веселились и танцевали, надо же было со своими поздравлениями позвонить давней подруге Риммы — Кристине. Ей не терпелось сообщить новость: на городском канале, мол, их кота показывают. И хотя у Игната в груди что-то тревожное екнуло, он поспешил взять в руки пульт и включить телевизор, потому что нисколько не сомневался, что оставленного кота кто-то давно

подобрал. Возможно, сейчас покажут нового хозяина, который вместе с ним выступает на какой-нибудь выставке кошек. Как-никак их питомец умный, породистый.

Но то, что демонстрировалось на экране, особенно то, о чем говорилось в комментарии репортера, заставило всех гостей забыть о трапезе, притихнуть и в недоумении открыть рты. Пока шел репортаж, в доме царилась гробовая тишина. Только Егорка один раз нарушил ее, воскликнув: «Тасен, Тасен!» — и заплакал.

Игнат, не досмотрев до конца ролик, удалился из зала. Когда репортаж закончился, Римма взяла пульт и вернула запись последних новостей, чтобы повторно, с самого начала посмотреть сюжет.

На экране снова появился павильон автобусной остановки. На скамье, крупным планом, кот. Закадровый женский голос комментировал: «Примерно месяца два назад, как рассказывают очевидцы, к остановке подъехала машина. Из нее выбежал мужчина, оставил на скамейке кота и уехал. С тех пор и днем и ночью, в дождь, снег и холод животное сидит и ждет, когда за ним вернется хозяин. В огромных голубых глазах грусть и тоска. Благо, все это время люди на остановке попадают сердобольные: кто поесть принесет, кто поласкает, прижмет к себе, согреет. О грустной судьбе пушистого красавца знают в городе немногие».

«Он все время здесь, — говорила с экрана пожилая женщина, поглаживая кота. — Уже два месяца как. Может, хозяйки уже нет, кто его знает».

«Мы не знаем его имени, к сожалению, но называем его Хатико. Он наш русский Хатико», — пояснила продавщица из магазина косметики.

«Рядом с остановкой расположен газетный киоск, — продолжал репортер. — Его работник рассказала, что местные жители уже два раза пытались приютить кота. В первый раз женщина забрала его домой, а тот сбежал, и через три дня опять появился на остановке. Другим потенциальным хозяевам повезло еще меньше: они взяли кота на руки и хотели унести, но он снова проявил характер — уже через пару метров вырвался и вернулся к месту обитания и ожидания. Единственное, на что кот согласился, — принять в дар ошейник, который ему принесла местная жительница, узнавшая о нелегкой кошачьей судьбе.

Скорее всего, несчастное животное привезли издалека, иначе кот уже нашел бы дорогу домой. Увидит ли хозяин репортаж — одному богу известно. А преданный кот по-прежнему ждет и с тоской провожает взглядом проезжающие автомобили. В маленьком сердце живет надежда, что за ним обязательно вернуться...»

Римма выключила телевизор.

Никто из присутствующих и на этот раз не проронил ни звука: все переваривали увиденное и услышанное. Малыш подбежал к маме и, уткнувшись

лицом ей в ноги, заплакал. Вернулся Игнат. Под давлением дюжины пар укоризненных взглядов он, пряча глаза, подошел неуверенной походкой к столу, взял бутылку коньяка и дрожащей рукой стал разливать спиртное в рюмки.

— Что ж, может, продолжим... — Игнат едва скрывал волнение в голосе. — Как-никак, все-таки... день рождения...

Никто ему не ответил. Старшие дети, не глядя на отца, удалились по своим комнатам. Один за другим гости молчаливо поднялись из-за стола, поблагодарили хозяйку за угощения, еще раз пожелали ей здоровья и покинули торжество. Лишь родители ненадолго задержались, чтобы на прощанье сказать имениннице пару фраз.

— Я думал, он отвез кота в приют, — траурным голосом произнес свекор и, обращаясь к невестке, уточнил: — Ты была в курсе?

Та отрицательно покачала головой.

Вечер закончился в полной тишине, если не считать нытья расстроенного сынишки. Перед тем как уйти к себе в спальню, Римма остановилась в дверях, посмотрела на мужа, сидящего в кресле спиной к ней, и голосом, полным арктической холодности, проговорила:

— Как можно быть таким... столько лет. А я не замечала... Репортаж сняли вчера. Мы надеемся, что он все еще там... ждет.

Игнат промолчал. Он просидел в кресле перед выключенным телевизором часа три и осушил бутылку виски, прежде чем до него дошел весь смысл: и высказанного напоследок женою, и сказанного когда-то гадалкой про талисман, про хранителя очага... Заплетаясь в ногах, он торопливо направился в гараж. Вдребезги пьяный, завел джип и помчался в город, рассекая ночь светом галогеновых фар. Нарушая скоростной режим, правила обгона и еще десяток пунктов ПДД, Игнат за час с небольшим добрался до столицы и в седьмом часу утра припарковался в заездном кармане остановки, на которой когда-то оставил кота.

Скамейка была пуста — кота на ней не было. Игнат почувствовал ком в горле, дышать стало трудно. Паническое состояние охватило его разум. Он же был уверен, что кот ждет его! Как же так?

Игнат вышел из машины, подошел к остановке, огляделся вокруг и сел на скамейку, опустив голову. На брусчатке, между ботинок, увидел хлебные крошки, кусочки засохшего сыра и колбасы, а под скамейкой обглоданные косточки — кот был здесь совсем недавно. Редкие прохожие, проходя мимо, с недоумением смотрели на странного мужчину.

С каждой минутой остановка оживала, наполнялась людьми. Джип, оставленный посреди дороги, создавал помехи подъезжающим рейсовым автобусам, заставляя водителей нервничать, объезжать его и сигналить, чтобы Игнат убрал машину, проехал хотя бы чуть вперед. Но он никак не реагировал на происходящее вокруг под действием изрядно выпитого спиртного.

Ему было совершенно наплевать, что его машина мешает общественному транспорту; да и вообще, ему на все и на всех в данный момент было наплевать, потому что у него случилось великое горе: он потерял своего любимого кота! Ему вспомнился день, когда впервые увидел его котенком. Кличку долго придумывать не пришлось — слово само вертелось на языке: название породы — «тайская» — было созвучно с именем великого американского боксера-тяжеловеса, что и повлияло на безоговорочный вариант: кота будут звать Тайсоном. И действительно, он, как и великий чемпион, оказался выносливым, смелым и сильным духом котом...

Через полчаса из подъехавшего автобуса вышла грузная женщина, подошла к газетному киоску, подняла жалюзи, открыла дверь и вошла внутрь — в киоске загорелся свет. Некоторое время Игнат наблюдал за киоскершей, за тем, как она раскладывала на прилавке газеты, и вдруг вспомнил теле-репортаж, в котором показывали этот самый киоск и эту продавщицу. Он поднялся и, поковыляв к ларьку, постучал в окно. Женщина открыла окошко.

— Ссдрассьте, — еле ворочая языком, промямлил Игнат.

— Пока закрыто. Раскладываю свежую прессу. Подождите немного, — ответила киоскерша и закрыла окошко.

Игнат настойчиво продолжал стучать. Женщина снова открыла окошко:

— Я же вам сказала, пока закрыто!

— Хде... кот? Пжаста, скажите, хде кот?.. Нужен...

Женщина исчезла за стеллажами, затем открылась боковая дверь, и она выглянула на улицу, с опаской разглядывая пьяного мужчину.

— А зачем он вам?

— Мне нужно... забрать... Хте он? Мой кот, мой хороший котик...

Таисия не на шутку испугалась: в такие руки вернуть кота — да не в жизнь! Пусть хоть убьет — она не позволит случиться такому.

— Его вчера приютил какой-то мужчина, — ответила она.

— Кто?.. Хте-е он живет? Кто забрал, пжалуста, мой... мой талисман, — чуть не плача, бормотал Игнат. — Вы не знаете, кто забрал Тайсона?

— Нет, — коротко бросила Таисия и быстро закрыла дверь. Постояла немного, переводя дыхание, и продолжила раскладывать свежую прессу, моля господу, чтобы пьяный мужчина поскорее убрался отсюда. Не хватало еще, чтобы он оказался тем самым хозяином кота.

Игнат еще некоторое время стучал в дверь киоска, пытался вызвать на разговор продавца, но та не реагировала на него, продолжая свою работу. Собравшиеся в ряд несколько автобусов сигналили джипу, припаркованному на остановке.

Игнат посмотрел на пустую скамью, и тут в его глазах вдруг запрыгали огоньки; улица закружилась, дома поплыли. Теряя равновесие, он направился, рыдая и всхлипывая, к своей машине. Если сию минуту он не сядет, то упадет точно.

Подходя к «гелику», Игнат увидел размытый силуэт человека в форме, который стоял рядом с настезь открытой водительской дверью, закрывая собой вход в салон. Незнакомец представился, приложив руку к шапке, назвал свое звание, должность и имя, и сообщил о нарушении пункта 12.4 ПДД...

— Че?.. — переспросил Игнат. Он хотел, было, вцепиться в лацкан куртки офицера, но, потеряв координацию, попятился назад, размахивая руками, запутался в собственных ногах, споткнулся, рухнул спиной на асфальт, ударившись затылком о бордюр, и... потерял сознание.

В течение двух месяцев Таисия терпеливо приучала кота не бояться газетного киоска. Несколько раз даже приглашала его войти внутрь. Здесь, в тепле, он хоть иногда отогревался бы, спал. Но все попытки оказывались тщетными: кот Таисию слушался, подходил к павильону, но в открытую дверь войти наотрез отказывался. В конце концов терпение у женщины лопнуло, и она решила действовать незамедлительно и без сантиментов.

Вечером, закончив работу, Таисия, как обычно, закрыла киоск и подошла к коту (как бы попрощаться с ним и оставить на ночь еду). Кот спрыгнул со скамьи, стал тереться об ее сапоги. Таисия нагнулась, бесцеремонно взяла его на руки, постояла с ним некоторое время, поговорила и быстро вбежала в открывшиеся двери только что подъехавшего микроавтобуса. К ее удивлению, кот даже не сопротивлялся, пока она усаживалась на свободное место, и покорно оставался сидеть на коленях всю дорогу, с превеликим удовольствием разглядывая в окно ночной город. Убегать, похоже, он не собирался. Вдруг Таисия впервые услышала, как кот мурлычет.

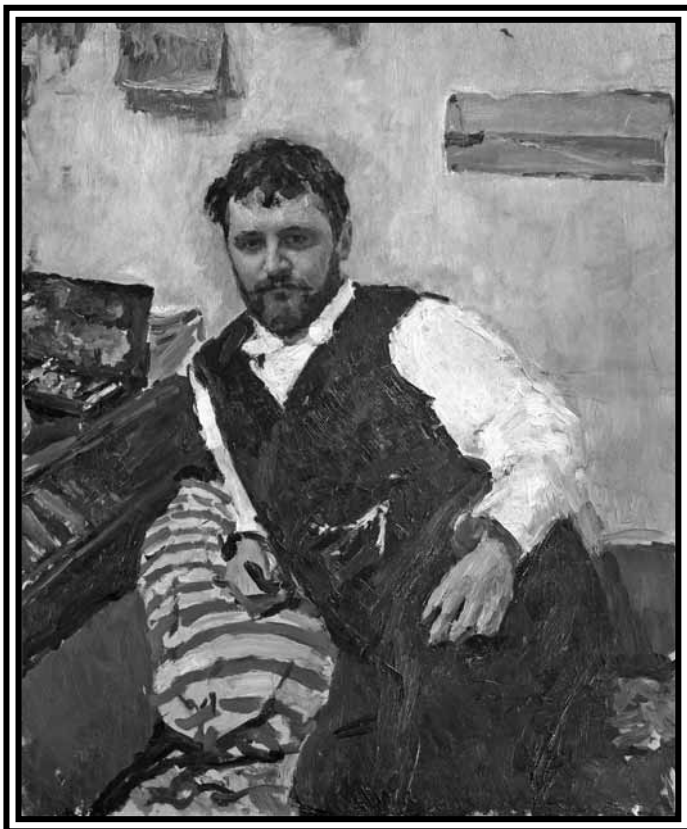
Он мурлыкал от счастья.

Дело в том, что как только репортеры отсняли сюжет и уехали, кот вдруг услышал знакомые ему звуки: до его ушей донесся переливный звон буддийских ритуальных колокольчиков, такой нежнейший и спокойный, что сердце животного сразу наполнилось умиротворением. В голове как будто что-то выключилось — все недавнее прошлое мигом забылось, стерлось из кошачьей памяти. Он разом позабыл про обиду и боль, про верность и преданность, а главное, забыл, зачем он здесь находится, что делает на этой скамейке. Льющаяся отовсюду волшебная мелодия поведала ему о том, что нет больше никакого очага, нет любимого хозяина. Да и был ли он на самом деле, этот дом с хозяином, кто его знает.

Кот ехал и радовался неизвестности, в которой — он почему-то был в этом уверен — его ждут счастливые приключения. И будет там тепло и добро. А еще — там, впереди, его ждет Тот, ради которого он будет жить!

У Таисии появилась уверенность, что коту... — ах да, теперь ей известно его имя! — что Тайсону понравится ее скромный, уютный домик в Мытищах. И красавица-кошка сибирской породы Ласка понравится тоже... □

ИСТОРИЯ ОДНОЙ УСАДЬБЫ

Импрессионист Константин Коровин. Светлая душа серебряного века русской живописи. Его картины, магия которых до сих пор манит к себе поколение за поколением, весьма недурно продавались. Настолько, что в начале прошлого столетия повелитель кисти и красок смог приобрести усадьбу у известного на всю Россию купца и мецената Саввы Мамонтова в самом, что ни на есть, «медвежьем углу». В стороне от проторенных дорог, во владимирской глуши, на берегу красавицы Нерли. Усадьбу Охотино. На исходе XIX века он был уже вполне сложившимся и признанным художником, а престижные заказы (а значит, и солидные деньги за них) так и шли к нему прямо в руки. Поэтому он мог позволить себе такую покупку...

Коровин влюбился в этот край сразу и навсегда. Здесь, в Охотино, к 1904 году он по проекту модного архитектора Виктора Мазырина выстроил себе усадьбу, создав в своем поместье настоящий литературно-художественный салон, частыми гостями которого были художник

Валентин Серов и историк Василий Ключевский, царский камергер Павел Тучков и пролетарский писатель Максим Горький, писатели Дмитрий Мамин-Сибиряк и Александр Куприн, композитор Сергей Рахманинов и директор императорских театров Владимир Теляковский, и даже

совсем маленькая девочка Любочка, будущая звезда советского кино Любовь Орлова.

В Охотино Константин Алексеевич устроил себе творческую мастерскую: из огромных окон веранды открывался чудесный вид на окрестные поля. Выстроенный из больших окрестных сосен, новый дом изуми-

питала его своей жизненной энергией, теплотой солнечных дней и пышностью красок осенней поры, задушевностью зимних вечеров и простотой окружающего крестьянского мира.

Из Москвы с Ярославского вокзала ехали большой и шумной компанией. Путь был неблизкий, двести

Слева:

Валентин Серов.
Портрет Константина Коровина

Константин Коровин.
«Охотино»

тельно пах смолой, и творилось тут как-то особенно легко и вдохновенно.

Художник неоднократно отображал любимый дом, его гостей и обитателей на своих полотнах, сохранив яркие мгновенья истории для вечности. В Охотино Коровин написал свыше 150 полотен. Усадьба словно

верст с гаком, и дорога занимала 6-7 часов. (Железную дорогу, кстати, строил все тот же меценат и покровитель Коровина Савва Иванович Мамонтов, который и продал охотинскую землю.) На станции Итларь хозяина уже встречал возница, местный крестьянин Феокист Андреевич

*Портрет
Надежды
Комаровской
в Охотино*

Справа:
*«Интерьер.
Охотино»*

Батранов, муж кухарки Коровина Ефросиньи, которая уже хлопотала в усадьбе по хозяйству. Хотя поместье, усадьба — это, конечно, про Охотино слишком громко сказано. По своим внешним формам это была скорее дача, а по меркам нашего времени — так и вовсе более чем скромный деревенский домик.

«А бывало так, — писала гражданская жена художника драматическая актриса Надежда Комаровская, — сидим большой компанией летом на террасе дачи вокруг стола, горит под желтым абажуром лампа, у кого-то в руках гитара, кто-то поет,

Коровин в стороне пишет». Так появлялись картины, на которых запечатлевались моменты шумного вечернего досуга в окружении близких художнику друзей.

В гостях у Константина Коровина часто бывал Федор Шаляпин: знаменитый бас тоже попал под очарование Охотино и, в конце концов, уговорил своего друга-художника продать часть принадлежавшей ему земли, Ратухинскую пустошь. На ней знаменитый тенор выстроил по рисункам самого Коровина большой дом с многочисленными хозяйственными постройками. Из-за размеров Коровин

в шутку называл шаляпинские хоромы «слоновником». Они часто ходили друг к другу в гости. Всего-то чуть более версты через лес: дорога вилась вдоль высокого берега реки Нерли, меж стволами золотистых сосен блестяла вода, а обочину лесной тропинки засадили цветами, истончавшими в летний зной дивные ароматы.

Коровин, надо признаться, был тот еще оригинал. В холодное время года выходил на пленэр писать этюды в... собственноручно сделанном игрушечном домике, в котором была даже печка! Вот уж действительно: все свое ношу с собой.

В Охотино художник любил охотиться, а еще больше рыбачить. Компанию Коровину составляли Шаля-

пин с Серовым, последний даже запечатлел Константина Алексеевича на рыбной ловле на одной из своих картин. После рыбалки троица тут же на берегу варила уху: причем у каждого был свой, особый рецепт, который они держали в тайне друг от друга. По общему мнению, лучше всех уха удавалась Серову. Охотничье-рыбацкие истории Коровин запечатлен в красках. Так, написанные им в 1914-м картины «Утро. Охотничья палатка» и «Рыбаки» рассказывает не только о беззаботных приключениях закадычных друзей, но и снабжены забавными, с тонким юмором подписями самого художника: «Щука, 22 фунта 1 арш. 7 верш.», или «А леща тебе, Блюменталь, не поймать!»

*«Терраса».
(Ирина
и Лидия —
дочери
Ф.И. Ша-
ляпина)*

Коровин был знатным рыболовом и предавался ужению рыбы со всей страстью своей широкой души. В Охотине у художника был приятель — простой крестьянин Василий Князев, горький пьяница, но большой знаток рыбной ловли и мастер на все руки. Зимой Князев скитался по ночлежкам и частенько захаживал к Коровину в его московскую квартиру. Вместе колдовали над удочками, мастера рыболовные снасти (позднее под собственным именем Коровин выведет его во многих своих рассказах).

Надежда Комаровская (один из ее портретов 1914 года Коровин запечатлел как раз в интерьере своей охотинской дачи) так вспоминала это увлечение своего гражданского мужа: *«Искусно выточенные поплавки, окрашенные в яркие цвета, донные*

удочки, покрытые золотисто-коричневым лаком, с бронзовыми бубенчиками, элегантные подсачки с хитро сплетенной сеткой вызывали восхищение у специалистов-рыболовов». Вторил ей и частый гость в Охотино, друг Коровина художник Сергей Виноградов: *«Мы с Коровиным красим и лакируем поплавки, и они чуть не сотней висят на протянутых веревочках вдоль стен и сохнут. Окрашены были поплавки изумительно красиво по тональности, гаммам, залюбуешься прямо, но летом оказались негодными — не видны на воде. Пришлось вернуться к самым банальным краскам, красно-зеленым и красно-белым поплавкам».*

С ностальгией вспоминал о том чудесном времени и Шаляпин: *«Веселые были наши рыболовные экспедиции. Соберемся, бывало, с Серовым*

и Коровиным на рыбную ловлю. Целый день блаженствуем на реке. Устанем до сладостного изнеможения. Возвращаемся домой, в какую-нибудь крестьянскую избу. Принесли рыбу, и после лучения ее ночью располагаемся на отдых. Серов поставил холст и весело, темпераментно, с забавной улыбкой на губах быстро заносит на полотно сценку, полную юмора и правды. Коровин лежит на нелепой кровати, устроенной так, что ее ребра обязательно должны вонзиться в позвоночник спящего на ней великомученика, у кровати — огарок свечи, воткнутой в бутылку, в ногах Коровина, прислонившись к стене, — бродяга в лучшем смысле этого слова, Василий Князев. Он слушает, иногда возражая. Это Коровин рассуждает о том, какая рыба хитрее и какая дурачливее... Серов слушает, посмеивается и эту рыбную диссертацию увековечивает...»

Как и всякий человек искусства, Коровин не был пунктуален и прекрасно ориентировался в своем творческом беспорядке, который стороннего наблюдателя мог бы привести «в неопишуемый ужас». Вот как тонко и изящно рассказывал все тот же Шаляпин в своих воспоминаниях об особенностях загадочного друга:

«Рассказать все чудачества этого милейшего комика нет возможности, но чтобы установить во всей, так сказать, сложности художественный хаос его "хозяйства", достаточно взглянуть в его чемодан. В любое время — теперь, пять лет назад, десять,

двадцать. Удивительно, как все это может сочетаться. Полуоткрытая коробка сардинок с засохшей в углу от времени сардинкой, струны от скрипки или виолончели, удочка, всевозможные краски, в тюбиках и без тюбиков, пара чулок, очки, оторванные почему-то каблуки от сапог, старые газеты, нанесенные на бумагу отрывочные записи, гуммиарабик или синдетикон, засохший василек, банка с червями, тоже уже засохшими, словом... И не дай бог, если кто-нибудь ненароком переместит сардинки или червячков! Константин Алексеевич волнуется, кричит:

— Не устраивайте мне хаоса в моей жизни!»

Неразлучная тройца (Коровин — Серов — Шаляпин) обожала розыгрыши. Однажды они подшутили над увлечением известного в ту пору архитектора Виктора Мазырина (именно он выстроил на Воздвиженке, в двух шагах от Кремля, для миллионера Арсения Морозова экзотический особняк в неомавританском стиле) спиритизмом и подговорили местного крестьянина бегать по лесу в простыне. Мазырин поверил, что повстречал самое что ни на есть настоящее приведение, а Шаляпин ему еще и подыграл, заверив, что тоже его увидел. На следующий день в местной газете появилась заметка об удивительном происшествии. Пришлось друзьям во всем сознаться и дать опровержение.

Казалось, без шалостей и проказ «тройца весельчаков» (как называ-

ли сами себя Коровин, Серов и Шаляпин) не могла обходиться. То они как-то запрягли в оглобли лошадь задом наперед, а потом выдернули гвоздь, на который денщик Коровина по привычке вешал свой картуз и мастерски на этом месте нарисовали новый. Тот вышел потеха! Или вот еще какая история. Коровин, посещавший некогда кружки символистов, разыграл критика Николая Эфроса, принявшего сочиненное художником на манер Константина Бальмонта стихотворение за строки самого поэта:

*Качаюсь как в люльке по зыблям
 волны,
Обрызган, избрызган жемчужной
 струей,
Смеются няяды, лукавства полны...*

Восхищенный новым творением Бальмонта, Эфрос пожелал его опубликовать в одном из журналов, но Коровин признался, что это его только что придуманный опус.

Коровинские картины «Портрет артиста Шаляпина» (1911), «Дама с гитарой» (1911), «Интерьер. Охотино» (1913), «Зимние сумерки» (1916), «Вечер в Охотине» (вторая половина 1910-х), «Терраса» (1915), да и многие другие — не просто созданы в Охотино, а сохранили для нас в красках обстановку и атмосферу *genius loci* художника.

Дочь Федора Шаляпина Ирина, которую Коровин изобразил вместе с ее сестрой Лидией на картине «Терраса», а потом через год написал обеих сестер еще раз на охотинской веранде на картине «У от-

крытого окна», вспоминала о том времени:

«Две женские фигуры — я и сестра, одетые в платье "ампир", за стеклами террасы чудная синяя коровинская ночь. Константин Алексеевич пишет при свете фонаря "летучая мышь", пишет и все хвалит платья. "Вот, девочки, как одеваться надо, а то короткие юбочки и шляпки на глаза". И дальше начинался фантастический рассказ. Мы, как зачарованные, слушали и позировали, а Константин Алексеевич рассказывает и пишет, но так энергично кладет мазки, что мольберт вздрагивает.

Перерыв, хочется взглянуть. Вблизи не очень понятно, но стоит отойти на несколько шагов, и вырастают чудеса.

— Константин Алексеевич, — спросила я, — как вы в такой темноте пишете, как краски видите, можно ведь перепутать.

Он, лукаво улыбнувшись, говорит: "Уж краски-то я знаю"».

В конце 1911 года, в день полувекового юбилея Константин Коровин так определил основное предназначение своего творчества: «Моей главной, единственно непрерывно преследуемой целью в искусстве живописи всегда служила красота, эстетическое воздействие на зрителя, очарование красками и формами». Эта удивительная, очень тонкая, практически неуловимая, именно коровинская манера живописи очаровывает зрителя сразу и навсегда,

**Константин
Коровин.
Портрет
Федора
Шаяпина**

стоит только бросить взор на его полотно.

Гром грянул, откуда не ждали: революция переехала судьбы русской интеллигенции. Подобно тысячам других «барских» домов, Охотино Коровина было безжалостно и бессмысленно разграблено окрестными мужиками. Вот как сам Константин Алексеевич описал те роковые «окаянные дни» 1921 года в письме из Охотино своему приятелю, реставратору Ивану Кодратьевичу Крайтору: «У меня в Охотине в дом, ночью проникли бандиты, молодые парни, и обокрали — одеяла, ножи, вилки, платья, шубы, хватали Варю (Вяземская Варвара Петровна, двоюродная сестра Коровина — Д.З.), которая их назвала ворами, за горло, приставили наган к голове, обещали, если будет кричать, сжечь ее вместе с домом. Словом, народ-

Богоносец, и, конечно, никого не поймали и не нашли».

Потрясенный пережитым, в 1922 году художник написал картину «Революция в Охотино», на оборотной стороне которой сделал надпись: «Милому Боре Заходеру 23-х лет на память о победах над бандитами от любящего его Конст. Коровина. 1922 г. Август 18. Охотино». (Адресат коровинской картины, Борис Николаевич Заходер, — будущий историк-востоковед, тезка и двоюродный брат широко известного советского детского писателя и переводчика. Коровин несколько раз упоминает его в своих воспоминаниях: «18 августа Борису Заходеру, который в 1922 году трудился секретарем в Управлении академическими театрами, исполнилось 24 года». Картина, вероятно, предназначалась молодому человеку в подарок на день рождения).

*Ф.И. Шаляпин
и К.А. Коровин
в Охотино
варят уху.
Фото 1900 г.*

В 1918 году Коровин был занесен в список помещиков, частных владельцев и нетрудовых пользователей Переяславского уезда Владимирской губернии. В бумагах описи имущества имения, опечатанного уже после его отъезда за границу, которые хранятся во Владимирском областном архиве, перечислена оставшаяся к тому времени собственность художника: *«Дом деревянный, сарай каретный и конюшня, крытые деревом, погреб, кровать железная с матрасом, 3 стола, 5 стульев, самовар легкой меди, маленькие часы в виде будильника, медный чайник, лодка ялик»*. Впоследствии в одном из своих рассказов Коровин откровенно писал, что тогда ему *«трудно было расставаться с деревенским домом и са-*

дом, хотя многое в нем было уже разграблено».

Незадолго перед отъездом из России художник посетил столь родные для него места. Пробравшись поздно вечером в собственный дом, он увидел его разоренным: замки с дверей были сорваны, а сами они открыты настежь, в выбитые стекла оконных рам заливал холодный осенний дождик, красивая и массивная печь, согревавшая весь дом и делавшая его таким уютным, была варварски выломана, а обломки изразцов валялись на полу под ногами. Увиденная картина жуткой болью пронзила сердце Коровина. Он переночевал у своей бывшей кухарки и на следующее утро уехал из Охотино. Навсегда.

Выехав в конце 1922 года в Европу для организации своей персональной выставки в Голландии, назад в Россию Константин Коровин уже не вернулся и с 1923 года обосновался во Франции. Там он жил более чем скромно, едва ли не бедствовал. Денег катастрофически не хватало. Ко всему прочему, пожилой художник остро чувствовал свое одиночество.

Хотя формально у него вроде бы была семья. Жена, сын Алешенька, потом внук, тоже Алеша. Но счастья и душевной теплоты в их союзе, увы, никогда не было. Отношения с супругой, бывшей хористкой частной оперы Анной Фидлер, с которой Константин Алексеевич, прожил всю жизнь, были крайне непростыми — Коровин много раз упрекал ее в мещанстве, отсутствии уюта и какого-либо порядка в московской квартире, а главное — полном равнодушии к своему творчеству. Трудно представить, как могли быть вместе столь несхожие по образу мыслей и темпераменту люди.

До отъезда из России они и жили в основном порознь, немудрено, что Коровин постоянно, при любой возможности сбегал от Анны Фидлер в свое любимое Охотино, где подлинной хозяйкой была его муза, гражданская жена Надежда Комаровская. Со временем его супруга, и в молодости никогда не отличавшаяся веселым и добрым нравом, стала крайне надменной, отрешенно-холодной, мелочной и раздражи-

тельной по любому поводу, а чаще всего и без оного. В общем, это было классическое одиночество вдвоем.

Жизнь на чужбине — в маленькой квартирке, с истеричной, «сумрачной» больной женой и находящимся в глубокой депрессии сыном-инвалидом — была просто невыносима. (Сын художника Алексей Коровин в 18 лет посватался к подруге детства дочери Шаляпина Ирине, но получил отказ. Со свойственным юношеским максимализмом он решил свести счеты с жизнью и бросился под трамвай, но, получив серьезные травмы, чудом выжил. По примеру знаменитого отца он тоже стал художником, но и близко не столь талантливым как Коровин-старший. Алексею постоянно требовались операции и лечение ног, на что уходили огромные средства. Во Франции положение лишь усугубилось: Константин Алексеевич работал как одержимый, буквально сутками, на износ, и у пожилого художника начало падать зрение, но деньги все равно таяли, словно дым. Вскоре от Алексея Коровина из-за безденежья ушла жена, балерина Лиза Думаревская, забрав с собою сына. В 1950-м году Алексей покончил жизнь самоубийством, но его отец, к счастью, этого не увидел.)

За два года до смерти Коровин с горечью признался своему знакомому о ней: *«Она ничего не понимает! Я одинок. Поймите: я — одинок!»* Кстати, художник ни разу (!) не написал портрет своей жены,

и даже не упомянул о ней в своих многочисленных рассказах и обширных воспоминаниях, где среди действующих лиц нашлось место буквально всем, от множества его друзей, приятелей и знакомых до простых деревенских мужиков.

Дочь Шаляпина Ирина (та самая, которую он изобразил вместе с ее сестрой Лидией на картине «Терраса»), посетив художника в 1932 году в его парижской квартире, ужаснулась скудости обстановки: *«То, что представилось моим глазам, — вспоминала она, — потрясло.*

Я не могла представить, что так может жить один из лучших наших художников. Сырая комната, в углу кровать, задернутая пологом, несколько стульев».

Со временем душевная боль от невозможности вернуться назад, в Россию, немного притупилась, но Коровин в своих мыслях постоянно возвращался туда, в свое «прекрасное далеко», в Охотино, в то счастливое время и в ту чудесную страну, которые как-то разом и навсегда исчезли. Он вновь и вновь вспоминал милые его сердцу родные края: *«Конечно, хотя я пишу и Париж, пишу красками и нахожусь в Париже, но душой живу больше в Охотине... и вижу, как теперь опали листья сада, пахнет сыростью, землей и осенними листьями, а в бочку кладут рубленую капусту и засаливают грузди, и будто я ем рыжики в сметане. У сарая нахохлились от дождя куры.*

Дорога грязная, и в воздухе слышен запах дыма от овина, и стучат цепи — молотят рожь».

От дачи Шаляпина время не оставило и следа, а вот «поместье» Коровина уцелело. Правда, к началу нынешнего века оно дошло до нас в сильно обветшавшем состоянии. Была утрачена и знаменитая застекленная веранда, запечатленная на многих полотнах художника. На ней Константин Алексеевич устраивал со своими друзьями долгие посиделки за самоваром, ведя задушевные разговоры обо всем на свете.

Охотино вполне могла бы ждать печальная судьба сотен безвозвратно утраченных за последний век русских усадеб, но случилось чудо.

Благодаря поистине подвижническому труду неравнодушных ценителей прекрасного в доме Коровина с 2015 года проводятся экскурсии. Местный житель, Владимир Сергеевич Селиверстов — добрый ангел-хранитель коровинской усадьбы, его душа; выступает местным гидом по дому художника и окрестностям.

На чужбине, во Франции у пожилого художника открылся недюжинный талант рассказчика: в эмигрантских изданиях «Россия и славянство», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия» и других он опубликовал свыше 400 (!) своих рассказов. Во многих из них он вновь и вновь обращался к своему любимому Охотино, его окрестностям

и обитателям. В восторженном изумлении перед внезапно открывшимся новым талантом своего старинного друга, эмигрировавший в ту же Францию Федор Шаляпин как-то воскликнул: *«Знаешь, Константин, я удивляюсь, как ты это пишешь. Черт тебя знает, кто ты такой? Откуда это взялось?»*

В одном из последних своих писем, обращаясь к Федору Федоровичу Шаляпину, сыну великого певца, Коровин писал: *«Вспоминаю я всегда Охотино. Какая природа, леса, речка. Я ходил купаться на нее. Стрекозы летали зеленые, пахло лугом, водой и лесом. Не рай ли это был!»*

Светлой, пронзительно-щемящей грустью веет от воспоминаний Константина Алексеевича о прежней жизни в России: *«Жизнь прошла, пролетела... И мелькают в душе воспоминания. Незначительные, простые, но милые. Впечатления прошедшей жизни. Там, в России, они казались окружающим пустяками. Но почему-то память о них радуется, радуется так светло... И жалею я, что не придется мне лежать там, в земле родной, рядом с лучшим другом моим, Фебом (Феб — любимая собака Коровина — Д.З.), там, в саду моем, где жила иволга».*

...Великий русский художник Константин Алексеевич Коровин, этот Моцарт прошлого столетия в живописи, скоропостижно скончался 11 сентября 1939 года прямо на улице Парижа во время одной из первых бомбардировок города фашистской авиацией. Не выдержало сердце.

Ему было 77 лет. Похороны художника на парижском Бийанкурском кладбище напоминали похороны бездомного: его верного друга Шаляпина не стало годом раньше, и семье Коровина никто не захотел помочь деньгами. Да и не до того всем было — война! Лишь спустя несколько лет после окончания Второй мировой, когда жизнь, наконец, вошла в мирную колею, на средства, собранные русскими парижанами, прах художника перенесли на православное кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Несмотря на жизненные неурядицы и невзгоды, Коровин до конца своих дней продолжал оставаться неисправимым оптимистом. И романтиком по жизни. Он верил в Россию, в людей, жил надеждой, что мир изменится, и настанут лучшие времена:

«В жизни и трудно, и горько, и нужда, и незадача, и неправда живет меж людей. А вот есть Рождество, есть надежда, есть Свет разума. Обойдется все это злое, нечестное, обманное, житейское, низменное. И придет и воссияет правда, воскреснет приязнь и дружба человеческая, смягчится душа человека, и обнимет чувство любви душу, и возлюбят друг друга».

Он очень любил жизнь. Во всем ее многообразии, живости, буйстве чувств и красок. И своим ученикам по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества заповедовал: *«Влюбляйтесь! Кто не умеет любить, художником не станет».* □

Николай Родионов

КУДА ЛЕТИМ

Куда-то это все летит,
куда-то падает. Куда же?
Какой же времени лимит
всему отпущен, кто мне скажет?

В какой включен эксперимент
наш мир — беспомощный, огромный?
Летит, но не было и нет
в конце пути аэродрома.

Падения не избежать,
коль мы уже давно не пали,
и мысль моя — не порожняк,
несущийся в пустые дали.

Коль не видение, не сон,
так что же это все, так что же?
Крутящееся колесом,
на гиблый Млечный Путь похоже.

Весь этот путь нам не пройти,
не пролететь: не хватит жизни,
но дальше Млечного Пути
мой дух уносят остракизмы.

ДО РАССВЕТА

Встал, хожу по комнате, ищу...
Что ищу? Быть может, день вчерашний?
Он сегодня кажется мне краше,
На меня глядящий сквозь прищур.

Солнце — сквозь прищур холодных туч,
День же — сквозь прищур беззвездной ночи.
Коль везуч, получится, что хочешь,
В день любой, но я-то невезуч.

И зачем искать минувший день?
Лучше сделать вид, что не заметил:
Все равно ведь снова в том же свете
Не увидеть близких мне людей.

Будет свет таким же, как вчера,
Будет тот же снег, и люди те же...
Будет дух мой так же безмятежен.
Чем же, чем душа омрачена?

То же все? Нет, все-таки не то.
Зря взглянул я в зеркало, конечно.
Не оно теперь вот безутешно,
В комнате блуждает как фантом.

Наконец-то новый свет проник,
Просочился сквозь стекло и шторы.
День, я не знаком еще с которым,
Светом полнит чувств моих родник.

Стихли ветры, стихли бури
И замедлились шаги.
Отдал жизнь литературе,
А она верна другим.

Ничего не понимаю.
Да и как понять судьбу?
Спросишь — смотрит как немая,
Скажет — чушь или сумбур.

А хотелось бы такое
Вслух для всех произнести,
Чтобы запахом левкоя
Ощущался каждый стих.

Чтоб не строил мне гримасы,
Не был оттиском клише,
А чтоб светом изливался,
Пробуждал любовь в душе.

Стал медлительнее? Ветры
И волненья улеглись?
Нет, верны мечтам заветным
Каждый день и каждый лист.

Самые первые «РЕМБРАНДТЫ»

Сегодня трудно представить, что вдруг будет обнаружена ранее неизвестная работа какого-нибудь великого художника. Казалось бы, все шедевры гениев уже давно хранятся в музеях или в частных коллекциях, все давно описано и изучено искусствоведами. Однако до сих пор иногда в мире искусства случаются невероятные находки и открытия, которые становятся настоящими сенсациями. Так, к примеру, произошло с самыми ранними (из известных сегодня) работами Рембрандта, обнаружение которых заставило пересмотреть творческий путь великого живописца и, в некотором роде, даже историю западно-европейской живописи.

Четыре ранние работы Рембрандта. Музей Эшмола, Оксфорд

В первой половине 1930-х годов имя Виталия Блоха хорошо знали в мире искусства. Этот уроженец Гродненской губернии был признанным экспертом в области живописи, а еще коллекционером и искусствоведом. Окончив Московский университет, он уехал в 1923 году в Берлин изучать в тамошних музеях голландский пейзаж, потом переехал в Париж и так и не вернулся на родину. Торго-

вал картинами, читал лекции по искусству, искал — и находил — утраченные в веках шедевры (к примеру, две работы Брейгеля), консультировал хранителей известных музеев, курировал выставки, а потом и сам со временем собрал прекрасную коллекцию полотен западно-европейских художников (которую позже подарил Музею Бойсамниса в Роттердаме). И вот однажды этот

блестящий искусствовед обратил внимание на три небольшие картины, хранившиеся в собрании голландского бизнесмена ван Алста. Они явно представляли цикл «Пять чувств» («Аллегория зрения. Продавец очков», «Аллегория слуха. Три певца» и «Аллегория осязания. Операция удаления камня глупости»). Опытному Блоху казалось, что картины созданы Рембрандтом. Он был почти уверен, говорил об этом во всеуслышание, однако атрибутировать карти-

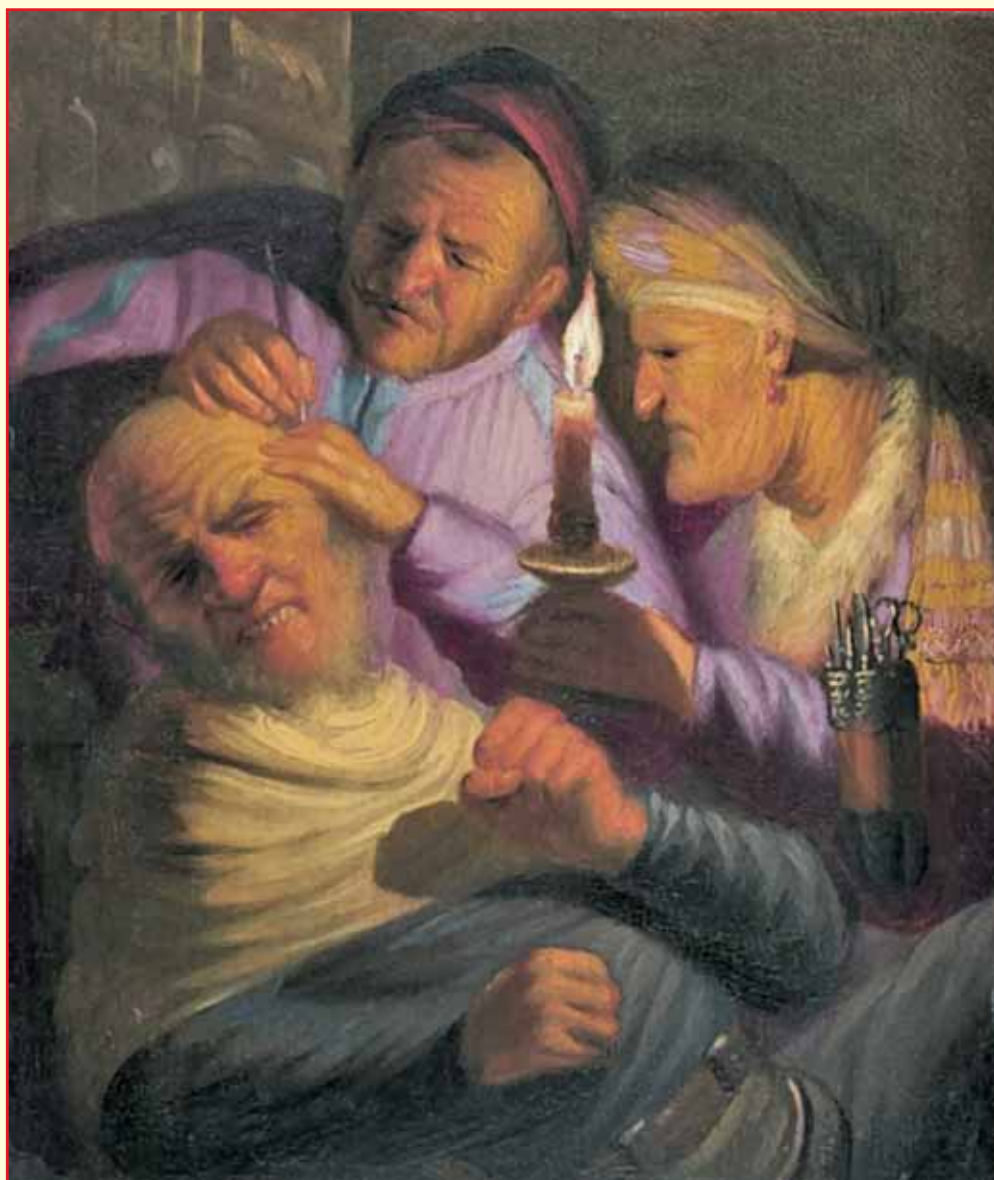
ны, доказать, что это так, тогда, в 1930-х годах, не смог.

В 1965 году эти картины приобрел гаагский антиквар Ганс Крамер, а в 1984 году перепродал их — решив, что они не заслуживают большого внимания — двум частным голландским коллекционерам. (Одним из них был известный собиратель и филантроп барон Виллем ван Дедем). Позже «Аллегория зрения. Продавец очков» был куплен городским лейденским музеем Де Лакенхал, а две

Слева:
*Аллегория
зрения
(«Продавец
очков»)*

*Аллегория
осязания
(«Операция
удаления
камня
глупости»)*

другие — «Аллегория слуха. Три певца» и «Аллегория осязания. Операция удаления камня глупости» были приобретены в 2007–2008 годах американским коллекционером Томасом Капланом.

Томас Каплан многие годы занимался инвестициями в драгоценные металлы и консалтингом. Видно, он хороший предприниматель — уже в 2017 году его состояние оценивалось в 1 млрд долларов. Однажды его теща Мира Реканти (кстати, урожден-

ная Летичевская, дочь русских эмигрантов) предложила собирать коллекцию живописи. Идея мистери Каплану очень понравилась. В 2003 году он и его жена Дафна купили первую картину — «Портрет Дика ван Берестейна» Герарда Дау, ученика Рембрандта. Позже в коллекции Капланов появилось много замечательных работ голландских художников. А в 2006 году им удалось приобрести рисунок Рембрандта «Отдых молодого фавна». С тех пор они просто

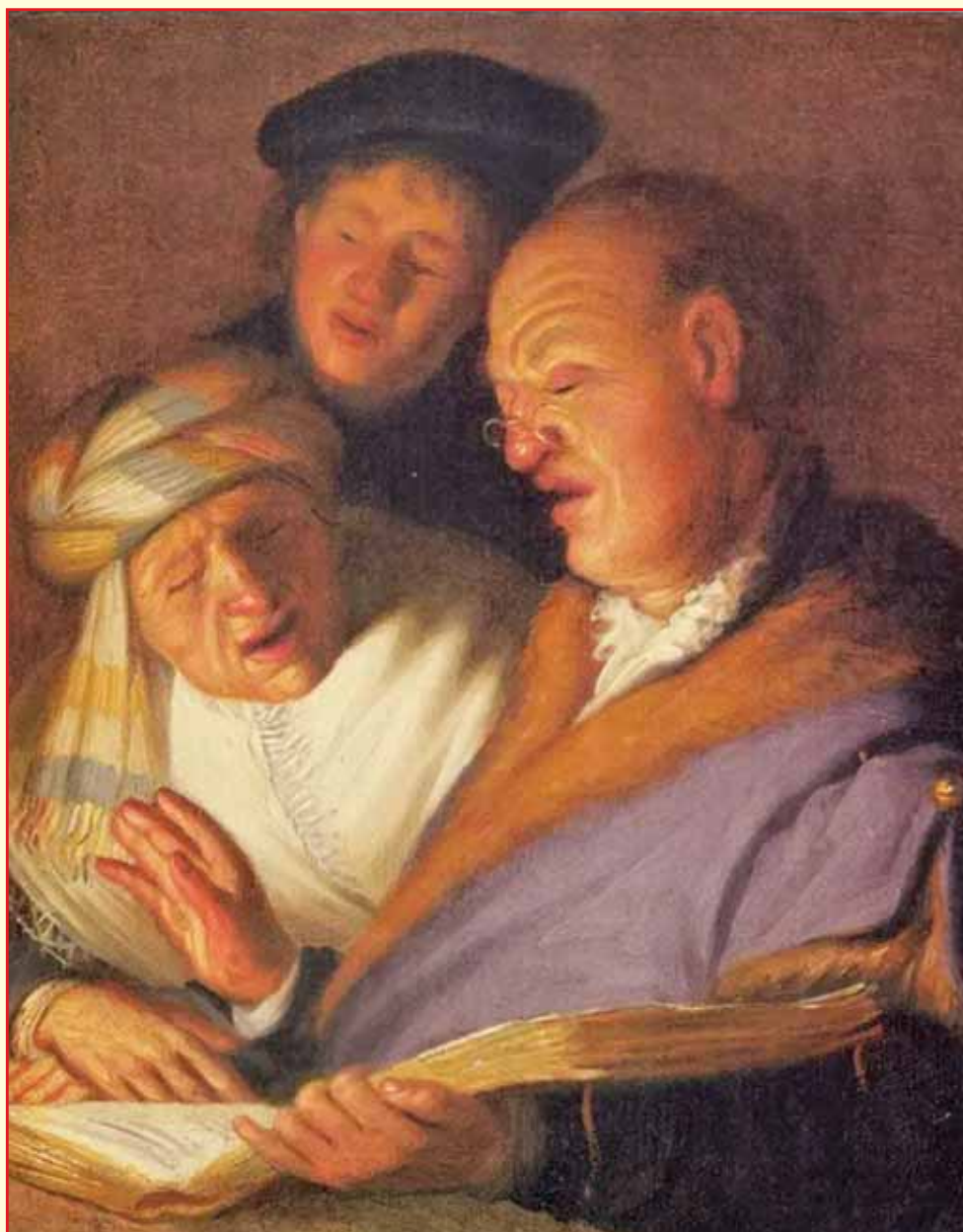
«заболели» им и по всему свету искали его работы, которые бы можно было купить. Каплан и его жена очень надеялись, что купленные ими «Аллегория слуха» и «Аллегория осязания», действительно, как утверждал и верил Блох, принадлежат кисти великого голландца, но пока достоверных доказательств не было. Вероятно, последнюю точку могло бы поставить нахождение остальных картин цикла, но мало кто верил, что такое возможно. Нахождение неизвестного «рембрандта» было бы настоящим чудом.

И это чудо произошло! В конце сентября 2015 года в американском

городе Блумфилде, штат Нью-Джерси, шел аукцион фирмы *Neue & Company*. Устроители аукциона на очередные торги 22 сентября выставили новый лот — это была маленькая картина под названием «Тройной портрет с дамой, упавшей в обморок» (она значилась в аукционном каталоге как творение неизвестного художника «континентальной» школы XIX века), а представили ее братья Ландау, жители Паттерсона, городка в том же Нью-Джерси. Старинная картина — покрытая плотным слоем загрязнений, размером 22 на 18 см, увеличенная за счет дубовых надставок, сделанных в раз-

Слева:

*Аллегория
обоняния
(«Пациент
без сознания»)*

*Аллегория
слуха
(«Три певца»)*

ные годы, — досталась им по наследству от их деда Филиппа Джошуа Раппопорта, купившего ее еще 1930-х года за сущие гроши. На картине были изображены немолодые мужчина и женщина, пытающиеся привести в чувство юношу, потерявшего сознание (поначалу эксперты принимали его за даму).

По-видимому, о картине в определенных кругах было что-то известно — на аукционе вдруг, неожиданно

данно для всех присутствовавших, за ее обладание разгорелся настоящий бой между двумя иностранцами (их самих в тот день в Блумфилде не было, они участвовали в аукционе по телефону).

В результате финальная цена 870 тысяч долларов превысила первоначальную (500–800 долларов) более чем в тысячу раз. Счастливым обладателем этой маленькой картины стала парижская антикварная фирма

Talabardon&Gautier. (А уже через год картину выкупил Томас Каплан, причем за немалую цену — говорили, за 4 млн долларов!) Когда участники торгов узнали, что только что проданная картина, возможно, принадлежит кисти Рембрандта, удивлению их не было предела. Они могли только аплодировать конкурентам, их чутью и удаче, позволившей им приобрести вероятного «рембрандта» всего за 870 тысяч долларов.

Именно эта картина помогла точно атрибутировать три другие из цикла «Пять чувств» — доказать, что они действительно написаны Рембрандтом. Для экспертов было нетрудно установить, что найденная картина — типичная для рембрандтовского времени жанровая сценка, и, главное, манерой, размерами и техникой она очень соответствовала ранее обнаруженным трем картинам из цикла «Пять чувств». А последним, и самым важным, доказательством авторства стала обнаруженная после реставрации этой и других картин цикла в правом верхнем углу известная всем искусствоведам рембрандтовская монограмма — RHF. (Rembrandt Harmenszoon Fecit — «сделано Рембрандтом, сыном Хармена»).

И это была настоящая сенсация!

Четыре картины, созданные юным Рембрандтом в самом начале его творческого пути, в 1624–1625 годах, впервые были показаны вместе в Музее Эшмола в Оксфорде в 2017 году. Они («Слух», «Осязание», «Обоняние» и «Зрение») входили в цикл

«Пять чувств», давно находились в разных местах и у разных собственников и были фактически утеряны и забыты — на несколько веков.

На выставке в Оксфорде на месте пятой картины висела пустая рама... Где же она, эта пятая картина рембрандтовского цикла? И вообще — сохранилась ли? Пока нам ничего не известно. Но надежда жива, и кто знает, вдруг однажды «Аллегория вкуса» появится на каком-нибудь аукционе или всплывет в какой-нибудь частной коллекции...

Картины цикла «Пять чувств» были созданы 18-летним Рембрандтом, только нащупывавшим свой стиль, только начинавшим свой путь. Но мы видим, что из этого юноши, несомненно, получится неординарный художник — он смело использует цвет, свет и тени, свободен в композиции, блестяще изображает поверхности, ткани, меха, драгоценности. А главное — он прекрасно умеет передать психологическое состояние, эмоции своих героев.

И действительно — этого юного живописца впереди ждало будущее, полное творческих побед и свершений. Будущее трагическое, заставившее его пережить разорение, непризнание, смерти самых близких, самых любимых людей. Но, вместе с тем, это будущее было прекрасно, потому что главным для Рембрандта было истинное, бескомпромиссное служение Искусству, которое никогда не изменяло ему, и которому никогда не изменял он... □

Борис Комаров

«К театру я был неравнодушен с самого детства...»

Фото из личного архива

— Борис, не так давно вы играете лорда Генри в спектакле «Дориан Грей» в Театре Луны. Чем вам, как артисту, интересна эта роль?

— Эта роль стала для меня настоящим творческим вызовом, прежде всего, потому, что я — характерный артист.

«Дориан Грей» — это оригинальная версия романа «Портрет Дориана Грея» и письма-исповеди «De profundis» — «Тюремная исповедь» Оскара Уайльда. Спектакль с успехом идет в нашем театре с 2010 года. Гульнара Галавинская — режиссер, сама постановка интересная, авангардная, и я очень благодарен

*«Старый
новый
Фауст»*

Справа:
*«Рубиновый
вторник»*

Гульнаре и всем моим коллегам за поддержку, которую они мне оказали. «Боря, давай! Все получится!» — эти слова дорогого стоят. Я всегда склонен к сомнению в себе, но могу сказать, что с ролью справился. Себя «держу в ежовых рукавицах», чтобы не расслабляться.

С Дмитрием Ворониным, он исполнитель главной роли — Дориана Грея — мы много обсуждали, репетировали, перед самой репетицией с Димой встречались заранее — за два часа, чтобы самим пройти материал, чтобы быть во всеоружии —

режиссеру показать уже готовый рисунок.

— У вас многогранный талант — артист, сценарист, по первому образованию — преподаватель-германист: английского и немецкого языков. Расскажите, пожалуйста, а как вы пришли к писательству?

— Началось все со стихов — ведь все мы писали в молодости, увлекались, так сказать, стихосложением: где-то по влюбленности, где-то по разочарованию... Было время, ког-

да переделывал песни на Новый год и так далее. Однажды нужно было написать новогоднюю сказку, и я решил попробовать — вроде бы неплохо получилось. Актер и режиссер Владимир Майсурадзе предложил мне написать сказку в стихах, а я написал две, и они по сей день идут, мы их играем — это музыкальный спектакль «Последний богатырь» по мотивам русских народных сказок («В забытой сказочной стране» — наш оригинальный сценарий), и «Снежная королева. Приключения Кая и Герды» — адаптация классической сказки.

— Вы работали с Ильей Авербухом, как это случилось в вашей творческой жизни?

— Ничего такого особенного и не было — все было просто и быстро.

Мой знакомый — музыкант и композитор Андрей Пурчинский — работал над постановкой ледового шоу «Мама» (по мотивам классики — сказки братьев Гримм «Волк и семеро козлят») и, узнав, что я пишу, по-

рекомендовал меня Илье Авербуху. Илья тогда искал сценариста и сказал, чтобы я пришел на встречу уже с готовым сюжетом, с условием, что в основе будет музыкальный фильм «Мама» 1976 года, но спектакль должен быть абсолютно нашим, то есть оригинальным.

Сюжет Илье понравился, и он его одобрил.

Потом были ледовые шоу — проекты: «Малыш и Карлсон», «Новые Бременские музыканты». Когда с Ильей начались рабочие встречи, мне казалось, что я уже знаю его лет десять, потому что он очень располагает к себе — простой в общении, открытый человек, обаятельный, с тонким чувством юмора. Очень творческий.

Бывает, приходишь к заказчикам, они сидят этикие снобы, в дорогих костюмах, смотрят свысока, ну, мол, что вы там предложите... Когда, например, обсуждали спектакль с Ильей, он говорил, что хотел бы увидеть на сцене, ставя себя на позицию зрителя. Было интересно видеть Илью на репетиции, как он реагирует

на творческий процесс, как у него загораются глаза, как он открыт в работе. Авербух — самый настоящий ледовый гений, и я счастлив, что работал с ним. Сейчас мы не сотрудничаем, но созваниваемся, если бываю неподалеку, проезжаю мимо его офиса, то захожу просто поздороваться.

— Ваше первое образование — преподаватель английского и немецкого языков. А как вы пришли в актерство?

— К театру я был равнодушен с самого детства, посещал театраль-

ный кружок, но моя мама хотела, чтобы у сына была социально стабильная специальность, и я поступил в рязанский государственный университет, получил диплом и в двадцать два года поехал в Москву, на заработки. Стал работать официантом в ресторане, рядом с Театром Луны, и однажды за обедом меня увидел Сергей Борисович Проханов. Мы случайно разговорились, и он посоветовал поступать в ГИТИС, к нему на курс учиться. Не знаю, что он тогда во мне рассмотрел. Я сначала сомневался, быть или не быть, получится у меня или нет, но, в итоге,

Слева:

*Капустник
к юбилею
Театра Луны*

«Шантеклер»

поступил в ГИТИС и по окончании был принят в труппу Театра Луны.

Хотел бы отметить, что многие родители сами решают за своих детей, какой им выбрать в жизни путь, и это очень неправильно. Дети должны сами сделать свой выбор.

— Какие работы у вас вышли за последнее время?

— Для мюзикла «Дон-Жуан. Нерассказанная история» я написал стихи — арии, этот мюзикл вышел больше года назад. Режиссер — Артем Каграманян, с ним у нас невероятный творческий тандем, как говорится, на одной волне, бывало, что в два часа ночи созванивались, чтобы обсудить материал. Мюзикл

создан по пьесе драматурга Леонида Жуховицкого «Последняя женщина сеньора Хуана». Это не герой Пушкина и Байрона, это взгляд на Дон Хуана писателя Жуховицкого — человека 20 века, его ответ на вопрос — как родилась легенда о Дон Хуане. В мюзикле заняты: Иван Ожогин, Мария Геворгян, Оскар Кучера, Анастасия Макеева, Алика Смехова, Нонна Гришаева.

— Вы много общаетесь с людьми в силу своей профессии. Какие люди вам нравятся?

— Больше всего мне симпатичны люди, которые к себе относятся адекватно и адекватно воспринимают других.

Бывает, что сталкиваешься с людьми, которые, извините, лезут не туда, куда им надо, например, когда некомпетентные люди дают тебе советы. У человека одна профессия, а тебе, актеру, хотят непременно дать свой «дельный» совет. Вообще, каждый человек должен знать, что он может в своей профессии, а что нет, и должен критически относиться к своей персоне.

Из коллег по цеху мне нравятся люди, которые страстно горят своим делом и умеют зажечь других.

— Если у вас есть свободное время, как вы его проводите?

— Прошлым летом мне удалось прочитать все произведения Сергея Довлатова — я давно об этом мечтал, но, увы, не было времени.

Кино — моя страсть, много смотрю, много читаю литературы о кинематографе. С супругой часто ходим в кино и смотрим новые фильмы. Понравился «Дом Гуччи» Ридли Скотта, посмотрели его на языке оригинала и получили от просмотра огромное удовольствие, какие потрясающие актерские работы, какие артисты: Леди Гага, Адам Драйвер, Джаред Лето, Джереми Айронс, Аль Пачино. Вы знаете, фильм длился три часа, и мне совсем не хотелось, чтобы он заканчивался.

Приобщился к живописи в последнее время — очень нравится импрессионизм, раньше мне было не интересно посещать выставки, а теперь я увлекаюсь живописью.

Побывал в музее, на выставке художника — импрессиониста Константина Горбатова «Приближая красоту» в Новом Иерусалиме, и она произвела на меня большое впечатление. Прекрасная выставка «Другие берега. Русское искусство в Нью-Йорке.1924» проходила в музее Русского импрессионизма в Москве, с сентября 2021 до 16 января 2022 года. На ней были представлены работы Бориса Кустодиева, Михаила Ларионова, Льва Бакста, Игоря Грабаря, и других художников — обширная панорама русского искусства от импрессионизма до кубофутуризма.

— Что пожелаете зрителям и читателям «Смены» сегодня?

— Время сегодня непростое, но не нужно закрываться в скорлупе негатива. Идете по улице — посмотрите по сторонам, какие здания вокруг, просто посмотрите на небо, старайтесь видеть мир, в нем столько всего интересного, в том числе много того, что вы не видели и не замечали раньше. Приходите в театр, приобщайтесь к творчеству своих родных и близких. Знаете, есть такие люди, которые говорят, мы не творческие — нам туда не надо. Надо! Сходите в театр хоть раз в году. Привлекайте к искусству своих близких и знакомых, они живут и даже не понимают, насколько им это нужно. Почему? Потому что Красота спасет Мир! Больше его ничто не спасет. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Светлана Ольховская

Остановившая мгновение

Фото из личного архива

«Verweile doch! Du bist so schön!» — так в подлиннике звучит эта легендарная фраза из трагедии «Фауст» Иоганна Вольфганга Гете (1749–1832). Выражение «Остановись мгновение, ты прекрасно!» как желание продлить наслаждение от отпущенного судьбой недолгого счастья лю-

бования красотой во всем ее многообразии появилось на свет немногим более двух веков назад, но истоки его в вечности. И именно из этого неисчерпаемого источника питает вдохновение художник с берегов Северной Пальмиры Виктория Ярославова. Несмотря на свою молодость, она в мире современного изобразительного искусства фигура уже по-своему знаковая. На ее счету немало коллективных и пер-

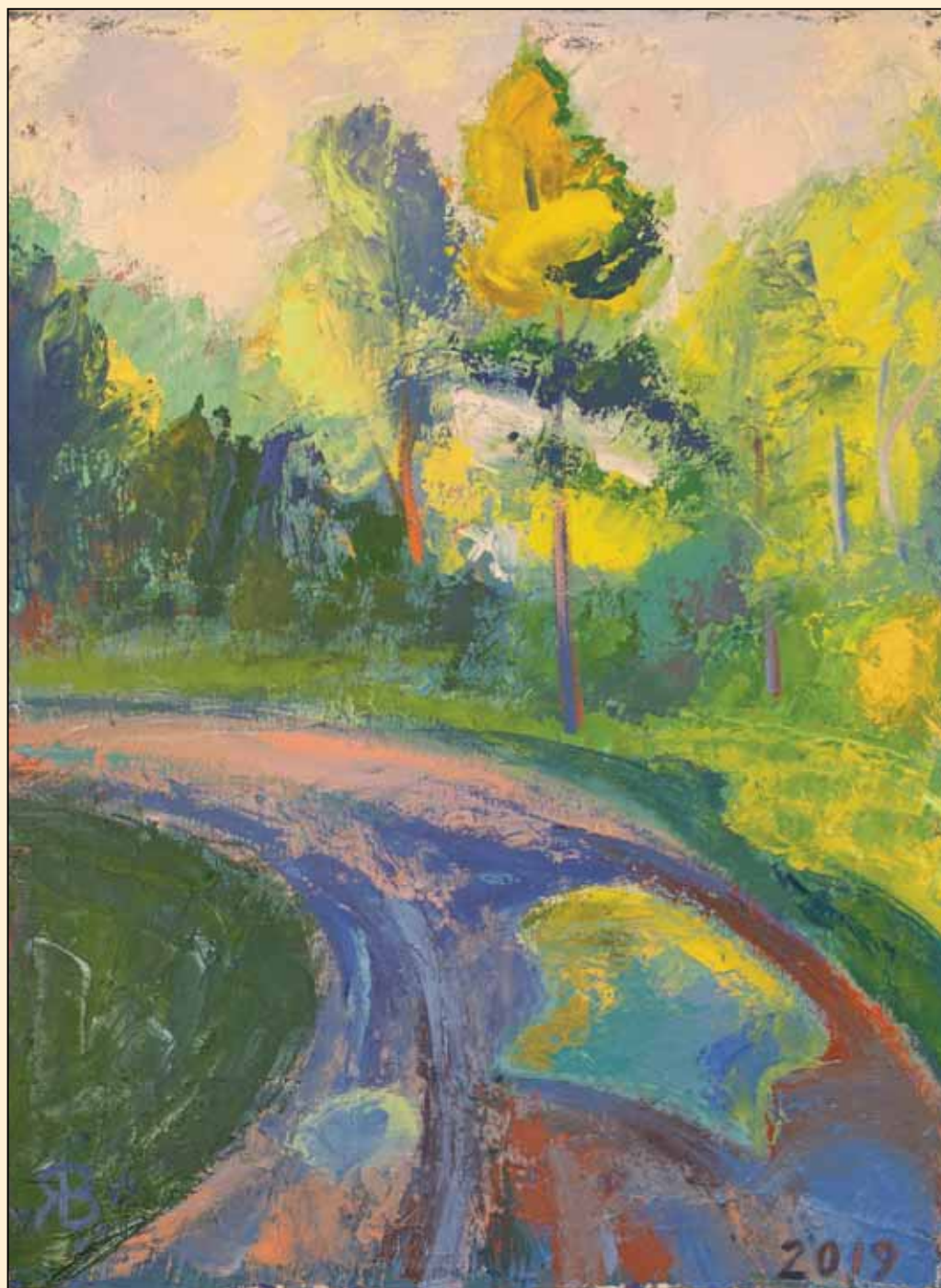

сональных выставок, участие в образовательных и арт-проектах и даже разработка собственного, авторского, направления в арт-терапии. Она умело использует наработки мастеров прошлого и уверенно продвигает свои таланты.

Путь в изобразительном искусстве Виктория начинала с дизайна, но вскоре вышла за рамки этого чисто прикладного направления. «Поскольку по первому своему образованию я графический дизайнер, наследие русского авангарда стало той почвой, на которой не только фор-

мировалось мое эстетическое восприятие, но и художественное мышление в принципе», — признается выпускница Художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица.

Дух авангардизма действительно присутствует в большинстве ее работ, порой наполненных тревогой, переживаниями, насыщенными эмоциональной составляющей. Она словно «останавливает» мгновения времени и предлагает зрителю прочувствовать незримое движение соков жизни по корням и стеблям деревьев,

Слева:
*«Красная
ночь»*

*«После
дождя»*

ощутить едва уловимый запах луговых трав или терпкий дух старого деревенского дома.

Размышляя о своей роли в искусстве, Виктория словно проводит «автопсихоанализ»: «В какой-то момент живопись для меня стала способом взаимодействия с собствен-

ными сложными чувствами. И, если их удастся переработать мне самой в процессе творчества, то возникает идея о том, что это может помочь зрителю пережить подобный опыт успешно, глядя на мою картину. Вообще обращение к собственному бессознательному стало источни-

«Корни»

ком вдохновения для меня несколько лет назад. Сильное влияние оказала теория К.Г. Юнга о коллективном бессознательном и архетипах. Я стала внимательнее наблюдать за тем, какие именно образы волнуют меня, и какое воздействие они оказывают на зрителя. Мне стало интересно оперировать в моем творчестве универсальными «архетипичными» образами, имеющими, с одной стороны, общую и понятную для большинства людей смысловую нагрузку, а с другой — вмещающие в себя множество личных для каждого человека значений и переживаний. Искусство для меня становится окном в загадочный мир бессознательного человека. Удивительно видеть, как один и тот же художественный образ может раскрывать

абсолютно разные, а порой — противоположные смыслы, в зависимости от того, кто его воспринимает. Искусство — это зеркало, смотрясь в которое, можно встретиться с потаенными частями самого себя».

Такое небезразличное отношение к зрителю и позволяет Виктории Ярославовой — члену Санкт-Петербургского отделения Творческого союза художников России (ТСХР), Международной Федерации художников (IFA) и члену Российской Арт-терапевтической Ассоциации создавать произведения, оказывающие явное позитивное воздействие на посетителей выставок ее работ. Впрочем, даже репродукции картин мастера делают свою благодатную работу. Нужно только остановиться перед ними хотя бы на

КУПОЛОМ ПО КУМПОЛУ

Когда тридцать с лишним лет назад началась история новой России, в это же самое время в США начался уникальный по своей амбициозности эксперимент. Несмотря на поставленные перед ним грандиозные задачи, он с треском провалился, и нынче о нем предпочитают вообще не вспоминать.

Заточенные заживо

В наши дни, во время проникновения соцсетей практически во все мыслимые и немыслимые сферы и стороны человеческой деятельности, слышатся радостные возгласы о грядущем и скором полете людей на Марс. Сроки при этом каждый раз все сдвигаются, но не в этом же суть. Есть добровольцы, готовые принести себя в жертву науке и человечеству и полететь на Красную планету. А там, того и гляди, основать колонию землян или (чем черт не шутит) даже, может быть, основать новую породу людей. О том, что полет на Марс может быть неудачным по тысяче и одной причине, а миссия землян на Красной планете элементарно погибнуть от нелепой случайности, говорить в цивилизованном обществе вроде как-то не принято.

К любой грандиозной миссии надо основательно подготовиться. Еще загодя, здесь, на Земле. И не переводятся на нашей матушке-планете добровольцы, готовые себя заживо заточить на энное количество дней и ночей в герметичном, замкнутом пространстве, чтобы смоделировать приближенную к реальности ситуацию — выживанию землян на далекой другой планете. Есть они и в наши дни, были таковые тридцать лет назад и в Америке.

Творцы альтернативной истории

На исходе прошлого столетия мир еще не сошел с ума от всевозможного рода реалити-шоу на голубом экране или в соцсетях, но выяснить способности и возможности людей для проживания в изолированном замкнутом пространстве (что гарантированно пригодится для будущего освоения землянами других планет) очень хотелось. Так, в 1987 году в американской пустыне Сонора, что в американском штате Аризона, в режиме строжайшей секретности стал строиться проект, получивший название «Биосфера-2» («Биосферой-1», по мысли организаторов, была наша с вами Земля). На площади более чем в 3 гектара выросли корпуса из стекла и металла, похожие на те, что мы до сих пор можем увидеть в фильмах о будущем. Построены они были так, чтобы воздух не проникал ни изнутри, ни снаружи: это позволяло максимально точно симитировать инопланетные условия с непригодной для человека атмосферой.

Спустя несколько лет, в 1991 году, команда из нескольких человек была помещена под изолированный купол. Однако реальность оказалась куда как более непредсказуемой, чем самый безумный фантастический вымысел.

По замыслу создателей «Биосфера-2» должна была стать полностью саморегулирующейся системой — то есть неким аналогом будущей внеземной колонии землян. При этом сделана постройка была на совесть: герметичность конструкции была настолько прочной, что ее швы пропускали меньше воздуха, чем швы будущей Международной космической станции!

Для обеспечения автономного и бесперебойного существования «Биосферы-2» под землей были проложены многочисленные коммуникации. Трубы, по которым циркулировала вода для отопления и питья, гигантские «легкие», которые должны были компенсировать расширение и сжатие воздуха при его нагревании днем и остывании в ночные часы. Ну а чтобы исключить риск случайного проникновения извне (за исключением солнечного света), все постройки на станции были изолированы от поверх-

ности земли специально сваренными листами толстого металла, общий вес которых составлял около 500 тонн.

Внутри «Биосфера-2» была разделена на 7 отсеков, которые называли биомами. В каждом из них воспроизвели различные условия, существующие на Земле: тропический лес, туманную пустыню, мангровое болото, океан с коралловым рифом и саванну. Были и 2 антропогенных биома, один из которых включал жилые и хозяйственные помещения, а второй представлял собой сельскохозяйственные угодья, где предстояло выращивать продовольственные культуры. Дело оставалось за малым: заселиться и радоваться жизни!

Обрученные с «Биосферой»

6 сентября 1991 года группа из 4 мужчин и 4 женщин, в состав которой входили агроном, океанолог, врач и эколог, вошла внутрь «Биосферы-2». За добровольцами закрылись герметичные двери, и эксперимент начался! Добавим, что вместе с собою команда проекта взяла порядка 3000 видов растений и животных, включая деревья и насекомых. Участникам команды предстояло самим обеспечивать себя пропитанием.

Для решения поставленной задачи «поля» в биоме были засеяны. В числе прочих культур там были батат, свекла, арахис, пшеница и папайя. При этом никаких промышленных сельхозудобрений не применяли, ибо они могли негативно повлиять на здоровье живущих в изоляции людей.

Питание на «Биосфере-2» было разработано самым тщательным образом одним из участников миссии, врачом Роем Уолфордом, при этом на долю растительных продуктов приходилось аж 83 %. Забегая вперед, отметим, что столь богатый растительный рацион повлиял на участников эксперимента самым неожиданным образом: у одной из участниц, Джейн Пойнтер, кожа окрасилась в оранжевый цвет. Правда, тогда предположить этого никто не мог.

В результате все два года, что длился эксперимент, биосферинцев преследовал постоянный голод. Мясо кур, свиней и карликовых коз, которых они выращивали в сельскохозяйственном биоме, команда ела крайне редко, примерно один раз в неделю. К чести участников проекта, их жизненные возможности оказались многократно сильнее, чем у взятых «на борт» животных и растений, большинство из которых банально погибли к концу первого года эксперимента. Вольготно чувствовали себя разве что тараканы (они активно плодились и даже стали опылителями растений), да не в меру расплодившиеся вредители, постоянно угрожавшие уничтожению оставшихся посевов.

Непредвиденные изменения начали происходить и с климатом биома: «пустыня» быстро стала походить на климат саванны, поскольку испаряющаяся влага конденсировалась под стеклянной обшивкой и возвращалась в почву в виде дождя. Деревьям, растущим в «тропическом лесу» и в «саванне», пришлось несладко. В природе благодаря сопротивлению ветрам древесина укрепляется, а при полном штиле она истончилась, и стволы стали ломаться под собственной тяжестью. Кроме того, деревья страдали и от недостатка солнечного света, из-за чего их листья желтели и опадали.

Неожиданной и очень серьезной проблемой для обитателей стала банальная нехватка кислорода, причем уровень его последовательно снижался, пока не достиг 14,5 % — примерно столько же кислорода содержится на высоте 4 километров над уровнем моря. Кислородное голодание крайне негативно сказалось на здоровье членов миссии: у них повысилась утомляемость, ухудшились умственные способности и даже стали случаться остановки дыхания во сне. Чтобы избежать возможной трагической развязки, руководителями проекта было принято решение закачать под купол кислород. Впрочем, это не помогло — кислород продолжал исчезать самым таинственным образом.

Как выяснилось уже много позже, виной всему были микробы, размножающиеся в почве. Они превращали кислород в углекислый газ, который, в свою очередь, тоже куда-то пропадал. Кислород и углекислота вступали в реакцию с бетоном, образуя карбонат кальция, что и стало причиной таинственного исчезновения.

Тотальное фиаско

Команду, живущую и работающую изолированно от внешней среды длительное время, подбирают особо тщательно. Всегда и везде — это закон жизни. Не стал исключением (как казалось тогда его организаторам) и состав участников «Биосферы-2». Но реальность превзошла все прогнозы. Даже самые мрачные.

От былой дружбы, радушия и взаимовыручки не осталось и следа, как только обитатели герметичной станции столкнулись с реальными проблемами по выживанию. Участники проекта довольно быстро образовали две изолированные и откровенно враждебные друг другу группы: при этом одни считали, что подавляющую часть бытовых забот и проблем нужно переложить на ученых извне, нарушив полную изоляцию, а другие ратовали за чистоту эксперимента.

Однако обстановка внутри станции продолжала накаляться как в прямом, так и в переносном смысле: уровень кислорода падал, а отношения в коллективе продолжали ухудшаться. В итоге через два года после старта проекта эксперимент решили прекратить, так как на кону встал вопрос о выживании миссии «Биосфера-2».

26 сентября 1993 года герметичная дверь постройки распахнулась, и биосферианцы вышли из добровольного заточения. Спустя много лет после окончания эксперимента они не общаются друг с другом и испытывают к бывшим коллегам по проекту, мягко говоря, не самые теплые чувства.

...В наши дни изрядно обветшавшие сооружения бывшей «Биосферы-2» принадлежат университету Аризоны, который проводит здесь различные исследования, связанные с биологией и экологией. А также проводит разнообразные тематические экскурсии.

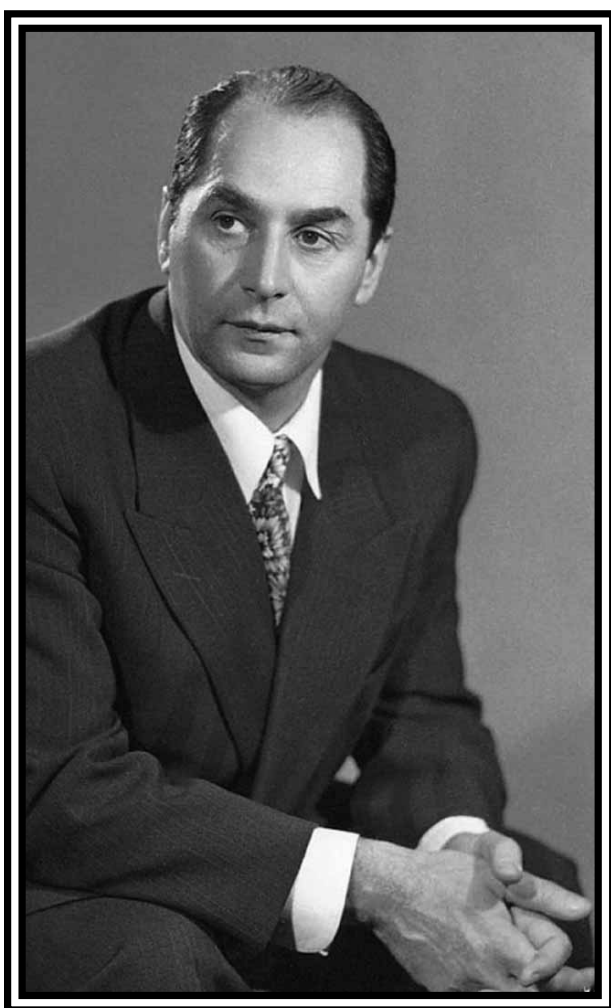
Евгения Гордиенко

Ансамбль трехсот танцев

И ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Русский балет давно стал мировым явлением. Трудные имена русских танцоров выучил весь мир. Но есть имя, которое прославило не только одного великого человека, но сделало всемирно известным целое направление в танце — народное. Игоря Моисеева знали во всем мире, а сам он сравнивал свою жизнь с путеводителем по странам и континентам — в стольких местах ему доводилось бывать. Он провел на сцене 80 лет, и это, пожалуй, самый долгий срок, выпавший артисту. Прожив более века, Моисеев до последних дней не уставал придумывать, ставить, делать...

Фото: www.moiseyev.ru

Будущий танцовщик и балетмейстер родился в Киеве 21 января 1906 года. Отец, Александр Моисеев, был юри-

стом, периодически зарабатывавшим уроками французского языка, мать, Анна Грэн, — модисткой. В ней текла

наполовину французская, наполовину румынская кровь. Неудивительно, что, встретив ее в Париже, Моисеев-старший сразу влюбился.

Он привез молодую жену в Киев, и вскоре у них родился сын Игорь. Все бы и дальше шло хорошо, но Александр, обладая характером революционера, часто позволял себе критику в адрес властей, за что угодил в тюрьму. Опасаясь за сына, Анна отвезла его во Францию, в пансион, а сама вернулась в Россию — вызволять мужа из тюрьмы.

Дети в пансионе были в основном старше Игоря, и потому пребывание там давалось ему нелегко. С него требовали не меньше, чем со старших, да и сами однокашники относились к нему не лучшим образом. Поэтому Игорь был безмерно рад, когда мать, дождавшись оправдания отца и возвращения его из тюрьмы, забрала сына домой.

Семья переехала в Москву. В те годы это был не самый благополучный город для подростка, и отец, не желавший, чтобы сын попал под влияние ули-

цы, отправил его в балетную студию. Первым преподавателем Игоря Моисеева стала бывшая балерина Большого театра Вера Ильинична Масолова.

Через довольно короткое время она поняла, что перед ней — настоящий талант, человек, учителями которого должны стать лучшие в своем деле. Она привела его в техникум при Большом театре. Выдержав все вступительные экзамены, Моисеев стал учиться у главного балетмейстера театра — Александра Горского.

Окончив техникум, он сразу поступил в труппу, начав, естественно, с небольших ролей и маленькой зарплатой. Но и она была радостью для небогатой семьи — на первые полученные в театре деньги Игорь в магазине «Мюр и Мерилиз» (нынешний ЦУМ) купил... чайник. Предыдущий уже совсем прохудился, и мать только и делала, что замазывала его оконной замазкой. Вся семья была счастлива этой покупке.

Но удачное начало быстро сменилось — как это и положено в театре — интригами. Горского на посту

главного балетмейстера сменил Касьян Голейзовский, который решительно не нравился старшей части труппы. Он постоянно занимал молодого Моисеева в своих спектаклях, Игорь Александрович вступил в конфликт со «стариками», после чего был уволен из театра. Но он не растерялся и отправился на прием к наркому просвещения Луначарскому, после за-

Но, несмотря на возвращение в труппу, ролей Моисееву долгое время не давали — тяжелое время для любого творческого человека. Игорь Александрович впоследствии вспоминал, что даже коробка с гримом, которую выдавали с началом сезона каждому артисту, оставалась нераспечатанной.

Его «опала» закончилась в тот момент, когда партнер примы Екатери-

ступничества которого его приняли обратно в театр.

Наркому понравился молодой человек с горящими глазами, и он начал приглашать его к себе на знаменитые «четверги». Вместе с поэтом Владимиром Маяковским, французским писателем Анри Барбюсом и режиссером Александром Таировым они обсуждали проблемы культуры, играя в бильярд.

ны Гельцер надорвал спину, и понадобилась замена. Выбрали Моисеева.

Но за год простоя он понял, сколь зыбка профессия артиста — ты можешь быть востребован, а можешь прийти на класс, после чего быть совершенно свободным. Именно в этот период Моисеев стал задумываться о том, что мог бы и сам ставить балеты, а не только танцевать в них.

В 1926 году он, совместно с режиссером Рубеном Симоновым, поставил спектакль «Красавица с острова Лю-Лю». Постановка имела успех у публики, и Моисеев понял, что нашел себе дело всей жизни.

Уже через год он смог поставить балет «Футболист» на сцене родного Большого театра. Балетмейстеру на тот момент было 24 года.

Через некоторое время Моисеев написал письмо Молотову, где предлагал создать ансамбль народного танца, обещая все организовать. Реакция «сверху» была такой: «Предложение хорошее. Поручить автору его реализовать».

Первая репетиция состоялась в 1937 году, а в 1943-м при ансамбле открылась школа-студия. Интерес к народному творчеству сформировался у Игоря Александровича еще в начале 1930-х годов, когда он пешком и верхом объездил весь Памир, Белоруссию, Украи-

ну, Кавказ, собирая образцы танцевального фольклора.

Ансамбль очень много гастролировал и пополнял свой репертуар то аргентинским гаучо, то югославской дзюрдевкой, то мексиканской сюитой или венесуэльской хоропой.

Гастроли всегда проходили с огромным успехом: ансамблю рукоплескали зрители Италии, Франции, Китая, в Голландии поклонники народного танца бурно аплодировали стоя. В местной газете появи-

лась заметка, в которой говорилось, что танец русских можно назвать просто дьявольским. В Финляндии, где не принято слишком эмоционально проявлять чувства, они заставили зрителей разразиться овациями. Финские зрители, демонстративно скрестившие руки на груди, в итоге громко хлопали советским танцорам.

Но занимался Игорь Александрович не только ансамблем — талант требовал выхода и в иные области, как, например, постановка знаменитых спор-

тивных парадов на Красной площади. Однажды Сталин посмотрел выступления физкультурников, поставленные Моисеевым, и пришел в настоящий восторг. Он пожелал, чтобы тот, кто их ставил, продолжал и дальше выпускать столь успешные номера. Даже показанные по телевидению, они завораживали, что уж говорить о том, как они выглядели «вживую».

Однажды Игоря Моисеева вызвали с гастролей правительственной телеграммой. В купе к нему зашли люди в форме сотрудников НКВД, взяли его вещи и пригласили следовать за собой. Всю дорогу, пока

Игоря Александровича везли на Лубянку, он гадал — арест это или нет? Оказалось, его услуги потребовались Лаврентию Берии. Общество «Динамо» провалило генеральный прогон, Моисеев должен был в кратчайшие сроки поставить новый оригинальный номер. Разумеется, он справился с этой задачей.

После парада Берия лично позвонил Моисееву и поблагодарил за прекрасную работу.

С 1938 года ансамбль начали приглашать в Кремль. На пышном банкете после одного такого концерта кто-то положил руку на плечо Игорю Моисееву. Подняв глаза, он увидел перед собой Сталина. Вождь

поинтересовался делами ансамбля. Моисеев не стал скрывать, что у них по-прежнему нет помещения, и место в новом здании над станцией метро «Маяковская» тут же нашлось.

Игорь Моисеев всегда пользовался популярностью у женщин. Только официальных браков в его жизни было три. Первый раз он женился на Нине Подгородецкой, приме Большого театра, но супруги расстались очень быстро. Второй его женой стала танцовщица Тамара Зейферт, которая была младше мужа на десять лет. В этом браке родилась дочь Ольга, тоже выбравшая балетный путь. Много лет она прослужила в ансамбле своего отца, добившись отличных результатов. Но еще более популярным стал ее сын Владимир. Он танцевал в Большом театре и создал Русский национальный балетный театр.

А третьей женой Моисеева стала Ири-

на Чагадаева. Впервые они встретились в 1943 году, когда 16-летняя девушка получила приглашение в ансамбль 35-летнего Моисеева. Но поженились они только в 1974 году. До этого Игорь Александрович практически «сосватал» Ирину за сына маршала Конева, с которым она прожила много лет. Понимая, что могут предлагать юной танцовщице во время многочисленных концертов и гастролей, руководитель ансамбля, как мог, обезопасил ее влиятельным мужем.

И все же спустя почти тридцать лет оба они расстались со своими супругами, чтобы провести оставшиеся сорок лет вместе — держась за руку каждый день.

Моисеев никогда не хвалил своих артистов. Относился к себе и к ним строго. «Вас так хорошо принимают, а вы так плохо танцуете!» — вот что говорил он им после рукоплесканий зала. В его ансамбле принципиально не было солистов: Моисеев считал коллектив единым целым, в котором каждый танцор может подменить своего коллегу: «Кто назовет себя солистом, того я уволю из ансамбля», — часто повторял он.

В репертуаре коллектива на сегодняшний день около 300 танцев народов мира. Так было при его создателе, так остается и по сей день.

Игорь Моисеев вспоминал: «Меня часто спрашивают: «Чем вас привлекает народный танец?» Задумываясь над этим, я пришел к выводу, что не вижу более праздничного, жизнелюбивого вида искусства... У народного танца нет служебного хореографа, он

рождается из окружающей среды. И в этом его отличие от классического балета, рожденного рациональным умом... Мы не коллекционеры танца, и не накалываем их, как бабочек на булавку. Опираясь на народный опыт, мы стараемся расширить возможности танца, обогащая его режиссерской выдумкой, техникой танца, благодаря которой он еще ярче выражает себя. Короче говоря, мы подходим

Ирина Чагадаева в молодости

к народному танцу как к материалу для творчества, не скрывая своего авторства в каждом народном танце. Но наше творчество продолжается в природе самого народного танца. Такой путь не мною придуман».

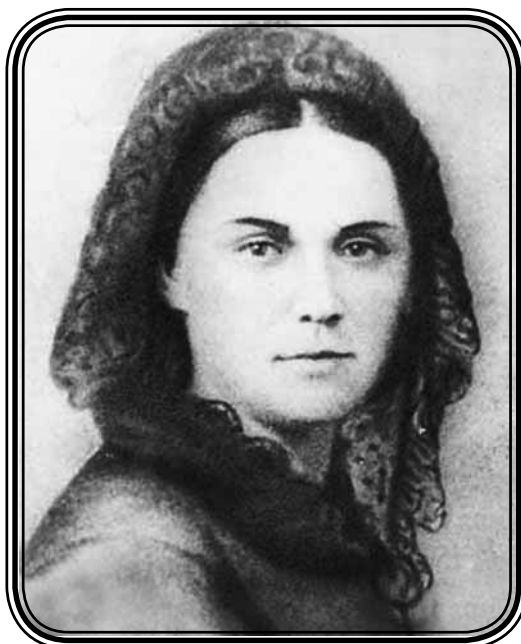
Игоря Моисеева не стало 2 ноября 2007 года, на тот момент ему исполнился 101 год. Причиной смерти была сердечная недостаточность. Похоронен великий танцор на Новодевичьем кладбище столицы. □

...Люби ты меня...

У каждого поколения свои кумиры. Молодежь конца 50-х и начала 60-х годов 19-го столетия фанатично боготворила Николая Добролюбова и его тезку Чернышевского. Не последним в этой когорте был и Дмитрий Иванович Писарев.

*Дмитрий Иванович
Писарев*

*Марко Вовчок
(Мария Вилинская)*

Будущий нигилист появился на свет в 1840 году в селе Знаменка Елецкого уезда Орловский губернии (ныне село Писаревка Задонского района Липецкой области). Если покопаться в родословной Писаревых, то выяснится, что когда-то их предок Се-

мен Писарь «выехал» на службу из Польши к московскому князю Василию Васильевичу Темному, и от него пошли не только Писаревы, но и Скорняковы-Писаревы, Иванчины-Писаревы и просто Писаревы. Не менее знатным был род и Данило-

вых, из которого происходила мать нигилиста Варвара Дмитриевна. Как вспоминают очевидцы, с рождением сына Дмитрия в ней проснулась страстная, нежная и заботливая мать. Она не видела вообще какой-либо иной задачи в жизни, как воспитание ребенка. В своем сыне она видела только вундеркинда, чудоребенка. В то время как отец Иван Иванович считал, что сын должен «развиваться» сам по себе, проводя более времени на природе, резвиться, а не сочинять какие-то сказки и рассказы-повествования. Но властная супруга, прекрасно говорившая на французском, не была согласна с главой семейства. Уже с трех лет мальчик знал азбуку, а в четыре годика читал по-русски и по-французски. Когда Дмитрию исполнилось семь лет, в дом Писаревых была приглашена немка-гувернантка. И немецким языком мальчик овладел так же быстро, как русским и французским. Рано проявился у него интерес и к литературе. Уже в семилетнем возрасте он зачитывался романами Дюма, Купера.

В декабре 1851 года молодой барич покинул родовое гнездо и отправился в столицу. В Петербургскую гимназию вундеркинда сразу зачислили в третий класс. Окончив гимназию с серебряной медалью, Писарев поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. По воспоминаниям студентов, Дмитрий

выделялся отличной памятью, знанием древних языков и необыкновенной работоспособностью.

В начале 1859 года его пригласили в женский журнал «Рассвет» вести библиографический отдел.

Варвара Дмитриевна внимательно следила за сыном и, видя, что его нервная система нарушена, настояла на лечении. Несколько месяцев ему пришлось провести в психиатрической больнице. На последнем курсе Писарев написал кандидатскую диссертацию о древнегреческом проповеднике Аполлонии Тианском, и его труд был оценен серебряной медалью. После окончания университета в 1861 году Дмитрий полностью отдался литературной деятельности. Печатался в ряде журналов, в том числе и в «Современнике». А вскоре в печати появилась его статья «Русское правительство под покровительством Шедо-Феррорти». Последовали арест и два года тюрьмы. Затем было четырехлетнее заключение в Петропавловской крепости, откуда Писарев был освобожден в ноябре 1866 года под поручительство матери....

Они были ровесниками. Раечка Коренева появилась на свет 17 августа того же 1840 года в родовом имении Хмырево. После смерти родителей, когда ей было одиннадцать лет, ее забрала к себе родная тетка Варвара Дмитриевна в Зна-

менку. И не только забрала, но и удочерила. Митя сразу же обратил внимание на двоюродную сестру и...влюбился. Они вместе воспитывались и все время он добивался, чтобы она в дальнейшем стала его женой. Родственники, и, конечно, в первую очередь мать были яркими противниками, считая брак между столь близкими родственниками невозможным. Но Писарев был так настойчив, к тому же боясь, что сын может снова угодить в психиатричку, Варвара Дмитриевна была вынуждена уступить сыну. В 1860 году Дмитрий Иванович объявил Раису Александровну своей невестой.

В столице Писарев жил в квартире при типографии. Здесь же жила его любимая кузина Раечка. Но вела себя она как-то странно: ведя независимый образ жизни, часто принимала у себя... мужчин. До Варвары Дмитриевны доходили слухи, но сын заверял, что его возлюбленная не заслуживает ее упреков. Он мечтал свить семейное гнездышко, но, увы, Раечка не разделяла ответных чувств. И не только не разделяла, а объявила кузену, что любит другого, и в марте 1862 года вышла замуж за отставного прапорщика Е.Н. Гарднера. Писарев был вне себя от ревности и горя и умолял ее вернуться к нему. Но все было тщетно.

Правда, дружеские отношения между ними продолжались. Раиса Александровна в те времена была известна как писательница. Она пе-

чатала повести и романы в ряде журналов, переводила с польского языка. Любя ее по-прежнему, Писарев поддерживал все ее литературные почины.

Она надолго пережила Писарева. Умерла Р.А. Гарднер-Коренева 28 декабря 1916 года в солнечной Ялте.

Не только Рая Коренева воспитывалась в Знаменском. Варвара Дмитриевна опекала и других сирот. Это Вилинские — Маша и ровесник Писарева, его тезка Дмитрий. Мария Александровна известна в русской литературе под псевдонимом Марко Вовчок. Она была старше Писарева на семь лет и приходилась ему троюродной сестрой. Брат и сестра рано лишились отца. Их мать, вторично выйдя замуж и посчитав сына с дочерью за обузу, отправила их в Знаменское к своей двоюродной сестре Варваре Дмитриевне. Мария получила прекрасное домашнее образование, изучила несколько иностранных языков, прекрасно играла на пианино. Она к этому времени была уже известной писательницей, и ее троюродный брат внимательно следил за ее творчеством, старался поддерживать. А когда Писарев вышел на свободу из Петропавловской крепости, то после семилетней разлуки они снова встретились, а в сентябре 1867 года поселились вместе на Невском проспекте в доме Лопатина.

Варвара Дмитриевна переживала за сына и в одном из писем писала своей бывшей воспитаннице:

« О, Маша... умоляю тебя, сделай Мите жизнь легкой и счастливой... Ради Бога, если ты не смогла осветить радостью его жизнь, полюбить его, то сохрани хотя бы его от безумия. Ох, зачем все это так случилось. Он счастливее был в крепости». Словно чувствовало беду материнское сердце. А сам Писарев был счастлив от любви. В одном из писем к Вовчок он признавался: *«Милая, хорошая моя Маша! Люби ты меня, а уж я тебя так люблю, и еще так буду любить, что тебе, конечно, не будет тоскливо жить на свете. Милая, так мы с тобой можем весело работать и умно наслаждаться... Ты только приезжай...»* А в другом письме признавался: *«У меня такое большое и такое упорное желание тебе нравиться, что под влиянием этого желания самые резкие черты моего ума и характера смогут подвергнуться самым прочным и самым глубоким изменениям... Вся моя жизнь и вся моя душа открыты и чисты перед тобою...»*

Их счастливая, а порой сложная совместная жизнь продолжалась недолго — ее прервала смерть Писарева. В конце июня 1868 года Дмитрий Иванович с Вовчок и ее сыном Богданом выехали в Ригу. А 4 июля, купаясь на Рижском взморье, он утонул. Его гибель до сих пор представляет загадку.

Двое суток Вовчок оберегала гроб в часовне от полицмейстера, который угрожал похоронить Писарева здесь же. Затем в штормовую погоду везла свинцовый гроб на корабле, а суеверные пассажиры и команда готовы были сбросить его в море. Но она выдержала. И только сойдя с парохода, свалилась в бреду. Некрасов, потрясенный ее горем, напишет:

*Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым...*

Она уйдет из жизни в августе 1907 года. Незадолго до смерти Вовчок писала сыну Богдану: *«Я прожила весь свой век, идя по одной дороге и не свертывая в сторону. У меня могли быть ошибки, слабости... как у большинства людей, но в главном я никогда не оскверняла себя отступничеством».* □

НЕБЕСНЫЙ ГОЛОС

Бернард Шоу, ошеломленный ее исполнением русских песен, подарил певице свой портрет с надписью: «Я понимаю теперь, почему природа дала мне возможность дожить до 70 лет — для того, чтобы я услышал лучшее творение Божие — Антонину Нежданову».

К.С. Станиславский писал: «Дорогая, чудесная, удивительная Антонина Васильевна! Знаете ли, чем Вы прекрасны и почему Вы гармоничны? Потому что в Вас соединились: серебристый голос удивительной красоты, талант, музыкальность, совершенство техники с вечно молодой, чистой, свежей и наивной душой. <...> Вы, как птица, поете потому, что Вы не можете не петь, и Вы одна из тех немногих, которые будут превосходно петь до конца Ваших дней, потому что Вы для этого рождены на свет. Вы — Орфей в женском платье, который никогда не разобьет своей лиры. Как артист и человек, как Ваш неизменный почитатель и друг я удивляюсь, преклоняюсь перед Вами, прославляю Вас и люблю».

Антонина Васильевна Нежданова родилась 4 июня 1873 (по другим источникам — 17 (29) июля 1873 года в селе Кривая Балка, близ Одессы, в семье сельских учителей.

Семья жила скромно, но очень дружно. Отца, Василия Павловича, любили все знавшие его люди. Он был талантливым педагогом, большим любителем музыки и руководил деревенским хором. Тоне было всего 7 лет, когда ее участие в церковном хоре привлекло массу народа. Сорвиголова Тонечка поразила всех пришедших в церковь на праздничное богослужение, за что получила от односельчан пряники и ласковое прозвище «канареечка».

Беззаботное детство сменилось гимназическими буднями. Училась Тоня хорошо, но за шаловливый характер частенько получала низкие отметки по поведению.

Пока позволяли средства, девочка посещала музыкальное училище по классу фортепиано, отец лично следил за уроками, не давая ей чрезмерно увлекаться музыкой. К тому времени он принял сан священника и считал, что искусство слишком эфемерно для жизни.

После смерти отца, чтобы помочь семье, Тоня отправилась на медицинские курсы и подрабатывала в больнице. Большую роль в судьбе Неждановой сыграл директор народных училищ Владимир Фармаковский, у которого она находила не только моральную поддержку, но и материальную помощь. Он внес плату за последний класс гимназии, и Ан-

тонина стала учителем русского и немецкого языков. А вскоре сын ее благодетеля сделал ей предложение руки и сердца. Антонина понимала, что Борис — человек из другого, далекого ей мира: он с детства дружил с Владимиром Лениным, серьезно увлекался археологией и историей, поэтому отказала молодому человеку.

Запись из дневника Неждановой:

«Оглядываясь назад, я думаю, что поступила тогда правильно. Ученой женщиной я стать бы не смогла, потому как искусство для меня всегда было на первом месте. А выходить замуж без любви я считала безнравственным».

Мысли об учебе в одной из столичных консерваторий стали приходиться все чаще. Когда младшие сестра и братья подросли, Нежданова решила, что пора подумать и о себе. Благодаря помощи друга детства, доктора Михаила Бурды, она отправилась в Петербург. Там ее постигла неудача: на прослушивании Ипполит Прянишников решительно объявил, что ее голос не годится для оперной певицы. Фортуна улыбнулась Неждановой в Москве, несмотря на то, что из-за волнения она с трудом взяла верхнюю ноту, педагог Умберто Мазетти заинтересовался ею и принял в свой класс.

В жизни Антонины Васильевны было много счастливых случайностей. В Большой театр она попала удивительным способом: заболели все три исполнительницы партии Антониды в опере «Жизнь за царя». Дирекция театра была вынуждена пригласить дебютантку, которую ра-

нее не зачислили в штат из-за отсутствия вакансий.

После успешного дебюта Нежданову приняли в труппу Большого театра, где прослужила более тридцати лет. Она была так счастлива, что не обратила никакого внимания на сумму гонорара (1200 рублей в год) и с радостью подписала свой первый контракт. Уже в первом сезоне Антонина пела в восьми операх — по распоряжению дирекции Не-

*Антонина
Нежданова*

ждановой был передан весь репертуар примадонны Эмилии Кристман. Вскоре посыпались прекрасные рецензии, цветы от поклонников и признание критики — это был настоящий успех.

Имея оглушительный успех в своей стране, Нежданова редко гастролировала и отказывала в ангажементах лучшим мировым театрам. Лишь однажды, весной 1912 года, она дала согласие выступить за границей — ее заинтересовало при-

глашение из знаменитого парижского театра Гранд-опера. Изумленная французская критика признала Антонину Васильевну величайшей из современных певиц, спектакли с ее участием шли с аншлагами и огромными сборами в течение месяца.

Нежданова каждое лето готовила себе вокальные материалы и разучивала с любимым профессором Мазетти новые арии и репертуары концертов. Чаще всего это происходило на курортах Италии, Франции или Швейцарии.

Так продолжалось, пока не наступил 1914 год. Русские, находившиеся в Италии, оказались отрезаны от родины, пришлось искать путь через Турцию. Пароходы были переполнены, и лишь чудом удалось достать билеты для Неждановой и семьи Мазетти. Они вернулись в Москву через Одессу, по пути их маленький теплоход едва уцелел: немецкий крейсер прошел в километре от них.

С этого момента жизнь певицы изменилась. Она активно участвовала в благотворительных концертах, чтобы выручить средства для фронта, а Октябрьскую революцию встретила с большим энтузиазмом. Бесплатно выступала с концертами в цехах заводов, фабрик, часто выезжала в деревни и отдаленные поселки и очень гордилась, что пела на митингах, проходивших с участием самого В.И. Ленина.

После революции выступать стало нелегко, в залы пришла новая публика, и Антонине Васильевне становилось не по себе, когда во время ее выступления между рядами раздавался смех.

В 1922 году, измученная революционными лишениями, Нежданова, при помощи Луначарского, вместе с Головановым отправилась на зарубежные гастроли. Турне по городам Западной Европы и Прибалтики было грандиозным, за 9 месяцев она выступила почти 50 раз. За границей ей предлагали райскую жизнь, но когда иностранный импресарио вручил ей контракт на гастроли по Америке, она не на шутку испугалась. Вместе с Головановым они придумывали всяческие отговорки и, как только получили телеграмму из Большого театра с просьбой вернуться, поспешили обратно в Москву.

Богатый опыт оперной певицы Антонина Васильевна использовала в педагогической работе, в 1936 году ее пригласили преподавать в студии Большого театра, затем в студии Станиславского. Неожиданно для

самой себя она увлеклась общественной деятельностью, занялась организацией конкурсов, фестивалей, песенных слетов и поиском талантов.

Помимо оперных партий в обширный репертуар Неждановой входили произведения Рахманинова, Чайковского, Бетховена, Шуберта, Стравинского и других композиторов, а еще значительное место в ее творчестве занимали народные песни и романсы. По отзывам критики, голос певицы отличался прозрачностью, верностью интонации и непревзойденной техникой колоратуры. Не обладая сильным от рождения голосом, она, по мнению исследователей, в результате упорных занятий значительно расширила его диапазон и достигла полноты звучания во всех регистрах, широкой кантилены, блестящей виртуозности. В разные годы ее партнерами на сцене были П. Слобцов, Л. Собинов, Ф.Шаляпин.

А в 1943–1950 годах Антонина Васильевна, будучи уже Героем Труда и народной артисткой СССР, преподавала в Московской консерватории. Среди ее учеников — И.И. Масленникова, А.Д. Масленников, М.П. Максакова, А. Воскресенская, Л.О. Гриценко, Р.В. Котова, Л.В. Лубенцова, Н. Добриянова (Болгария) и многие другие.

Нежданова умерла 26 июня 1950 года в Москве. В ее честь прошел грандиозный прощальный вечер, на котором дирижировал ее верный спутник и любящий муж Николай Голованов...

НЕСРАВНЕННАЯ

«Русская Золушка», «певица радости жизни», «несравненная» — эти и другие эпитеты щедро раздавали Анастасии Вяльцевой многочисленные поклонники. Судьба ее поистине удивительна, ведь мало кому удается из обычной горничной превратиться в одну из самых богатых, красивых и известных женщин России. Билеты на ее концерты раскупались мгновенно, граммофонные записи в ее исполнении выходили невероятными тиражами, а ее фотографии имелись в каждом престижном столичном салоне...

Родилась Анастасия Вяльцева 1(13 марта) 1871 года в слободе Алтухово Севского уезда Орловской губернии,

в бедной крестьянской семье. Однако в селе она почти не жила. Отец умер, когда Настя была совсем ма-

ленькой, и мама увезла детей в Киев, где еще как-то можно было выжить.

Она устроилась на работу в прачечную. Для восьмилетней Насти тоже нашлось занятие: девочка начала трудиться в мастерской дамского платья в качестве ученицы. Она постоянно что-то мыла, чистила, скребла, бегала в расположенную неподалеку лавку и получала оплеухи от работниц мастерской с утра до вечера. В ее обязанности входило также подавать портнихам разогретый утюг.

Девочка прошла хорошую школу выживания и выносливости, научилась быть постоянно готовой ухватиться за соломинку, чтобы как-то изменить свою судьбу.

В роли судьбы вновь выступила мать — устроила одиннадцатилетнюю Настю подгорничной в одну из гостиниц. Все то же «подай-принеси», но только на людях и при чайных — гостиница располагалась на Крещатике.

А спустя два года Настя, убирающая комнату и что-то напевающая, неожиданно попала на глаза одной опереточной приме. Услышав пение девочки, та очень растрогалась: «Да у тебя есть голос, да тебе нужно учиться петь».

На следующий день Настя отправилась в театр, к антрепренеру С. Ленчевскому, который, поразмыслив, принял ее в труппу. (Сегодня он известен только благодаря этому эпизоду своей биографии.)

Взлет был одновременно плавным и стремительным. Танцовщица в ба-

летней труппе Ленчевского, певица в его же вокальной труппе, хористка в Киевской опереточной антрепризе, сначала статистка, а затем артистка на вторые роли в нескольких балетных труппах. Мелкие столичные театрики, столичный же Малый театр, роль молодой цыганки Кати в обзрении «Цыганские песни в лицах»... Наконец ее заметила пресса, у нее появились собственные поклонники, а весь театральный мир обсуждал тайну «вяльцевской улыбки».

Она же, трудяга по натуре, вместо того чтобы купаться в лучах неожиданной славы, брала уроки пения, выбирая при этом лучших педагогов, даже какое-то время провела в Италии, где, опять-таки, усердно занималась с учителями, а не «прожигала жизнь» с модной молодежью.

И в 1897 году в Москве, сад «Эрмитаж», состоялся первый сольный концерт Вяльцевой. В том, что в России зажглась новая звезда, уже никто не сомневался.

Выступления, записи на грампластинки, непродолжительные участия в престижных антрепризах. Море прессы, обсуждающей «странный наркотический аромат ее голоса». Кто-то из журналистов придумал красивую легенду об ее происхождении, и она особо не противилась. Теперь Анастасия Вяльцева была не провинциальной крестьянкой, а незаконнорожденной дочерью какого-то вельможи, отданной на воспитание в крестьянскую семью.

Расценки на ее концерты достигали фантастических высот и были сопоставимы разве что с шаляпинскими. А еще — многочисленные долгие гастролы, до сорока в год, ради которых был куплен и прекрасно оборудован собственный железнодорожный вагон.

Разумеется, ее сопровождало множество слухов, в том числе запущенных газетами. Писали, например, что, когда братья Елисеевы строили свой магазин на Невском, они велели архитектору устроить специальный зал для выступлений Вяльцевой. А может, это был не слух, а реальность...

Современники называли Вяльцеву «королевой романса» и «белой цыганкой». Художник

Илья Репин восхищался: «Вот что значит истинный талант! Вот где душа гения, озаренная божественным отражением!» А силач Иван Поддубный говорил: «В России есть три знаменитости: я, Горький и Вяльцева».

И хотя ее окружало огромное количество поклонников, мало кто знал, что сердце Анастасии давно отдано Василию Бискупскому — дворянину и блестящему офицеру. Когда Василия Викторовича ранило на войне, Вяльцева бросила все и рванулась на фронт, за любимым. На собственные деньги обустроила там санитарный поезд, сама стала сестрой милосердия и ухаживала в этом поезде не только за Бискупским, но и за другими ранеными.

Они долго не могли пожениться — браки между офицерами и «певичками» были категорически запрещены. Анастасия Дмитриевна добилась личного разрешения Николая II, и это, разумеется, тоже обсуждалось.

Еще была благотворительность — так же, как и все, за что она бралась, сверх меры, через край.

В те времена благотворительностью занимались все, кто был более или менее при деньгах, иначе просто неприлично. Не стала исключением и Вяльцева. Разве что список ее пожертвований не сводился к дежур-

Марии Николаевны», тоже результат ее воспитания.

В-пятых, в-шестых, в-седьмых... На своей родине, в Алтухове певица обустроила приют для рожениц. В Виленской губернии восстановила две полностью сгоревшие деревни.

Благотворительный концерт «в пользу детей рабочего люда». На

Анастасия Вяльцева в салоне личного железнодорожного вагона, оборудованного для гастрольных поездок

ным подачкам в ближайшую церковь «на новый иконостас».

Во-первых, в семье Вяльцевой жили воспитанники — девочка и мальчик (мальчика, кстати, подбросили на одном из концертов в огромной корзине с цветами). Во-вторых, не счесть других детей, которым она просто помогала материально. В-третьих, постоянные концерты в пользу харьковского Ольгинского приюта и столичного приюта «Ясли». В-четвертых, родной брат Ананий, постоянно помогающий «Обществу попечения о бесприютных детях имени княжны

улучшение материального положения Тверского округа. Для улучшения материального положения учеников, окончивших городские начальные училища. Для улучшения работы женских медицинских курсов. В пользу театральной труппы царицынского сада «Конкордия». Что ей эта «Конкордия»? Видимо, сильно упрашивали, не могла отказать.

В 1904 году сенсацией стало ее гастрольное турне по Дальнему Востоку. Цены на билеты, по словам Василия Немировича-Данченко, брата

знаменитого режиссера, были «шаляпинскими». Однако публика, что называется, валила валом.

Вот что писал «Харбинский вестник»: «Концерт А.Д. Вяльцевой в субботу в театре Арнольдова привлек массу публики, несмотря на непролазную грязь на пристани. Извозчики из Нового Харбина довозили пассажиров только до начала китайского базара и дома, где была гостиница Бристоль; после чего публика при лунном освещении должна была пешком пробираться до городского сада».

А вот и газетный отчет о выступлении Вяльцевой: «Зал трещит от публики, негде яблоку упасть. Взвился занавес, и на эстраде появилась грациозная А.Д. Вяльцева, одетая в скромное серое платье. Ей преподнесли роскошный букет... Первому романсу, спетому артисткой заметно уставшим от дороги голосом, скептики не спешили аплодировать, но с каждой новой песней мысленное расстояние между артисткой и слушателями делалось все меньше, пока, наконец, публика не отдавалась всецело обаянию этого прекрасного голоса, чарующего своей выразительностью.

Громы аплодисментов и полное энтузиазма *bis* сопровождали каждый пропетый романс. Зал был покорен артисткой».

Деньги же от этого невероятно утомительного турне пошли в пользу «увечных и семейств убитых нижних чинов пограничников».

А в 1912 году правительство вдруг отказало лейтенанту Седову в финансировании его проекта — путешествии на Северный полюс. Узнав об этом, Вяльцева, Шаляпин и Собинов дали несколько концертов и собрали приличную сумму, необходимую для начала подготовки. А потом к этому сбору присоединились и другие. Стало понятно, что экспедиции — быть.

В том же 1912 году Вяльцева стала сильно уставать. Врачи твердили в один голос — переутомление. Так продолжалось до тех пор, пока певица не потеряла сознание прямо на сцене во время курской гастрели.

Газеты сообщали о плеврите, о тифе. После чего все-таки догадались провести тщательное обследование и обнаружили рак крови.

Не помогало ничего — ни модный швейцарский профессор Эндерлен, ни еще более модный столичный тибетский целитель Бадмаев. В конце концов пошли на крайность — под наблюдением доктора Плеша, специально для этого выписанного из Германии, провели прямое переливание крови. В качестве донора выступил любящий муж.

Это окончательно сгубило Вяльцеву. У них были разные группы крови, а их частичная несовместимость еще не была открыта. В полном отчаянии призвали петербургского гипнотизера Гольца, практически на руках у которого она и скончалась 5 февраля 1913 года.

В доме усопшей чуть было не рухнули деревянные перекрытия — столько народу шло прощаться — за гробом шли около 160 тысяч человек. Не было только ее любимого Васеньки. Так до конца и не оправившись после тяжелого ранения, полученного на войне, он находился в больнице, на грани жизни и смерти...

«Русское слово» писало: «Сегодня хоронили Вяльцеву. Петербург давно не видел столь грандиозных похорон. Туманное, хмурое зимнее утро. На сером фоне петербургского дня так странно выделяются белые цветы на гробе.

Вся Морская, весь Невский за несколько часов до выноса тела запружен народом. В толпе, идущей за гробом, слышны рыдания. Многие бросают цветы под колесницу. Толпа все растет и растет. С непокрытыми головами стоят тысячи людей».

«Раннее утро» высокомерно написало: «Что такое Вяльцева? Когда умирал Чехов, то почти никто в России не следил за ходом его болезни». После этой публикации газета чуть было не растеряла всех своих подписчиков.

Когда же огласили завещание, то обнаружилось, что большая часть капитала предназначена благотворительности.

«Певицей радости жизни» называли Вяльцеву современники. Она так любила жизнь, так не хотела замечать тоски, грусти, слез ни в жизни, ни в своих романах, старалась избегать упоминаний о смерти. Увы, смерть все же настигла ее. Неожиданно, в расцвете славы, на вершине личного счастья...

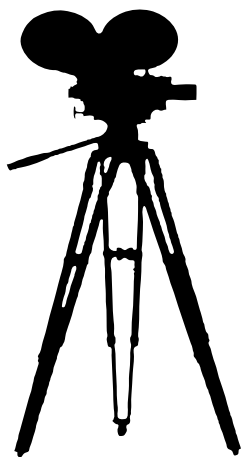
Ее не стало, но в памяти людской, как и в музыке, она продолжает жить, божественная и несравненная... □

*Похороны
Анастасии
Вяльцевой*

Роман с Шекспиром

Григорий Козинцев был канонизирован еще при жизни. Причем не государственными инстанциями, которые этого живого классика с мировым именем побаивались как вольнодумца и недолголюбивали за крутой и независимый нрав. И — не коллегами по цеху, считавшими его высокомерным снобом, и — не киноведами и даже — не зрителями. Канонизация мастера произошла как бы сама собой, тихой сапой, по умолчанию. Но стала непреложным фактом.

Авторитет имени Козинцева был настолько высок, что одно его слово, человека, не обладавшего в 60-е –70-е годы никакими почетными регалиями и должностями, могло обрушить карьеру самодовольного бездаря от кино, а могло и помочь пробиться к зрителю истинному таланту. К слову сказать, именно Козинцев настоял на снятии с «полки» эпохального фильма Тарковского «Андрей Рублев».

Он прошел очень непростой творческий путь и нашел в себе силы, дерзость, умение повернуть уже зрелым, маститым художником на совершенно новую и весьма рискованную дорогу. У этого мастера оказалось целых три амплуа: недоучившийся театральный художник с удачными сценическими опытами, в юности эксцентричный комедиограф, затем масштабный кинорежиссер-новатор, оригинальный интерпретатор Шекспира, ну и, наконец, шекспировед (две увлекательные книги о шекспировской драматургии!), да еще знаток японского театра «кабуки» и «но»... Это, не считая семи поколений успешных учеников, окончивших его режиссерскую мастерскую при Ленфильме. А до того выпускниками курса профессора Козинцева во ВГИКе стали Э. Рязанов, С. Ростоцкий и другие известные мастера экрана.

К концу жизни Козинцев редко и мало с кем общался, все чаще задаваясь вопросом: в чем смысл подвижничества в киноискусстве, которым он всегда отличался? И отвечал себе словами Тургенева: «В воспитании человеческого. Человеческих чувств, отношений, мыслей. Это цель искусства, чтобы не скотели».

Григорий Михайлович Козинцев родился в марте 1905 года в Киеве в семье видного врача-гигиениста и двоюродной сестры крупного советского писателя и публициста И.Эренбурга. Детство будущего классика отечественного и мирового кинематографа прошло в городке староверов Новозыбково Черниговской губернии, где его отец служил окружным санитарным врачом. Там Гриша пошел в первый класс реального училища.

Потом семья перебралась обратно в Киев, и мальчик продолжил учебу в Киево-Печерской гимназии. Он рос любознательным, вдумчи-

вым не по годам. И в то же время — озорным, веселым, что очень пригодились ему на заре кинематографической карьеры. Она началась вместе с последними раскатами Гражданской войны, которая, по счастью, обошла юношу стороной, хотя он с сестрой стал ее невольным свидетелем в грозном девятнадцатом, когда Город (по характерному обозначению Булгакова в «Белой гвардии») неоднократно переходил из рук в руки.

Частная киевская школа-студия живописи придала остроту его взгляду, привила чувство формы, столь важные в профессии кинорежиссе-

*«Юность
Максима»*

ра. Но пока, в 19-м, он вместе с сестрой и другими учениками школы участвовал в оформлении авангардистскими плакатами городских улиц. Оттуда уже было рукой подать до театра, которым Козинцев увлекался с ранних лет. Ему повезло попасть тогда художником-декоратором к самому К. Марджанову, который занимался постановкой классической пьесы Лопе де Вега «Овечий источник» в театре Соловцова.

Трудно вообразить, но следующим этапом творческого пути Козинцева был кукольный театр. Его ему помог создать Марджанов, причем в этом театре успели поработать будущие знаменитости кино —

сценарист Алексей Каплер с режиссером Сергеем Юткевичем, а также Леонид Трауберг, в тандеме с которым впоследствии Козинцев завоюет вершины киноискусства. Вчетвером они сочинили ударную пьесу, переключившись на свой экспериментальный театр «Арлекин». Эксперимент продолжился уличным представлением по фольклорной пьесе «Царь Максимилиан»... Авангардизм в те постреволюционные годы разброда и метаний являлся в зарождавшемся советском искусстве сверхмодным течением. В 21-м семнадцатилетний Козинцев «со товарищи» и примкнувший к ним Сергей Эйзенштейн заявили о себе манифестом «Эксцентризм».

*«Возвращение
Максима»*

«Искусство без большой буквы, пьедестала и фигового листка... Гиперболически грубое, ошарашивающее, бьющее по нервам, откровенно утилитарное, механически точное, мгновенное, быстрое», — вот что провозглашали в своем манифесте молодые эксцентрики. Их кумирами в кино в то время были Чарли Чаплин и Дуглас Фербенкс.

Серьезное образование в области живописи Козинцев получил на занятиях Свободных художественных мастерских бывшей Академии художеств. Класс, в котором он учился, вел выдающийся театральный художник Н. Альтман. Одновременно Григорий устроился режиссером в марджановскую Студию Театра ко-

мической оперы и с головой окунулся в эксцентрику.

В 22-м Козинцев и Трауберг организовали культовую Театральную мастерскую «Фабрика эксцентрического актера» и поставили в ней сверхмодернистскую версию гоголевской «Женитьбы», так уморительно спародированную на страницах «12 стульев» Ильфом и Петровым.

Затем были еще несколько совместных спектаклей по собственным пьесам, после чего друзья-соратники перенесли в 1924 году свои эксперименты в область эксцентрической кинокомедии, преобразовав театральную мастерскую в киномастерскую «ФЭКС».

Высокий, порывистый, элегантный, ходивший с кизиловой тростью и изящным хлыстиком, которым он постоянно постукивал, — таким предстал Козинцев перед воспитанниками ФЭКСа, многие из которых были старше своего учителя, но обращались к нему исключительно на «вы» и впадали в ступор от его эксцентричных выходок, когда он, к примеру, неожиданно замирал посреди аудитории в нарочито изломанной декадентской позе, опираясь одной рукой о трость, а другую закидывая назад, и резким свистом подавал сигнал к возобновлению занятий.

Первый совместный короткометражный фильм Козинцева и Трауберга по их собственному сценарию «Похождения Октябрины» (1924)

Леонид Трауберг

явился смелой попыткой соединить обличительный пафос изображения нэпмана, пособника империалистов, с откровенной буффонадой. Еще сильнее эксцентрическое начало проявилось во второй короткометражке начинающих режиссеров «Мишка против Юденича» (1925), где снимались уже не эстрадные и цирковые артисты, а учащиеся киномастерской, среди которых был и будущий мэтр советской экранной режиссуры Сергей Герасимов.

Первой полнометражной картиной Козинцева и Трауберга стала романтическая мелодрама «Чертово колесо» (1926). Поиск новых средств художественной выразительности и авантюрно-приключенческие сюжеты — вот что в первую очередь объединяет эти ленты. Молодые режиссеры успешно реализовали на экране принципы эксцентрического театра, циркового гротеска, ярмарочного фарса и балагана.

Формальные поиски этого творческого танде-

ма продолжились в том же году экранизацией «Петербургских повестей» Гоголя. В соавторы сценария они пригласили Юрия Тынянова, нашего выдающегося литературоведа и автора увлекательных романов о Пушкине, Грибоедове, Кюхельбекере. За основу фильма взяли две головокружительные гоголевские повести «Шинель» и «Невский проспект». В сценарии они были искусно соединены, и, снимая фильм, режиссеры добавили в него немалую толику своего фирменного эксцентризма. В результате им удалось передать в картине подлинно гоголевскую атмосферу фантомного Петербурга и даже — фантазмагоричную стилистику автора, уловив призрачную грань между реальностью и сном, которую постоянно пересекают гоголевские персонажи.

Очевидные художественные достоинства картины не помешали советским критикам встретить ее в штыки. Основные упреки сводились к якобы самовольному искажению классических произведений великого писателя. У режиссеров хватило дерзости оставить эти нападки без внимания и утверждать дальше средствами кино «озорную ненависть к мещанству», что являлась одним из главных принципов ФЭКСа. В этой манере были сняты два их последующих фильма — комедия «Братишка» (1927) и почти сразу за ней историческая фантазия о восстании декабристов на юге России «Союз великого

дела» («С.В.Д.»). Эта лента считается безусловным шедевром и отмечена изобразительным мастерством выдающегося оператора А. Москвина, который сумел остро интерпретировать своей тогда еще очень несовершенной камерой подспудные смыслы в магические образы.

Противопоставление сложившимся принципам советского историко-революционного кино, наметившееся в «С.В.Д.», получит развитие в знаковой ленте отечественной, да, пожалуй, и всей европейской кинематографии 20-х годов «Новый Вавилон» (1929). Она представляет собой историческую фреску, гротескно-поэтическими красками рисующую социальную жизнь Франции 70-х годов XIX века, и явилась в творчестве Козинцева и Трауберга рубежным фильмом, ознаменовавшим конец ФЭКСа. Впереди, по требованию начальства, была эпоха «реализма».

Переходом к новым художественным принципам режиссерскому дуэту послужила картина «Одна» (1931). Ее лейтмотивом стало рондо Шостаковича всего лишь с одной строчкой: «Какая хорошая будет жизнь!» На таком музыкальном фоне перед зрителем разворачивается история молодой учительницы, которая не пожелала по распределению после института отправляться в глухую алтайскую деревню, а решила остаться в городе и строить семейную жизнь. Вполне пародийно выглядит

*«Союз
великого
дела»*

Справа:
*«Выборгская
сторона»*

вторая половина картины, где героиня все же проявила гражданскую сознательность и отправилась на Алтай. Боролась там с баями, кулаками и едва не замерзла в степи. А страна послала для ее спасения дефицитный самолет...

Раздраженные критические отзывы не поколебали уверенности режиссеров в своей победе. Они чувствовали, что почва для создания задуманной ими революционной трилогии о Максиме, простом парне с фабричной заставы, была подготовлена. Позднее в своей биографии Козинцев напишет: «Юность Максима» — сказовая, фольклорная, хотя и с некоторыми элементами трагического, история про победительно-

го Иванушку-дурачка и Василису Премудрую, попавших в 10-е годы XX века».

Фильм вышел на экраны в 1934 году, одновременно с легендарным «Чапаевым» братьев Васильевых, и сразу же завоевал огромную зрительскую аудиторию. Только за первые две недели проката в Ленинграде картину посмотрели более полумиллиона зрителей. Успех ее в других городах нарастал лавинообразно. Этому способствовало не только режиссерское и операторское мастерство, но и убедительная игра обаятельного исполнителя главной роли Бориса Чиркова. Любимую песенку его героя «Крутится, вертится шар голубой» напевала вся страна.

«Юность Максима» триумфально прошла по экранам мира и была удостоена приза Национального совета кинокритиков США за лучший зарубежный фильм.

Обласканные вождем, Козинцев с Траубергом взялись за продолжение ленты. Им стало «Возвращение Максима», которое приобрело еще более «сюрреальные черты». Затем последовала последняя часть трилогии — «Выборгская сторона». Премьера ее состоялась в зловещем 38-м, когда уже был арестован директор «Ленфильма» А. Пиотровский. Через год арестуют друга создателей картины, великого Эйзенштейна. А еще год спустя Козинцеву и Траубергу будет показана

тельно присуждена Сталинская премия 1- степени.

Во время войны ленфильмовцев вместе с мосфильмовцами эвакуировали в Алма-Ату. До 43-го там, благодаря относительной удаленности от Кремля, царила некоторая творческая свобода. Воспользовавшись ею, Козинцев и Трауберг сняли гротескную короткометражную комедию «Юный Фриц» о немецком мальчике, которого с младенчества воспитывают настоящим фашистом. Начиная с грудного возраста, героя играл сорокадвухлетний Михаил Жаров. Мальчик рос под портретом вождя, и ему внушали, что фюрер «все видит, все про всех

знает». Доносы на родителей, соседей, их детей Фриц начал строчить с малолетства... Аналогии со сталинским режимом здесь были слишком очевидны, и это впоследствии не сошло авторам с рук.

Короткометражка, как и все немного, снятое режиссерским дуэтом за годы войны, была благополучно упрятана на полку. Да и сам дуэт распался — выяснилось, что соавторов ничего кроме работы не связывало, и личных отношений у них так и не возникло. После войны каждый пошел дальше своим путем. Козинцев вынуждено снимал парадные байопики о Пирогове и Белинском, Трауберг ненадолго подался в педагогику.

Когда в 49-м развернулась кампания борьбы с «безродными космополитами», Трауберг в Ленинграде оказался одной из ее главных жертв (Козинцева, только получившего очередную Сталинскую премию за «Пирогова», тронуть не решились). Траубергу же припомнили и фэкссы, и «Юного Фрица», и всем было понятно, что дни его на свободе сочтены. Вчерашние друзья перестали с ним здороваться, опасаясь за собственную безопасность, — все, кроме Козинцева и Николая Черкасова. Причем Козинцев вслух напоминал, что фэкссы они придумали вдвоем, и он несет за них такую же ответственность.

От Козинцева потребовали разоблачить «космополитов» Трауберга и Юткевича, покаяться в «формалистических грехах юности». Он этого не сделал. Как писал в своем дневнике Евгений Шварц, «у него были границы, за которые он живым не перешел бы»...

Первая жена Козинцева, актриса Софья Магарилл, умерла от тифа в 1943 году. Второй его женой стала Валентина, дочь знаменитого советского публициста и писателя И. Эренбурга, за которого ранее вышла старшая сестра Григория Михайловича. Надо было кормить семью, но кино, по словам режиссера, вдруг показалось ему «неинтересным». «Я разлюбил не экран, а путь к нему: уж очень он стал долгим и сложным... Ни я, ни большинство моих товарищей не добирались тогда до конечной станции... Проще говоря, фильмы не столько снимались, сколько переснимались». И он на время ушел в театр, где в тот период действительно было повольготнее. Например, в 1941 году, когда Козинцев поставил в БДТ «Короля Лира», которого он спустя десятилетия блистательно перенесет на экран, цензура пропустила декорации Н. Альтмана в виде виселиц. И козинцевский всемирный кинотриумф — «Гамлет» — вначале был опробован им, как и положено, на сцене Александрики. В том спектакле принц дат-

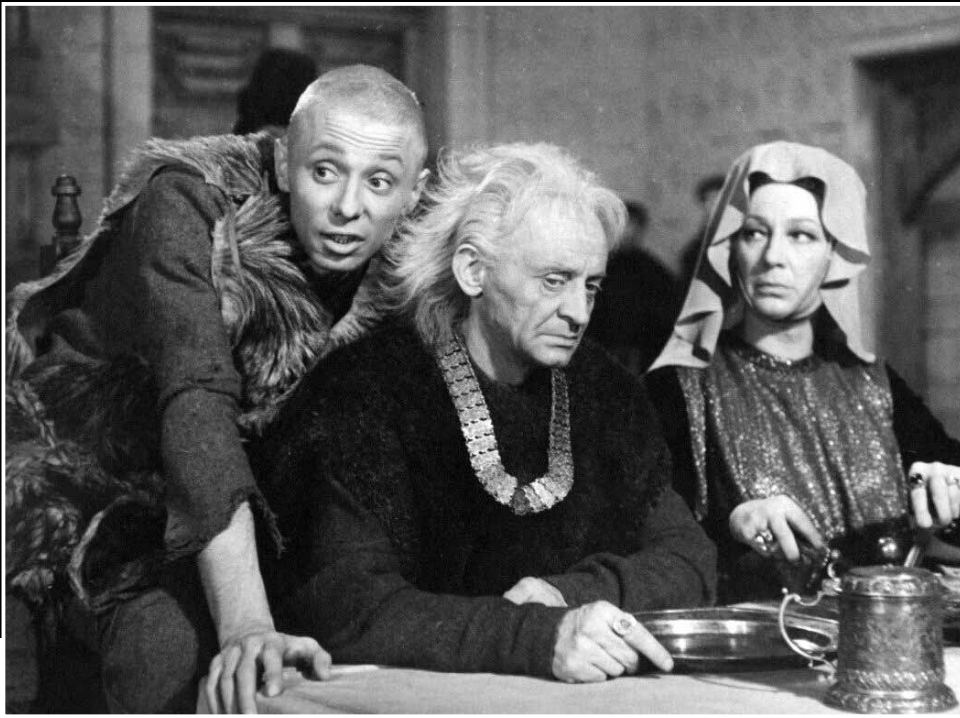
«Юный Фриц»

ский произносил свой философский монолог о короле и червях перед... государственным советом. Были там и другие аллюзии с современностью.

В кинематограф Григорий Михайлович вернулся после смерти Сталина и в 1957-м снял «Дон Кихота». Сценарий написал Евгений Шварц. Это был первый ленфильмовский цветной широкоформатный игровой фильм. Главную роль в нем сыграл Николай Черкасов. Воплощенный им образ на долгие годы стал в советском киноискусстве центральным,

отправной точкой для таких последующих картин, как «Берегись автомобиля», «Дон Кихот моего детства», «Не стреляйте в белых лебедей», «Листопад» и ряда других. Фильм «Дон Кихот» Козинцева был удостоен почетных наград Всесоюзного кинофестиваля, МКФ в канадском Ванкувере, испанском Сан-Себастьяне, на родине Рыцаря печального образа, а также в родном городе Шекспира — Стратфорде. В Испании этот фильм был признан лучшей экранизацией романа Сервантеса.

Всемирная известность помогла режиссеру пробить постановку

«Король Лир»

«Гамлета», о которой он мечтал много лет и к которой углубленно готовился. Но Госкино, тем не менее, ему раз за разом отказывало. И только в 1962 году, после того как он выпустил безупречную в литературоведческом отношении книгу «Наш современник Уильям Шекспир», согласие высших инстанций было, наконец, получено. Книга же стала теоретическим обоснованием эпохальных фильмов «Гамлет» и «Король Лир», которые Козинцев буквально выстрадал.

В каждом из них он сказал то, что хотел, что его особо волновало. «Гамлет — еретик, — записал режиссер в рабочей тетради. — Он стоит перед страшным трибуналом, требующим от него отречения и угрожающим ему смертью... «Признай: нет дружбы, нет любви, нет закона, нет

совести, нет правды». Он отвечает: «А все-таки она вертится. А все-таки человек подобен ангелу».

В грандиозном фильме Козинцева Гамлет предстает не романтичным юношей, но умудренным жизнью философом. И таким его убедительно сыграл Иннокентий Смоктуновский, оказавшийся, разумеется, главной удачей картины. Потрясающая музыка Шостаковича, классические и в то же время исключительно смелые режиссерские решения, тончайшая операторская работа И. Грицюса, масштабные исторические декорации художника-постановщика Е. Енея — все подчинено раскрытию центрального образа трагедии.

«Общедоступный» в самом благородном смысле этого слова козинцевский «Гамлет» буквально разделит зрительскую аудиторию на два

*«Дон
Кихот»*

лагеря. Одни сетовали на подчеркнуто академичный стиль фильма, другие же были убеждены, что это — самая адекватная киноверсия великой пьесы, «закрывающая» гамлетовскую тему. Сам режиссер признавался: «...я со страшной силой боролся с самим собой — молодым...»

Наверное, к основным достоинствам экранизации следует отнести ее максимально возможную кинематографичность. Режиссер практически в каждой мизансцене, начиная с Тени отца Гамлета, являющейся к нему ночью на башне Эльсинора, стремился уйти от театральной статичности, разворачивая диалоги и монологи действующих лиц «на ходу», в их движении по пространству предельно достоверных интерьеров и впечатляющей природы. За ней съемочная группа «охотилась» под Таллином, в крымской Алушке,

на лестнице Успенского пещерного монастыря вблизи Бахчисарая. На постройку макета замка над обрывом у моря ушло полгода. И сейчас эстонцы называют это место «Мыс Гамлета». Столь же скрупулезно выстраивались объемные декорации Гобеленного и Белого залов замка в самом большом, 4-м павильоне «Ленфильма».

Все это, наряду с глубоким пониманием режиссером исторических реалий гениальной пьесы, его чуткость к выразительным деталям, как вещественным, так и психологическим, удивительная пластичность изображения вкупе с проникновенной игрой актерского ансамбля во главе с неподражаемым Смоктуновским, принесли фильму широкое международное признание. По опросу популярного журнала «Советский экран», он был назван лучшим отечественным фильмом 1964 года,

«Гамлет»

удостоен специального приза жюри Венецианского фестиваля и других престижных наград, номинирован на «Золотой глобус» в категории лучший фильм на иностранном языке. «Золотого льва» на тогдашнем киносмотре в Венеции у него «перехватила» легендарная «Красная пустыня» М. Антониони...

Последней, столь же масштабной и впечатляющей работой мастера явилась двухсерийная лента «Король Лир», как и его «Гамлет» черно-белая, согласно режиссерскому замыслу контрастного противопоставления добра и зла. Козинцев готовился к этой картине и работал над ней семь лет. Она стала его творческим завещанием, его посланием

людям. Режиссер верил, что люди смогут найти в себе силы изменить мир к лучшему. Эту веру он передал своим последним ученикам, среди которых Э. Рязанов, И. Масленников и А. Герман...

«Лири» Козинцев «опробовал» еще на сцене БДТ в 1941 году. Но, приступая на «Ленфильме» в 70-м к съемкам киноверсии пьесы, Григорий Михайлович ставил перед собой куда более сложные и амбициозные задачи. При этом параллельно с ним едва ли не крупнейший английский театральный режиссер П. Брук переносит на большой экран «своего» «Короля Лира». Режиссеры даже вели тогда между собой переписку, делились мыслями

о шекспировском шедевре в формате фильма. Фильмы у них, разумеется, получились совершенно разными, и оба явились событиями в мире кино.

Большая часть советской картины снималась в окрестностях эстонской Нарвы. Старинная крепость Ивангород превратилась в выразительную декорацию королевского дворца и замков старших дочерей преданного ими отца. Ряд ключевых сцен снимался в окрестностях Прибалтийской ГРЭС и на побережье, где Корделия, младшая дочь Лира, высаживалась с войсками своего мужа, французского короля. Отдельные эпизоды пришлось снимать в литовской Паланге и аж под Новосибирском.

Съемочный и монтажно-тонировочный периоды дались Козинцеву очень нелегко. Непредвиденные сложности, как это часто бывает на больших постановочных картинах, возникали посто-

янно. Но, несмотря на гнетущие производственные проблемы, режиссер упорно шел к намеченной цели.

Самые большие сомнения у студийного начальства вызывало утверждение на главную роль острохарактерного и в основном театрального эстонского артиста Юри Ярвета. А ведь ему предстояло сыграть в фильме одну из самых трагических партий мирового сценического репертуара. В глубине души колебался и сам постановщик, имевший вначале точное представление только о том, кто воплотит на экране образ любимого шута Лира. Им оказался молодой Олег Даль, и пробы на эту роль почти не проводились. Оба исполнителя справились с постав-

ленными задачами блестяще и были признаны настоящими открытиями. Причем Козинцев прощал Далию на съемочной площадке разного рода срывы по причине его взрывного характера и брал вину на себя, понимая, с каким тонким, уязвимым актерским организмом имеет дело.

Сразу после выхода на экраны козинцевский «Король Лир» произвел сенсацию на Лондонском фестивале выдающихся фильмов, завоевал «Серебряного Хьюго» чикагского киносмотрa и Главный приз I Международного фестиваля в Тегеране. Картина эта считается одним из высших достижений мирового кинематографа XX столетия.

К сожалению, для здоровья ее создателя она не прошла бесследно. Два года спустя Григорий Михайлович скончался от инфаркта и был похоронен на Литературных мостках Волковского кладбища в Ленинграде, городе своей жизни, своей судьбы.

Значение Козинцева выходит за рамки только кинематографа, хотя именно кино всегда оставалось его главной любовью. Он никогда не опирался на готовые формулы, умел быть непредсказуемым, неожиданным даже в весьма почтенном возрасте. Его ученики говорят, что самое важное впечатление, ко-

торое они вынесли из общения с ним, — это ощущение «живой души». В художественном творчестве ему были ненавистны догматизм, косность, общие места, стертые слова и стертые мысли. Он не боялся идти в искусстве неизведанными путями, не боялся нового, не боялся сомневаться, понимая, что сомнение — плодотворно, оно рождает идею.

«Именно нашему Мастеру мы обязаны всем тем живым и беспокойным, что есть в нас, его учениках... Когда бес беспокойства терзает твою душу, когда тебя не удовлетворяет уровень достигнутого, когда ты ставишь себе задачу более сложную, чем, кажется, можешь выполнить, — то за всеми этими стремлениями стоит прекрасная фигура нашего Мастера». Так сказал о Григории Козинцеве Эльдар Рязанов.

А еще Козинцева по праву называли совестью «Ленфильма», поскольку он никогда не шел на компромиссы в ущерб правде. Если же дело касалось профессии, был принципиален до жестокости и поблажек не давал никому. Себе — в первую очередь.

...На строгой плите могильного памятника режиссеру лишь факсимильный росчерк его имени и фамилии, без дат жизни и смерти. Наверное, потому, что он по-прежнему с нами. □

ДВОРЯНСТВО ЗА ПРИВИВКУ!

На какие только меры не идут власти нашей страны, чтобы стимулировать процесс вакцинации от COVID-заразы. В качестве «сладкого пряника», призванного подсластить гражданам горькую пилюлю укола и безотчетный, иррациональный страх перед прививкой, выступают разнообразные подарки всех мастей. В Москве так и вовсе разыгрывали доставшиеся счастливицам автомобили и даже квартиры. А вот в XVIII веке живой «создатель» вакцины от оспы получил в награду дворянство.

Убежденные до упертости «антипрививочники» существовали всегда и везде. С тех самых пор, как человеческий разум придумал вакцинацию — действенный и эффективный способ борьбы со страшными болезнями, подрывавшими не только жизнь и здоровье сотен тысяч людей, но и экономику целых стран.

В XVIII веке это была оспа. Российская самодержица Екатерина Великая стала одной из первых монарших особ, кто бесстрашно решился на вакцинацию от нее, чтобы соб-

Медаль в честь оспопрививания с изображением Екатерины II и подписью «Собою подала пример»

ственной персоной подать пример своим многочисленным подданным.

Впрочем, в те времена общественное мнение и даже многие великие ученые умы были настроены отнюдь не в пользу прививок. Людская молва приписывала им страшные свойства: мол, через них эскулапы, будучи в сго-

воре с разного рода магами и чародеями, а то и с самой нечистой силой, специально и злонамеренно заражают здоровых людей, способствуя тем самым дальнейшему распространению эпидемии. Прививок боялись, опасались, старались при любой возможности уклониться и избежать их.

Даже особы королевской крови, среди которых были, к примеру, монархи, предпочитали умирать от оспы, чем вкалывать в себя «непонятную гадость» подозрительных докторов. Да что далеко ходить: в «просвещенной» Франции до 1762 года вакцинация была официально запрещена специальным парламентским актом как наносящая непоправимый вред здоровью.

Российская империя не избежала оспенных эпидемий и страдала от оспы так же, как и европейские державы (от оспы умирал каждый седьмой ребенок). От оспы скончался совсем юный еще внук Петра Великого император Петр II, тяжело переболел в свое время жених Екатерины II император Петр III — оспа обезобразила его лицо, оставив на нем жуткие рытвины. После того как в 1768 году от оспы на двадцать четвертом году жизни умерла графиня Анна Шереметева, жених которой граф Никита Иванович Панин был наставником сына Екатерины цесаревича Павла (будущего императора Павла I), императрица приняла твердое решение сделать прививку от этой страшной заразы.

Вот как говорила правительница России в письме прусскому королю Фридриху II о мотивах и причинах, по-

будивших ее к вакцинации: «С детства меня приучили к ужасу перед оспой, в возрасте более зрелом мне стоило больших усилий уменьшить этот ужас... Весной прошлого года, когда эта болезнь свирепствовала здесь, я бегала из дома в дом... не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была так поражена гнусностью подобного положения, что считала слабостью не выйти из него. Мне советовали привить сыну оспу. Я отвечала, что было бы позорно не начать с самой себя, и как ввести

осуществлял британский врач Томас Димсдейл, специально прибывший для этой важной миссии в Россию (здесь его прозвали Фомою Димсдалем). Процедура не была публичной, все мероприятие держалось в строжайшей тайне. Сразу после прививки Екатерина II выехала в Царское Село, об оспопрививании императрицы стало известно лишь спустя пять дней. Впрочем, после процедуры Екатерина чувствовала себя неважно, и злые языки уже начали вполголоса перешептываться о том, что правитель-

В те времена общественное мнение и даже многие ученые умы были настроены отнюдь не в пользу прививок. Людская молва приписывала им страшные свойства: мол, через них эскулапы специально заражают здоровых людей, способствуя тем самым распространению эпидемии. Прививок боялись, опасались, старались при любой возможности избежать их. Даже особы королевской крови предпочитали умирать от оспы, чем вкалывать в себя «непонятную гадость» подозрительных докторов

оспопрививание, не подавши примера? Я стала изучать предмет... Оставаться всю жизнь в действительной опасности с тысячами людей или предпочесть меньшую опасность, очень непродолжительную, и спасти множество народа? Я думала, что, избирая последнее, я избрала самое верное...»

12 октября 1768 года в Санкт-Петербурге успешно прошло оспопрививание императрицы. Непосредственно медицинскую процедуру

нищу и ее сына «дохтура» нарочно заразили смертельной оспой, и дела царицы совсем плохи. Она болела 16 дней — и половину этого срока достаточно тяжело, но, в целом, перенесла болезнь без осложнений.

1 ноября 1768 года прививка была сделана наследнику престола, великому князю Павлу Петровичу (донором стал младший сын придворного аптекаря Брискорна). И также болезнь цесаревича прошла без осложнений. Выздоровление императрицы

ей мантией семерых детей, над ее головой — звезда. Такой медалью стали награждали врачей, проводивших населению прививки от оспы.

В 1770-м году в столичном Санкт-Петербурге из-под пера барона Димсдейла вышли в свет два сочинения. Первым стало официальное наставление о прививании оспы, включенное впоследствии в Полное собрание законов Российской империи. А вторым — «Нынешний способ прививать оспу», приложение к которому стало своеобразным медицинским дневником, где именитый врач подробно, день за днем, описывал состояние русской императрицы после прививки от оспы. Причем правительница России стала не только одним из первых правителей Европы, кто решился на вакцинацию, но и повелела опубликовать подробности самого процесса, дабы «и другие, употребляя те же средства, удобно предохраняли себя от опасностей...»

Когда в 1774 году от оспы умер французский король Людовик XV, правивший страной лилий почти шесть десятков лет, его смерть императрица Екатерина Великая прокомментировала одной емкой фразой: «Какое варварство!»

После вакцинации от оспы Екатерины и ее сына Павла в очередь на прививку встали и российские вельможи: привили пятерых братьев Орловых, Григория Потемкина, Кирилла Разумовского и многих других известных и не очень персон. География и обхват прививками населения в России от оспы постепенно расши-

рялись. В империи стали появляться оспенные дома (Санкт-Петербург, Ораниенбаум, Царское Село, Москва, Киев, Иркутск). Императрица выпустила указ об обязательном оспопрививании, а за каждого привитого выдавали серебряный рубль.

Правда, процесс вакцинации был невероятно медленным и не шел ни в какое сравнение с современными кампаниями по вакцинации. Власти на местах, стремясь выполнить план и данные им сверху указания, нередко прибегали к насильственным действиям, а в отсутствии какой-либо информации ответной реакцией масс стало стойкое сопротивление оспенным прививкам. Именно поэтому окончательно победить оспу путем массовой иммунизации населения удалось только в советское время.

Но кто же стал «донором» оспы для царских особ: Екатерины Великой и ее 15-летнего сына Павла, будущего наследника престола? История сохранила и донесла до нас имя этого персонажа, хотя как он выглядел, так и осталось загадкой, ибо никаких портретов Александра Даниловича Маркова, несмотря на то, что прожил он более 30 лет (весьма немало для XVIII столетия, кстати), не сохранилось. В 1769 году маленькому мальчику Александру Маркову было всего 7 лет, и в этом возрасте он и удостоился «особой чести» — от него получила оспенный материал Екатерина Великая. Почему среди пациентов временного госпиталя для больных оспой был выбран именно

он, Александр Марков, так и осталось загадкой. По официальной версии, мальчик был простолюдином, но уже тогда из-за пристального внимания к судьбе ребенка самой императрицы Екатерины ходили слухи, что этот ребенок — чей-то внебрачный сын. Возможно, даже самого фаворита правительницы Григория Орлова.

Однако несмотря на тайные злопыхания недоброжелателей, Екатерина Великая быстро пошла на поправку, сносно перенес прививку и ее сын, а вскоре полностью выздоровел от

«В золотом поле обнаженная рука с изображением на ней выше локтя зрелую оспиною в природном виде с завороченною около плеча рубашкою проходящая поперек от левой стороны щита, которая держит перпендикулярно распускающийся красный розовый цветок с зеленым стеблем и листьями. Над щитом стальной шлем, на нем вертикально роза с зелеными стеблем и листьями. Намет справа красный, слева зеленый, подложен золотом».

Забываясь о дальнейшей судьбе ребенка, Екатерина Великая опре-

Процесс вакцинации был невероятно медленным. Власти на местах, стремясь выполнить данные им сверху указания, нередко прибегали к насильственным мерам, а ответной реакцией масс стало стойкое сопротивление оспенным прививкам. Именно поэтому окончательно победить эту болезнь путем прививания удалось только в советское время

оспы и сам Александр Марков. Некоторое время он даже жил у императрицы во дворце, а затем его часто к ней привозили. Спустя месяц после вакцинации, 21 ноября 1769 года, Екатерина Великая даровала семилетнему мальчику дворянский титул и повелела ему носить фамилию Оспенный. Тогда же для его содержания ею был определен капитал в 3000 рублей в год, что составляло по тем временам огромную сумму. Сохранилось изображение и описание необычного герба, дарованного мальчику правительницей России:

делила мальчика в Пажеский корпус, по окончании которого Оспенный начал нести свою службу — ему прочили блестящее будущее, головокружительные успехи. Но...ничего этого не случилось. Почему? Тоже так и осталось загадкой. То ли Екатерина Великая полностью охладела к своему оспенному протезу, то ли была еще какая причина. Только в 1793 году, будучи всего лишь в 30-летнем возрасте, Александр Оспенный вышел по болезни (из-за распространенной тогда чахотки) в отставку в чине секунд-майора (млад-

ший штаб-офицерский чин). Проживая в столице Российской империи, он неоднократно подавал слезные прошения на имя императрицы с просьбой подыскать ему место гражданской службы или назначить пенсию, ибо никакого постоянного источника дохода у него не было, и он терпел жестокую нужду. Но, по-видимому, эти письма так и остались без ответа.

В октябре 1796 года, незадолго до смерти своей благодетельницы, Оспенный, полный отчаяния, вынуж-

было назначение Оспенному из Кабинета Его Величества 22 декабря 1796 года (уже после смерти Екатерины II) ежегодной пенсии в размере 500 рублей. Незадолго до смерти дворянину Оспенному была высочайше пожалована небольшая аренда в Западном крае, где он и умер в 1800 году, не оставив потомков. Род Оспенных, основанный его зачинателем Александром Даниловичем Марковым, едва зародившись, пресекся на нем самом же.

ден был обратиться к генерал-прокурору и государственному канцелярию графу Александру Николаевичу Самойлову с просьбой исходатайствовать пред императрицей какое-либо пособие, так как служить он по болезни не может: «Я уже дошел до такой крайней бедности, — писал Оспенный, — что не имею дневного пропитания и задолжал около пятисот рублей; как оный долг, так и нищета доводят меня до отчаяния...» Результатом этой просьбы

...В том же 1796 году, когда не стало матушки Екатерины, и на престол Российской империи взошел ее сын Павел I, шотландский врач Эдвард Дженнер предложил прививать людей не человеческой, а коровьей оспой, что было много безопаснее.

Вот так корова (по латыни — *vaccus*) оказалась навсегда увековечена в медицине: слово «вакцинация» ведет свою историю как раз оттуда. □

**КАШКАШ
КАШКАШ
КАШКАШ**

ПОЖИЛОЙ ДАМЫ

**КАШКАШ
КАШКАШ
КАШКАШ**

Глава 1

Она грызла землю, чтобы не закричать от боли, от изнуряющего протяжного страха перед близким концом, перед огромной черной ямой, в которой нет звезд — только грязь и холод... Холод смерти... А земля качалась под ней как колыбель — она помнила себя с самого рождения... Со светлого пасхального утра, в которое появилась на свет... Ее мать панически боялась родильных домов, поэтому перед родами пригласила к себе домой акушерку. Дите появилось на свет без труда. Девочку назвали Яной. Была, правда, одна проблема, но посторонние о ней не знали — этой женщине вообще не следовало рожать, ведь она была наркоманкой... Во всяком случае, так считала Яна. Что ж, ее... смерть избавила девушку от лишних хлопот. Иногда она жила и у отца, а когда у него появлялась женщина, то — в интернате. На детских ее годах не сказалось плохое наследство — она неплохо училась, у нее не было замедленной реакции или каких-то других признаков начинающейся деградации. Но когда девушка стала вполне самостоятельной, и опекать ее было некому... Все произошло очень быстро, она экспромтом миновала сразу несколько кругов в ад, и кристаллы героина стали казаться ей волшебными, открывающими другой мир, иное его измерение — где-то между блаженством и отчаянием... Отчаяния было больше — оно приходило по утрам, занимало всю ее комнату, и кухню, и прихожую,

и ванну с туалетом... Все, что только можно было занять... Оно было столь огромным, что Яне не оставалось места... Оно сталкивало ее в бездну...

И тогда Яна решила уйти. Оказаться где-нибудь в лесу, в поле, на проселочной дороге... И оказалась. Сейчас она лежала на земле, повлажневшей от холодного вечернего тумана, лежала, вцепившись в нее пальцами, ломая ногти, и рычала, как голодная собака, завидевшая пищу, или же, напротив, лишившаяся надежды ее получить и оттого озлобленная на весь белый свет. Да разве он белый? Не-е-ет, в мире темно, как... Как в космосе... И люди бьются вслепую и в полном одиночестве... Вот как она сейчас... Только она сама выбрала себе эту казнь... Это излечение, если получится... У нее все должно получиться! Отступать некуда, позади, как говорится, Москва! Яна усмехнулась — позади, и вправду, была столица, она приехала оттуда на одной из последних электричек в поселок, прошла его насквозь, выбирая пустынное место, затем мимо какого-то завода, перешла через речку и остановилась в полузаброшенной деревне. Где-то вдалеке в нескольких домах горели огни. Но на краю деревни, где оказалась она, было темно и глухо. В разваливающихся домах, похоже, никто не жил. Один вообще был сожжен дотла, и на пепелище торчала лишь печная труба. За этим пепелищем было много пустого места — вероятно, там когда-то стоял еще один дом, но от него не осталось и следа... Убедившись, что в обозримом пространстве никого нет, Яна отбросила пакет с документами, ключами от дома и кое-какими вещами и бросилась на землю, решив не жалеть себя и переломить надвигавшийся критический миг... И постараться остаться в живых... Иного пути у нее просто не было — если в компьютерных играх у героев бывает по семь и более жизней, то у нее давно уже не осталось ни одной...

— М-м-м-м... А-а-а-а... М-м-м-м...

Боль резала ее на куски и выбрасывала их один за другим — она уже не ощущала своего тела... Вот, оказывается, как это бывает... Ей хотелось лезть на стену, но стены не было, и Яна стала ползти, загребая ногтями траву, камни, обдирая об них нос и калеча губы... Ей казалось, что у нее уже нет ног и вот-вот отвалятся обезображенные руки... Но она не отступала — лучше так, чем валяться в бреду, принимая грязный подвал за царские хоромы... Вскоре дорогу ей перегородил старый забор из расшатанных гнилых досок, и она ринулась грудью прямо на эти доски, чтобы ощутить обычную человеческую боль — дабы прекратилась та, страшная, неземная... Забор хрустнул, и она оказалась лежащей на нескольких досках. По губам и щекам вдруг закапала кровь, видимо, при падении она рассекла бровь. Но это была мелочь по сравнению с тем, что она больше не чувствовала той раздирающей боли! Нет! Ее нет! Яна села возле забора и осо-

знала, что она победила. На первый раз. В первой схватке. А сколько их будет еще? Один умный врач, чьи лекции она слушала когда-то в наркологическом диспансере, сказал, что победа обязательно наступит, если взять свою волю за шиворот, зажать в кулак и бить этим кулаком по врагу... Она это сделала... Только доктор говорил еще и о том, что у каждого — свой враг, и сколько раз он нападет на жертву — неизвестно. Но если заняться каким-то жизненно важным делом, которому следует отдавать все силы и время, то врагу трудно будет выбрать момент для нападения. Яна это помнила, однако беда состояла в том, что она не приготовила себе этого дела. И тут ей стало холодно. Она приподнялась с земли, увидела вдалеке свой пакет и стала медленно продвигаться к нему — в пакете была куртка. Она ползла, опираясь о рыхлую землю руками и коленями — встать на ноги у нее еще не было сил. Добравшись до пакета, схватила его рукой и поползла назад, к забору. Опираясь на те доски забора, которые остались стоять, попыталась, наконец, подняться. Попытка оказалась удачной, и Яна шагнула за ограду, метрах в десяти от которой стоял большой старый дом с примыкавшим к нему дырявым сараем и с верандой, запертой на обычный висячий замок. Рядом стояла бочка с водой, и Яна опустила туда ноющие от боли руки, а потом умылась и почистила одежду. В окнах было темно. Она тихонько обогнула дом и осмотрела другую его сторону. Там тоже была веранда, но побольше, и замок на ее двери оказался крепче, внутренний. Но ей было просто необходимо попасть внутрь — уже почти стемнело, не ночевать же на улице! Обратную дорогу к электричке она уже не осилит, да и страшно идти одной. И здесь оставаться тоже небезопасно — рядом лес, наверняка есть какие-то звери, которые бродят ночью по деревне. Или стаи бездомных собак... Яна еще раз внимательно оглядела дом. Вверху находился чердак и маленькое оконце. Кажется, оно было чуть приоткрыто. Но как туда добраться? И тут она увидела старую деревянную лестницу, прислоненную к дому, и поняла, что в ней может быть ее спасение. С трудом поставила лестницу в вертикальное положение, прислонила к стене дома и осторожно полезла вверх вместе со своим пакетом. Одна ступенька... вторая... Третьей не было — ее обломки лежали внизу. Четвертая оказалась покрепче. Ну а на пятую вообще можно было не опираться — окно уже близко, и она спокойно дотянулась до него рукой. Обе створки открылись без труда. Яна подтянулась и заглянула внутрь. Чердак как чердак, ничего особенного. Перекинув ноги, она оказалась, наконец, внутри, под крышей! С помощью спичек обследовала помещение — в нем хранили всякий хлам, который жалко было выбросить. Ободранный стул. Старую одежду. Панцирную сетку от кровати. Матрацы со свалявшейся ватой. Была даже стопка книг и старый диван — правда, без спинки

и валиков. Яна обрадовалась — надо же, можно спать и на кровати с матрацем, и на диване. Какая роскошь! Она ходила, осваивая помещение, и вдруг под ногами у нее оказалась какая-то неровность. Она посветила вниз — там находился люк с засовом, который она со своей стороны могла запереть, просунув в железную петлю какой-нибудь прочный штырь. Люк, очевидно, вел вниз, в жилые помещения, куда ей, конечно же, хотелось попасть. На чердаке все-таки страшновато... Она откинула дверцу люка и посветила вниз — прямо под ней находился большой сундук, наполненный пустыми стеклянными банками — в основном трехлитровыми. Яна с трудом спустилась вниз, встав на край сундука, чтобы не раздавить его содержимое, а затем встала на пол. Здесь было совершенно темно — похоже, она попала в кладовку. Зажженная спичка это подтвердила, неожиданно осветив выключатель. А что, если включить свет? Ведь когда-то во всех этих домах текла нормальная жизнь и, возможно, электричество сюда еще подается... Яна нажала на клавишу выключателя, и тусклая лампочка, укрепленная сбоку на бревенчатой стене, загорелась, осветив маленькую, метров в пять, кладовку. Затем, осторожно открыв дверь, вышла в коридор с расшатанным полом. Сюда выходило несколько дверей, и она поочередно открывала их все — первая вела на веранду с висячим замком, вторая — в малюсенькую кухню с русской печкой, третья — в комнату с большим обеденным столом, кроватью, шкафом и сервантом, полным посуды, четвертая — на другую веранду. Она решила обосноваться на ночлег в комнате. Постель с деревянными спинками была прикрыта одеялом, но под ним находился голый пружинный матрац. Зато в шкафу оказались и простыни, и подушки с наволочками. Сев на краешек кровати, она сняла куртку и раздумывала, раздеваться ли дальше, как вдруг в коридоре стало светло, и Яна, схватив куртку, кинулась обратно в кладовку. Обратный путь на чердак оказался сложнее, но она сумела быстро подтянуться, залезть в люк и закрыть его. Отдышавшись, она медленно подошла к чердачному окошку. Во двор въезжала машина. Господи, как же в этой пронзительной тишине можно было не услышать шума мотора! Черт, она ведь не откинула лестницу на землю! Ах, дура-то какая! Ну, уж теперь все, надо сидеть тихо, как мышка... Может, эти хозяева или нежданные гости быстро уедут... Яна услышала, как снаружи уверенно отпирают замок, и поняла, что хозяева. То, что это был не один человек, выяснилось сразу же — приехавшие разговаривали друг с другом, причем один голос принадлежал женщине, другой — мужчине. Может, все-таки объявиться хозяевам? Ну, не убьют же ее за это! Что-то подсказывало ей, что именно так и надо поступить, но, во-первых, внутренний голос не раз ее подводил, а во-вторых, Яна услышала внизу

разговор, после первых же откровений которого не то что объявляться, но и шевелиться-то ей лишний раз было опасно!

— Только тут! Только тут! — повторяла женщина, меряя шагами большую комнату, в которой Яна расстилала себе постель. — Даже в машине твоей не могу, понимаешь? Я должна быть спокойна и уверена, иначе ничего не сделаю! Не получится! Ты ведь понимаешь, насколько мы зависимы от собственного состояния... А тут — все мое! Родовое гнездо! Каждый уголок, каждую досочку знаю! Меня эти стены всегда оберегали...

— У меня в машине нет никаких «прослушек», сто раз проверено.

— Хм... А ты уверен, что все знаешь про свою машину?

— Уверен. Но мы теряем время. Давай ближе к делу.

— К делу или к телу?

— Тебе известно, что я стал другим человеком... С другими интересами...

— Жаль. А когда-то...

— У нас не вечер воспоминаний...

— Хорошо. Но я перевыполнила план. Что мне за это будет?

— О! Я доволен. Увеличение процента. Если, конечно, все пройдет гладко.

— Когда вы работаете с моими данными, то по-другому не бывает. Успех заложен в самом моем выборе.

— За это я тебя и ценю.

— Ты или вы?

— Ненужный вопрос. Ведь и ты ценишь меня не только за оперативность и чистоту... работы, но и за то, что я никому никогда не даю никакой лишней информации... В том числе и тебе.

— Извини. Да, мне это нравится. Садись поудобнее. Записывать будешь?

— Я же не компьютер.

— Начинаю. Крюкова Галина Петровна. Восемьдесят два. Работала какой-то «шишкой» в ресторане. Родила от одного из постоянных посетителей сына. Пятнадцать лет назад он умер. Родственников нет. Однокомнатная квартира. Адрес...

Яна сидела на полу и вслушивалась в каждое слово. Интересно, что таится за этим разговором? Какая-то Крюкова, живущая в приватизированной квартире, не имеющая родственников...

— Каждую субботу она ходит на кладбище к сыну... Он похоронен на Щербинке. Это — план кладбища, посмотри. Вот нужный нам участок... Могила рядом с дорожкой, и это упрощает первые контакты. Она сидит там подолгу. Охотно общается с посторонними, все рассказывает о себе. Доброжелательна. Доверчива. Дружит с соседями, однако квартиру ни-

кому не завещала, потому что одна из соседок пустила слух, что у нее, у Галины Петровны, есть внучка. Что якобы ее сын был влюблен в женщину, которая от него родила...

— Трюк? — спросил мужчина.

— Трюк, я думаю. Потому что, по моим данным, мать ребенка хорошая знакомая соседки, даже, кажется, родственница. Галина Петровна тоже, видно, чувствует подвох, потому и не спешит с решением вопроса...

— Чистота квартиры?

— Чисто все. Крюкова получила эту квартиру от общепита. В новом доме. До нее там никто не жил.

— Прекрасно! И какой ты предлагаешь психологический ход?

— «Случайно» встретиться с ней на кладбище. Рассказать свою душещипательную историю. Продолжить общение с помощью общих тем — она любит и знает литературу, театр. Войти в доверие. Подружиться. Напроситься в гости. Лучше, конечно, сделать так, чтобы она сама пригласила к себе. Помочь ей в быту — сразу же! Узнать ее проблемы. Вызваться их решить. При всем этом понравиться соседям, стать там своим человеком. И постепенно привести ее к мысли заключить договор аренды с пожизненным содержанием. Либо оформить дарственную. Или написать завещание. Это уж как ей самой захочется... Конечно, рента нам выгоднее — все деньги твои. Но мелочиться не нужно, чтобы не спугнуть. Ну а дальше — по твоему сценарию. Только общаться с ней надо очень душевно, искренне... Хорошая женщина. Внешне — полная, грузная, сама себя называет Квазимодо, а душа...

— Тоже как у Квазимодо, а? Тебе ее жаль?

— Жаль?.. Если бы она была много моложе — тогда, пожалуй, и жаль... Но ты знаешь мою философию — старики затмевают мир. Они — тормоза, мешающие человечеству двигаться вперед. Молодость — это быстрота, скорость, движение, ясность мысли... А они вносят диссонанс... Слушай, а не поставить ли чайник... Я и воды специально привезла. А то у меня уже зуб на зуб не попадает...

— Это от опасности нашего дела. Не нервничай! Все будет хорошо. Ты в любом случае — в стороне.

Женщина все-таки пошла ставить чайник. Она что-то передвигала на кухне, прямо под Яной, а девушка сидела не шевелясь, потрясенная страшной догадкой. Господи, да ведь это — мафия, убивающая стариков! Она читала о таких случаях в газетах! Эта проститутка с философским уклоном ищет бедных людей, которые вот-вот отдадут богу душу, и передает их следующему бандитскому звену — душегубам. Их целая сеть... И у каждого — своя специализация... Свои обязанности... Страшно-то как!

— Леся, плитка не работает! Посмотри, а?

Леся... Что за странное мужское имя... Яна услышала, как этот Лесь, про себя она назвала его все-таки по-мужски, повозился с плиткой и сказал, что дело тут безнадежное, но у него в машине есть кипятильник, и отправился за ним. Пока он ходил, женщина вернулась в комнату, чем-то пошуршала, открыла шкаф и Яна услышала стук пустых вешалок. Интересно, что это она там делает? Когда Лесь вернулся, она была уже на кухне и, видимо, тут же стала кипятить воду.

— Давай скорее со своим чаем. Время идет. Надо ведь еще все обдумать, людей правильно подобрать... Завтра и начнем. Подъедем к твоей Галине Петровне. А вторая кто?

— Вторая... Это... как бы тебе сказать... Словом, таких ты не видел никогда! В свои девяносто два года по всей Москве летает! Необычайно подвижна, фигурка неплохая, ножки красивые... Лысоватая, правда... Кокетка... Шарфик повяжет так, что молодой и не сумеет. Кепочку набок сдвинет... Все делает сама. Дома — чистота идеальная. Продыху нет от книг и мебели. Всю жизнь они с мужем собирали эти свои дрова по комиссиям. У них, думаю, поход в комиссионку приравнивался к посещению театра. Прожили вместе почти шестьдесят лет. Не так давно он умер, но еще задолго до этого потерял память. И ей пришлось учиться... жить. Да, да. Она даже деньги считать не умела. Все делал он. Покупал, доставал, приносил. Он был инженер-строитель. Очень эффектный, судя по фото, и запасливый... Двадцать лет назад накупил чая гранулированного и кофе, еще при дефиците. Она до сих пор это заваривает и пьет... Детей никогда не было. Жили для себя. Работали за границей, получали хорошие деньги, но куда все это делось, неизвестно. Говорят, его племянник рано остался без родителей, мальчишкой еще был, им бы его взять и воспитывать. Так нет! У нее есть трое племянников, дети ее сестры. Сестра эта еще жива, в провинции с дочерью и мужем живет. Вот эта дочка из провинции — одна племянница. Вторая племянница и племянник в Москве живут, но далеко от нее, так что опекать тетку постоянно не могут. Так, все... Наливаю... Вот тебе две конфетки. И мне две. Не зря прихватила...

— Вот эту бабу тебе уж точно будет не жалко...

— Точно! А играет как! Актриса! Я у нее два раза была — знаешь же, какая у меня «ксива»... Она сначала подумала, что от меня зависит прибавление ей пенсии, и — на глазах слезы, какая, дескать, я бедная и несчастная... А когда узнала, что я на пенсии не влияю, мигом как перевернулась. Соседи говорят, все деньги они с мужем в чулок складывали, а когда был обмен купюр, то не смогли они с богатством своим расстаться, и все пропало. Там, говорят, на несколько легковых машин было.

— Портрет закончен?

— Почти. А еще она — энергетический вампир. Прямо впивается в человека и вытягивает из него энергию... С ней очень тяжело находиться...

Яна слушала с огромным интересом. Ну и старуха! Вообще-то она плохо знала пожилых людей и подумала — может, к концу жизни человек, понимающий, что скоро уйдет в иной мир, а молодые останутся, становится вот таким?

— Я все же не понял. Чего она хочет-то?

— Думаю, молодость себе вернуть... Пенсия у нее приличная. А вообще — в ней масса нерастроченной энергии, и ее необходимо выплеснуть. В подъезде, предположим, кто-то не закрыл за собой дверь. И через некоторое время об этом знает весь дом. Она рассказывает о том, что вышла из квартиры и закрыла подъезд, так, как будто ей пришлось кидаться на амбразуру и подвергать себя смертельной опасности. И каждое слово чеканит — столько энергии вкладывает, что впору дом подпалить!

— Прелесть! Для нас. И как зовут эту прекрасную даму?

— Лия Семеновна... А фамилия — обхохочешься — Перчик! К ней особый подход нужен, так как старуха болезненно подозрительна. Так вот, вся соль тут — в договоре. У нее давно, много лет назад, был составлен договор ренты с той племянницей, которая живет в провинции. И по этому договору племянница обязана каждый месяц выплачивать ей определенную сумму. Но она ничего не платит. Не может, семья у нее большая, да еще старики на ней, там, я поняла, каждая копейка на счету. А Перчик бушует — она, мол, обязана, и все! И пусть как хочет, а мое мне отдаст, а то в суд подам, договор расторгну! И вот тут есть одна любопытная деталь — когда этой бабе действительно плохо, ну, давление там или еще что-то, хотя она здорова как бык, то к ней по первому же зову едет племянница, которая в Москве. Или племянник мчится на машине. Они вызывают ей врача, возят ее по поликлиникам, но это, не мешает ей говорить, что они эгоисты и никогда ее не навещают. И вот не так давно они решили изменить этот договор, сделать так, чтобы он распространялся на всех троих племянников, и материально ей помогать с трех, так сказать, сторон. Складываться каждый месяц, чтобы она не жаловалась. Перчик согласилась, они все собрались у нотариуса, а она там прямо в кабинете показала им большую фигу!

— Господи, где же логика?

— Спектакль такой сыграть с собственной родней — когда еще ей выпадет такой случай? Она им и воспользовалась. Собственно, я потому про нее и узнала.

— Она, я понял, не подписала новый договор. Но прежний-то остался! Так чем же эта Перчик нам интересна?

— Да тем, что она — на грани его расторжения. Через суд. Понимаешь, у нее, у этой Лии Семеновны, — недремлющие соседи. У первой — один или два сына-пьяницы, их жены из квартир выгнали, жить негде, у второй — тоже острая нужда в жилплощади... Так они сейчас осаждают нашу даму, сменяя друг друга, и жужжат, жужжат, выливая ушаты грязи на племянников... Вот, дескать, вы, Лия Семеновна, всего своим трудом добились, а эти ваши бездельники хотят придти на все готовое, разорвать на три части и вашу квартиру, и вас самих... В общем, воду льют бабы на нашу мельницу. Особое внимание Перчик оказывает первой соседке, у которой сыновья не пристроенные. Та не дура, знает, чем взять — то огурчиков ей с дачи привезет, то ягодок, а то по дому что-то поможет сделать... Я думаю, Перчик вот-вот дрогнет... Вот тут-то ее и надо брать! Тепленькую... Но тот, кому ты это поручишь, должен уже сейчас с ней познакомиться, войти в доверие... Рассказать, например, о тяжелом прошлом своей семьи. О деде или прадеде, который был репрессирован... Ни за что, разумеется, по доносу. У нее отец так пострадал, и потому она должна проникнуться... О родителях, которые всю жизнь работали и все наживали, а их, предположим, обокрали. Или придумать другую трагедию... Вашей кандидатуре надо обязательно подчеркнуть, что она была замужем, верной женой, уважала мужа, никогда ему не перечила, а он вот недавно умер... Но она и сейчас ему верна... Это созвучно с жизнью Перчик... И она опять же должна проникнуться... Ну и, конечно, следует заготовить монологи о добросовестном труде...

«Совет в Филях» подошел к концу, эти деятели засобирались, погасили свет и, спотыкаясь, вышли на веранду, затем во двор, заперли замок и направились к машине. Яна допускала мысль — хитрая Лера может лишь сделать вид, что они уехали, а сама тихонько вернется к дому и будет вслушиваться в каждый звук... Но через минуту-другую мотор заурчал, и машина выехала из ворот.

Яна подошла ближе к окну — рокот мотора становился все слабее... Господи, неужели кончилась эта пытка и можно сесть и расправить кости? А то и спуститься вниз, чтобы допить их чай... А что потом? С теми данными, которые она узнала, прямая дорога в полицию. Там ее выслушают, все запишут. А потом спросят, как это она оказалась в чужом доме, и будут подозрительно на нее посматривать. Господи, как все запутано... Она ведь хочет именно предотвратить непоправимое... Но как, как это сделать? Доказать прежние преступления этой парочки вряд ли возможно. У Яны нет ни одной нити, только их слова... К тому же все это очень опасно — парочка непременно узнает, по чьей вине на них пало подозрение, и постарается от нее избавиться. А что, если... если самой познако-

миться с Галиной Петровной и этой старухой Изергиль? Познакомиться, а там — видно будет.

Яна не знала, зачем ей все это надо — ведь для осуществления таких планов понадобится много времени, сил, эмоций, надо будет врать, изворачиваться, чтобы спасти этих старых баб, до которых ей не должно быть никакого дела! Но так уж она устроена — этим людям грозит опасность, и она не сможет спокойно ходить по улице, работать на своем радио, общаться с людьми, если будет знать, что этим пожилым женщинам сначала навесят лапшу на уши, а потом убьют... Есть и еще одна причина ее неравнодушия к этой ситуации — она так давно была никому не нужна... У нее не было мужа — он ушел, как только понял, какой недуг одолел его женушку... Не было ребенка... Конечно, на работе она по праву занимала свое место — ее репортажи в эфире всегда были живыми, интересными, и вопросы своим героям она задавала необычные, которые требовали неоднозначных ответов, и голос у нее был самый что ни на есть радиальный, проникающий в душу... Но ей так хотелось ощутить тепло человеческой благодарности не за работу, а за... поступок. И вот сейчас она может его совершить...

Течение собственных мыслей убаюкало ее, и она заснула.

Проснулась Яна от холода и не сразу поняла, где находится. Она встала и осторожно подошла к окну. У нее захватило дух — солнце было красным, как во время заката, и казалось, что и небо окрашивается в такой же цвет... Вдали темной лентой блестела река, и ее тоже накрывала багрово-серая дымка из солнечных бликов цвета раскаленной печи... Господи, как хорошо! Как хочется жить! И как надо беречь каждый дарованный день... Да что день! Каждую минуту... А сколько этих самых минут, и дней, и недель она пустила на ветер! Сколько денег извела в неумной своей глупости и распущенности! Время не возвращается... Надо жить с ним в согласии, а не в противоречии... Она никогда больше не прикоснется к сияющим кристаллам, вчера уже поставила точку. Теперь — только вперед! У нее будет работа и эта тайная спасительная операция, таинственная и опасная. Она посмотрит, как лучше с этим справиться!

Яна спустилась вниз через тот же люк и сундук с банками, прошла в кухню, глотнула воды, налитой в канистру, побрезговав пить оставшийся в стакане чай, прошла в комнату, и, убедившись, что окна плотно завешены небольшими шторками, а во дворе никого нет, открыла шкаф, в котором несколько раз рылась хозяйка. Она увидела то, что уже видела — несколько старых платьев на вешалках, женский летний костюм, а внизу — простыни с наволочками. И все. Видимо, здесь должно что-то отодвигаться и задвигаться, иначе как добраться до тайника? Она прощупала стенки, протянула руку вверх и почувствовала, что «потолок» шкафа состоял из

нескольких фанерных пластин. Точнее, из трех. Две были неподвижны, но зато третья под пальцами Яны проехала немного вперед, открыв небольшую щель, в которую спокойно могла поместиться рука девушки. Ее пальцы тут же нащупали какой-то небольшой твердый предмет. Яна осторожно подвинула его к краю щели, столкнула вниз и тут же отпрянула в ужасе — на дно шкафа хлопнулся пистолет! Он был небольшим и очень похожим на детский, что продают в игрушечных магазинах. Так вот что здесь прятала эта криминальная мадам! Но как же ей-то теперь поступить? Взять эту штуковину с собой? Противозаконно — надо иметь специальное разрешение, которое простым людям дают только на газовые пистолеты. А ее находка явно не из той породы... В то же время предстоящая ей операция по обезвреживанию бандитов требует хорошей защиты... Яна остановила себя — эх кудахватила, не самой же придется их ловить и арестовывать! На это есть специальные службы. В которые она, несмотря на сомнения, обязательно должна будет обратиться. Хотя... неизвестно, как она поступит, что ей подскажет внутренний голос... А пистолет... Разумеется, она его возьмет — такие подарки бывают раз в жизни... И вообще, подобные штуки на дороге не валяются... Яна улыбнулась — ха, если кто-то узнает о ее пистолете, она будет говорить именно так — нашла, мол, на дороге... Нашла и отправилась сдавать находку в полицию, как положено... Так-то вот... И никто к ней не сможет придраться.

Яна положила пистолет в пакет, не проверив, заряжен он или нет, потому что плохо умела обращаться с оружием, и вновь направилась к кладовке, чтобы выйти уже проверенным путем.

До самой станции Яне не попалось ни одного человека! Только уже садясь в электричку, она заметила, что вместе с ней в вагон вошел какой-то мальчишка. Он вырос, словно из-под земли. Естественно, она не обратила на него никакого внимания...

Однако уже через сутки ей стало казаться, что на улице она постоянно сталкивается с одним и тем же мальчишкой... Первая мысль, пришедшая в голову — за ней следят! Но логика подсказывала, что слежка — дело тайное, и если один человек следит за другим, то, естественно, старается не попадаться своему «объекту» на глаза. А этот пацан никуда от нее не скрывался... Вторая мысль ясно указывала на то, что этот малолетний «хвост» тянется за ней еще из деревни — шагнула же она в электричку вместе с каким-то мальчишкой... Но какой ему смысл наблюдать за Яной? Скорее всего, его наняла та скверная баба... Он где-то там живет, и она, уезжая, поручила ему последить за домом — не покажется ли оттуда кто живой... А если покажется, то куда отправится, и так далее. Вот теперь он доложит ей о Яне — была, мол, в доме, уехала туда-то

и находится по такому-то адресу... Если так, то дело может принять очень серьезный оборот, и медлить нельзя — завтра может быть поздно... Эти умники отправили на тот свет уже не одного человека...

Была и третья мысль — слезка за ней ведется оттуда, из Лериного родового гнезда... Мальчишка мог находиться там в любом близлежащем доме и спокойно наблюдать за тем, как вечером она залезла на чердак, а утром ушла оттуда... Стоп! Нет, он ничего не знал про вечер и про то, была ли она в доме, пока не увидел ее выходящей оттуда... В противном случае, он бы сразу, в тот же поздний вечер сказал Лере о том, что в ее доме находится посторонний человек, и эта парочка наверняка бы вернулась. Но они не вернулись... Следовательно, он увидел Яну только утром... И сел вместе с ней в электричку... И что же ей теперь делать?

Яна спокойно, насколько это было возможно, проанализировала все, что случилось. Ба! Но ведь им неизвестно, кто она! Конечно, они попробуют получить нужные сведения в домоуправлении — у этой Леры есть какая-то «ксива», да только будет им там хороший облом — Яна прописана совсем в другом месте, в маленьком подмосковном городке, а здесь снимает квартиру у старушки, которая не давала о ней сведений ни в какое домоуправление... Разумеется, есть такие соседи, которые все и обо всех знают... Только их надо еще найти, вызвать на откровенность, то есть войти к ним в доверие, а уж потом спрашивать о Яне... В любом случае, надо срочно уходить из квартиры! А поскольку идти ей было некуда, она решила провести ночь в редакции, в собственном кабинете. Или в дикторской, где есть неплохой диван... Правда, у нее не было ключей от входной двери, но в это время там должна быть уборщица тетя Шура... А если ее и нет, то не беда — она живет в том же доме, двумя этажами выше... Только как сделать, чтобы не привести на радио этого сопливого «хвоста».

Яна взяла небольшую хозяйственную сумку, аккуратно положила туда теплую зеленую кофточку, в которой часто ходила на работу, и черные брюки, взяла все необходимые мелочи, надела спортивный костюм, набросила на плечи куртку, чтобы создавалось впечатление — девушка выходит из дома на полчаса, купить что-нибудь из еды, и отправилась на улицу. Сохраняя беззаботный вид, она, тем не менее, старалась быть предельно внимательной. Сначала шагнула в близлежащий магазин и стала рассматривать там отражение в витринах. Нет, мальчишки и близко не было. Спросив что-то для видимости у скучающей продавщицы, Яна проскочила в другой магазин, но и там не увидела мальчишку. Черт, где же бродит этот маленький сексот? Он что, уже оставил свой пост, решив, что она скоро ляжет спать, и сидит теперь где-нибудь у телевизора? Нет, если он ночует в той деревне, значит, нет у него дома, нет угла... Или он ходит

туда на промысел? Чтобы стащить более-менее стоящую вещь в этих брошенных домах и продать?

— Тетенька, одолжите десять рублей, а? — пропел вдруг за ее спиной сладкий голос.

Яна обернулась — худой мальчишка с наглым взглядом, появившись от яростной борьбы за существование, протягивал к ней свою руку... Надо же... Он вырос словно из-под земли...

— А тебе на что не хватает, а?

— На ужин...

— Вот и я еще не ужинала... Приехала — а дома ничего нет поесть...

— Так не дадите?

— Ладно. На, возьми... Вон на то пирожное тебе хватит...

Пацан действительно купил пирожное и вышел из магазина. Яна, пригнувшись, вылетела вслед за ним и помчалась к кустам, за которыми скрывалась дорожка, ведущая к автобусной остановке. И тут же остановила себя — нет, неправильно она делает! Пацан ведь тоже мигом сообразит, где ее искать, и отправится сюда же! Обогнув кусты, она оказалась возле длинного девятиэтажного дома, вошла в подъезд, у которого был сломан кодовый замок, и уже через минуту-другую улыбнулась — мальчишка просвистел мимо! На остановку, как она и предполагала! Счастливого пути! Во всяком случае, сегодня Яне удалось его провести... Она вышла из подъезда и, уже не спеша, двинулась в сторону метро, чтобы доехать до работы. Только оказавшись за дверями редакции, Яна окончательно успокоилась. Тетя Шура выслушала ее сбивчивый рассказ о том, что дома ей вдруг, ни с того ни с сего, стало нестерпимо страшно, и тут же пригласила ее к себе ночевать. Яна согласилась. Это действительно был хороший выход. Но ей нужно было время, хотя бы один час, чтобы связаться с умным, знающим человеком и рассказать о своей беде. Она пообещала тете Шуре прийти к ней чуть попозже и, когда та ушла домой, позвонила редактору. Шеф, которого звали Костя, любил Яну и не раз ее спасал, поэтому тут же пообещал приехать. И не один.

Буквально через полчаса в дверь редакции позвонили. Тетя Шура на всякий случай научила Яну, как отпирать и запирают входную дверь, и девушка быстро справилась с задачей, предварительно посмотрев в «глазок» на встревоженного шефа. За ним вошла крупная блондинка с высоким бюстом, однако, несмотря на внушительные габариты, довольно стройная и легкая. Оказалось, что это — его жена.

— Я подумал, может, у тебя какие-то чисто женские неприятности, и уговорил Гречку поехать со мной... Она сможет тебе помочь... — объяснил Костя.

— Моим бедам может помочь только полиция, — честно призналась Яна.

— О, так это же прямое попадание! Грета работает в полиции... Правда, в аналитическом отделе...

Яна была поражена — никто у них не знал, где трудится редакторская жена. А Грета тем временем широко улыбалась, глядя на нее.

— Вы ничего не бойтесь. Я вам помогу, — доброжелательным тоном произнесла она. — Только говорите все, не оставляйте в себе нисколечко... И ты, Костенька, сядь рядом...

Мотающийся из угла в угол редактор сел, наконец, верхом на перевернутый спинкой вперед стул и застыл, как изваяние. И сидел так, не шевелясь, пока Яна рассказывала о своих приключениях... Она действительно не оставила в себе нисколечко...

— Да... Наши люди сейчас работают по нескольким таким случаям... Тут явно действует одна или несколько бандитских организаций, — призналась Грета. — Но выйти на них пока не удалось, то есть на самих организаторов... Все пешки попадают, которые ничего толком не знают. А... вы видели этих людей? Ну, Леру эту и ее спутника?

— Нет. Я их только слышала.

— Знаете, Яна, информация у вас настолько ценная, что я рискну прямо сейчас позвонить начальству. Думаю, выговор мне за это не объявят, скорее наоборот. Только... Костя, можно, я пройду в твой кабинет, а вы здесь побудете...

Костя проводил жену и быстро вернулся. Они с Яной некоторое время молчали, а потом шеф спросил:

— Как со здоровьем-то? Через себя перевернулась?

Это было одно из любимых его выражений — когда человеку следует преодолеть серьезное жизненное препятствие, то, по мнению Кости, ему следует перевернуться через себя самого.

— Перевернулась... Чуть концы не отдала... Выла, как собака...

Тут вернулась Грета и сообщила, что один из оперативников, задержавшийся на работе, а по ее сведениям — постоянно там ночующий, поскольку ушел от жены, уже ищет сейчас среди подозреваемых эту пару — Леру и Леся. Она, вероятно, Валерия, а он... Может быть, и Олесь, и Алексей, а Лесь — сокращенно... Да и Александра исключить нельзя... Тут главная — Валерия. Имя не так уж часто встречающееся... И если рядом с ней окажется этот Олесь-Алексей-Александр, значит, он и есть тот самый Лесь!

— Так мне теперь в обычную полицию не обращаться? — все-таки спросила Яна.

— Вы уже обратились. Все передано в специальное управление, которое борется с организованной преступностью. Сейчас нам оттуда позво-

нут, договорятся с вами о встрече и подскажут, что вам пока делать — где жить, например... О, телефон! Я сама возьму трубку!

Это действительно звонили Грете. Оперуполномоченный Николай Николаевич, так редакторская жена его назвала, долго ей что-то говорил, а потом попросил к телефону Яну.

— Янина Викторовна! — начал он.

— Боже мой! Откуда вы знаете мое полное имя-отчество?

— Ну, вы даете! Я же не из подворотни звоню... Янина Викторовна...

— Можно просто — Яна.

— Яна, вы можете переночевать где-то в надежном месте?

— Да. В редакции. Или у нашей уборщицы — в этом же доме... Она меня пригласила.

— Прекрасно! А утром я пришлю за вами машину. Часов в девять — пойдет? Будем вместе думать над вашей загадкой...

Голос этого Николая Николаевича был бодрым, веселым, и это немного взбодрило Яну, хотя уверенности в светлом будущем не прибавило. Она поблагодарила Николая Николаевича за участие в ее судьбе и положила трубку. Втроем они стали думать, что теперь делать, и решили, что сегодня Яна переночует у тети Шуры, а завтра шеф с ней договорится — может, она приютит девушку не на одну ночь, а на месяц-два? И надо что-то придумать с внешностью... Ей нельзя показываться на улице в своем истинном виде — не исключено, что пацан ее сфотографировал, а может, составил фоторобот, все возможно, учитывая, что мальчишка мал, да удал.

— Обязательно измени внешность, — посоветовал Костя. — Натяни парик... белый...

— Почему белый?

— Да потому, что у меня в шкафу валяется белый парик. Кто-то из гостей оставил, когда юбилей радио праздновали — забыл, видно. Сейчас принесу...

Пока Костя ходил за париком, Грета посоветовала девушке сменить одежду, макияж — словом, сделаться неузнаваемой, и пообещала завтра утром прислать с мужем все необходимые для этого аксессуары.

Парик оказался Яне впору и к лицу. Костя с женой проводили ее к тете Шуре.

Засыпая, Яна думала о предстоящем дне. Она чувствовала, что в ее жизни наступает новая полоса, грядут большие перемены. Многие любят говорить, что жизнь — полосатая. Значит, если сейчас в ее жизни черная полоса, то должна наступить светлая. Такова и логика... Только часто, очень часто жизнь поступала с ней совсем нелогично! Как-то будет на этот раз?

Глава 2

Я шла по улице, игнорируя подземку, и думала о старом как мир, но все равно непостижимо странном смешении любви и... непонимания. Я — не злой человек. Не скажу, что чересчур добра и раздаю деньги просящим направо и налево — нет у меня для этого средств... Но и плохого умысла в сердце не ношу... Скоро, минут через десять, я постучу в ее дверь и одновременно нажму на кнопку ее звонка, чтобы она сразу поняла — бесполезно таиться и делать вид, что в квартире никого нет, и буду приговаривать — тетя Лия, тетя Лия, откройте! Это я, ваша драгоценная племянница, явилась к вам с другого конца города, чтобы принести вам клюковки, привезенной мне из Вологды — что может быть лучше вологодской клюквы! Это я, моя дорогая тетюлечка, и попробуйте только мне не открыть!

Вот и ее дом. Я заявлюсь неожиданно, и ей придется обойтись без репетиций. Но спектакль она все равно будет играть, хоть и плохо. Картину испортят длинные паузы. В отрепетированном спектакле пауз не бывает...

Тетка, на удивление, открыла мне сразу.

— Пришла! Вот как вы за мной ухаживаете! Чужие люди ко мне лучше относятся, чем вы! А квартира-то моя вам нужна!

Отвечать на эту тираду, которая будет длиться еще минуты две, бесполезно — лучше спокойно молчать и даже улыбаться, чтобы выбить ее из колеи. Но, в общем-то, мне не до улыбки — упоминание о посторонних людях означает одну весьма конкретную вещь: кто-то опять обрабатывал нашу тетку! Сначала это делали соседи, затем — какие-то люди со стороны, семья с маленьким ребенком, потом — шестидесятилетний мужчина с двумя собачками. Соседи носили ей всякую ерунду в качестве подарков и попутно рассказывали о том, как в таком-то районе Москвы родные дети убили своих... и далее шли вариации, в которых пострадавшими оказывались и родители, и то ли дед, то ли бабушка, и, конечно же, родная тетка — ну как же без нее! Убили для того, чтобы поскорее завладеть квартирой! А в другом районе старушка отказалась от услуг то ли внуков, то ли племянников, тут тоже шли вариации, и завещала свою квартиру хорошим, добрым соседям, которые выполняли все ее желания и добросовестно за ней ухаживали до последнего ее вздоха... У семьи, обрабатывавшей тетку, было больше воображения — они выслеживали ее на улице и напускали на нее ребенка. Девочка бежала к тетке с вытянутыми ручками, как ее и научили родители, бросалась к ней на шею и кричала:

— Тетя Лия! Как я вас люблю! Какая вы красивая и молодая! Я люблю вас больше всех!

Тетка захлебывалась от восторга.

Мужчина же, выводя на прогулку своих собачек именно в то время, когда на улице гуляла тетка, смотрел на нее и недвусмысленно вздыхал... Тетке в ее девяносто два года это было приятно... Кстати, ее возраст — это особая статья, и многие семидесятилетние актрисы, сделавшие массу пластических операций, меркнут перед ней, сумевшей не впустить на свое лицо морщины, сохранить изящную фигурку и просто отличные и тоже изящные ножки! Думаю, это потому, что она всю жизнь заботилась только о себе и муже, а никого и ничего больше просто не видела и не слышала, и это было так удобно!

Однако соседи ей откровенно надоели, фальшь девочки явно бросалась в глаза, а ответить на молчаливые ухаживания мужчины с собачками она просто не могла — ведь все вокруг знали, как она любила своего единственного мужа! Но мне кажется, что главную роль тут играла теткина жадность. Подписать квартиру чужому человеку? Да никогда! И здесь вода лилась на нашу мельницу. Между прочим, тут видна и моя работа — я постоянно внушала ей, что чужой человек постарается поскорее спровести ее на тот свет, и тетка, кажется, внимала моим наставлениям...

— Это что ты принесла? Мне ничего от вас не надо!

— Клюква это... Вологодская...

— Да? А масло тебе оттуда присылают?

— Нет. Масло я здесь покупаю. И в вашем магазине есть — настоящее, вологодское.

— Я не могу позволить себе ходить в этот магазин! Ты видела, какие там цены? А я вынуждена...

— Экономить! — перебила я тетку. — И я тоже экономлю. У меня зарплата такая же, как ваша пенсия! Так, тетя Лия! Мне надо уходить, у меня важная встреча. Ответьте — что это опять за посторонние люди, а? Сколько раз вам говорила — не слушайте никого! Посторонние люди не дадут вам дожить до ста лет!

— А чего это ты меня так рано хочешь схоронить? Я, например, мечтаю дожить до ста двадцати, и тебе это отлично известно!

— Ах, да, простите, но вот с посторонними-то людьми вы и до следующего года не дотянете! Ясно?

Тетка молчала, но смотрела на меня довольно загадочно. Потом все же не вытерпела и произнесла:

— Вообще-то получается, что это уже не посторонний человек... Кажется, у меня нашелся еще один родственник...

Так... Это вам уже не соседские наивные штучки! Тут кое-что посерьезнее... Ну что ж, посмотрим...

— И вы молчите! — с наигранным восторгом начала я. — Знаете же, что я составляю нашу родословную! И с удовольствием впишу нового... члена... Это он или она?

— Он... Только я боюсь говорить — ты ругаться будешь, — промямлила тетя.

— Тетя Лия, вас постоянно пытаются обработать, обмануть. Так что выкладывайте-ка все начистоту!

Тетка вдруг пошла на кухню и прокричала оттуда, что сейчас заварит чай! Сама, без моей подсказки! Нет, поистине происходило что-то непостижимое. И, скорее всего, мне придется отложить назначенную встречу, хотя очень не хочется. Дело в том, что на радио запланировано мое выступление. Вернее, интервью со мной. А все потому, что я написала необыкновенную книгу. И пишу другие. О своих мистических приключениях. Книга была раскуплена вмиг. Издатели тут же напечатали дополнительный тираж, но и он разошелся за несколько дней. Они опять сделали допечатку и уже принялись за мои новые рукописи. И вот сейчас, вернее, через час, я должна наговорить на пленку с три короба, чтобы и дальше меня покупали, читали и любили.

Тетка внесла поднос с чаем, уже налитым в чашки, а также сахарницу с песком, несколько ломтиков лимона и вишневое варенье! Что ж, может, годам этак к ста она полностью исправится, и мы все будем ее любить?

— Ты ведь знаешь, какая я стойкая! — начала она. — Мне все приходится делать самой, одной! Но и я была сражена! Видишь это окно? В него постучал человек! Молодой, лет тридцати... И как только я на него посмотрела... ты не поверишь — во мне все всколыхнулось, и сразу запахло таким родным...

— У вас на кухне что-то горит, — прервала ее я.

— Ой! Котлеты! Я их подогреть поставила!

Надо же, и котлеты! Такого еще не было никогда. Свет перевернулся, что ли?

Тетка вернулась быстро и продолжила:

— Он — хорошо воспитанный молодой человек! Понимал, что я одна, и не стал звонить в дверь, а тихонько так — в окно, чтобы я его увидела...

Ага. Чтобы не светиться перед соседями — теткин коридор устроен так, что ее дверь просматривается из всех других, и когда я стучу и звоню ей по пять-десять минут, то совершенно уверена, что за мной наблюдают сразу из нескольких глазков...

— Он тепло спросил: вы — Лия Семеновна? Я ответила, что да. И он попросил меня выйти к нему. Сказал, что имеет для меня важное сообщение! Я вышла, он подошел ко мне, взял меня за обе руки и поцеловал их... А потом сказал, что все годы мечтал об этой встрече... Что это — последняя воля его дорогого папы... Который... Который... Ох, я не могу выговорить! Я боюсь упасть в обморок! Боже! Приготовь мне капли! И тонометр вынь — измеришь мне давление! О!

Я протянула тетке ее капли.

— Вот, тетя, выпейте и возьмите себя в руки. Буду благодарна, если вы все-таки доскажете мне эту историю... Кто же он, его дорогой папа, который завещал не сберкнижку свою, не дачу, а встречу с вами? А?

— Почему? — обиженно возразила тетка. — Дачу завещал, где-то между твоей Вологдой и Ярославлем. Он и место назвал — Бакланка, станция такая. Так вот, его дорогой папа — это... держись... мой брат! И брат твоей дорогой мамы! Следовательно, твой дядя! Ты поняла?

— Но у вас и моей мамы никогда не было родных братьев!

— Нет, надо сказать так — мы никогда не знали ни о каком родном брате. А он был!

— И где же он скрывался?

— Жил там, в Бакланке этой. Когда наш дорогой папа вышел из тюрьмы, то был очень болен и не мог сразу уехать домой... Его приютила одна еще довольно молодая женщина... И... она его полюбила! Время было страшное, сорок второй год уже шел, а она доставала ему продукты, лекарства, ухаживала за ним! И... Ну, я уж не знаю, он ведь маму нашу очень любил... А этой женщине, видимо, был благодарен... Не нам судить... Словом, уже в конце сорок второго года родился Толя... Анатолий Семенович... И теперь он меня ждет...

— Где? На том свете?

— Он ждет меня в этой самой Бакланке! Он жив, понимаешь?! Мой брат жив! И рассказал мне обо всем его сын, то есть мой племянник!

Да, крепко закручено! Работали профессионалы!

— Выходит, к вам приходил мой двоюродный брат... И как же зовут братика?

— Филипп. Красивое и редкое имя, правда?

— Разумеется, вы пригласили его в дом?

— Да! Я приглашала, но он не пошел... Он очень скромный...

— А телефон свой он оставил? Московский? И адрес? — наобум спросила я.

— Он в Подмосковье живет. И у него нет телефона. Адрес... Да зачем мне его адрес, я в гости к нему не собираюсь! Мы договорились, что

Филипп приедет ко мне на машине, сейчас она у него на ремонте, и мы вместе отправимся в эту Бакланку... А ты... А тебе везде мерещатся мошенники...

— Да, тетя. И потому не следует ездить вам одной. Возьмите с собой нас с Мироном. Мы же племянники... Вот сразу все и перезнакомимся...

Тетка вдруг как-то сникла, кураж у нее прошел, глаза потухли, и стало ясно — она просто переутомилась. Я уговорила ее лечь в постель и строго-настрого наказала — никому не открывать, никого не впускать — ни племянника, ни братца... Иначе... Сейчас ведь существует много средств, и порой хватит одного движения руки, чтобы некий яд, бьющий наотмашь, достиг своей цели... Все это я повторяла ей уже в тысячный раз. И учила ее быть осторожной, не верить в разные байки... Но вот ведь, поверила же!

— А эта женщина жива? — спросила я.

— Какая женщина?

— Та, что родила Анатолия Семеновича...

— Нет! Она умерла... И наш папа — тоже...

Разумеется, у этих мошенников она должна была умереть, потому что попытайся та же тетка расспросить ее о своем отце, а заодно и проверить, он ли это был, как та обязательно в чем-нибудь да запуталась бы...

Тетка уснула, я позвонила Мирону и изложила ему все услышанное. Мой братец никогда не изменял себе. Его вопрос всегда звучал одинаково:

— Что делать?

Что делать? Собраться всем вместе, большой нашей семьей, и вправить тетке мозги! А что мы можем сделать с этими новоявленными родственничками? У нас же нет доказательств, что они хотят воспользоваться теткиной доверчивостью, и... И что? Действительно, что они намерены сделать? Ну, предположим, изучили ее биографию — это несложно, она направо и налево все про себя рассказывает, в том числе и про репрессированного отца. Значит, и про договор им известно! Договор ренты с пожизненным содержанием тетки, который она заключила много лет назад с нашей сестрой Мирой. А если им известно про этот документ, то зачем они обрабатывают тетку? Уж не прослышали ли они о том, что она все время грозит расторгнуть договор через суд? Причина одна — Мира, живущая в провинции, не высылает ей денег, положенных по договору. У нее их нет, все съедает большая семья. Мы попытались переделать документ на всех троих племянников, чтобы закрыть эту ненамеренно пробитую брешь. Но тетка то ли ничего не поняла, то ли не упустила возможности подложить нам свинью, только когда мы все вместе собрались у нотариуса, она оглядела нас торжествующим взглядом и зловеще прошептала:

— Нет! Я еще подумаю! Вот так! — и, схватив наши паспорта и все принесенные бумаги, выскочила вон.

Мой муж кипел как чайник на электроплите — ради этого момента истины он оставил репетицию в известном московском театре и прискакал сюда. Жена моего брата еле держалась на ногах — она приехала с высокой температурой, и негодовать у нее просто не было сил. Мира прибыла без своего благоверного, взяв у него доверенность на совершение сделки, на что тоже были истрачены время и деньги. Мы сделали все для теткинго спектакля! И ее бенефис состоялся.

Я тут же схватила телефон и позвонила брату:

— Мирон, немедленно приезжай сюда! Ее нельзя оставлять одну. А мне сейчас на радио надо срочно бежать...

Он подъехал на своей машине цвета топленого молока и сменил меня на ответственном посту.

Радиостанция, на которую меня пригласили, была еще новой, но в их вещании чувствовалась высокая культура, потому я и откликнулась на просьбу. К встрече со мной даже накрыли стол и налили всем чая, а когда мы познакомились, то редактор Костя открыл шкаф и вытащил оттуда бутылку с названием, от которого я чуть не свалилась со стула! Потому что на бутылке сияли слова: «Красный перчик»! Думаю, мой смех имел все шансы перейти во всеобщее веселье, если бы Яна, журналистка, изготавившаяся брать у меня интервью и увидевшая, что хохочу я над названием этого огненного напитка, не задала мне странный вопрос:

— Пожалуйста... Пожалуйста, скажите... Вы даже не представляете, как это для меня важно... Что вас сейчас так рассмешило?

Только тут я заметила, что на фоне всеобщих улыбок лицо этой Яны было как-то уж слишком озабоченным и печальным. Мне стало немного не по себе, и я в качестве оправдания сказала:

— Извините, но рассмешила-то меня суцая ерунда... Так, совпадение одно... Надеюсь, что и вы сейчас улыбнетесь... Видите, на этой бутылке написано — перчик...

— Ну и... что?

— А у моей родной тети, не поверите — такая фамилия! И, главное, соответствует ее характеру!

— Что-о-о?!

Теперь уже не я, а эта Яна готова была сползти со стула, но ей не дал этого сделать редактор. Кстати, он тоже посмотрел на меня как-то странно и вышел со словами о том, что надо сказать Грете... Что сказать, зачем, и кто такая Грета, я не знала. Интервью грозило быть скомканным, но эта

Яна взяла себя в руки, повела меня в студию и по пути сказала о том, что после выхода в прямой эфир она преподнесет мне такой сюрприз, от которого, возможно, все мои мистические штучки покажутся детским садом! Я была заинтригована...

Беседа наша прошла вполне сносно — мы поговорили о мистических совпадениях, предсказаниях, озарениях, о связи человека с космосом, о природе, а в заключение я призвала слушателей покупать мои книги и писать мне свои отзывы о них.

Выйдя из студии, мы попали в объятия... полицейского! Оперуполномоченный Николай Николаевич объяснил мне, что только вчера беседовал с Яниной Викторовной, так он назвал Яну, на чрезвычайно важную тему, которая, как оказалось, касается и меня, и еще некоего лица, которое мне хорошо известно. Мы засели в редакторском кабинете, Николай Николаевич предоставил слово Яне, и я услышала удивительный рассказ о банде, которая ищет таких дур, как моя тетка, и, кстати, уже нашла, и теперь явно намеревается втереться к ней в доверие либо завладеть ее собственностью иным путем... Иной путь был мрачен...

Я сразу поправила своих информаторов — банда от намерений уже перешла к делу, и рассказала, как именно. История с пропавшим дедом и неожиданно, из ничего возникшими новыми «родственничками» вызвала у всех огромный интерес. Да, мошенники явно не теряют времени! Разумеется, любую банду надо как можно быстрее обезвредить! Только как найти этих людей? Они, к сожалению, не оставили тетке своих координат... Но, возможно, они оставили их Галине Петровне, второй потенциальной жертве? Я предложила тут же отправиться на Щербинское кладбище и выяснить фамилию этой женщины, тогда мы сможем ее отыскать и узнать все необходимое. Говоря об этом кладбище, я преследовала и другую цель, но не сказала собеседникам, какую. Но Николай Николаевич сообщил, что его сотрудники уже сделали это, обнаружив в указанном месте две могилы молодых людей, однако ни одна пожилая женщина с указанными там фамилиями не зовется Галиной Петровной...

— А... как зовут этих молодых людей? Ну, умерших-то? — спросила я.

— Павел и Андрей, — ответил Николай Николаевич.

— У вас есть церковный календарь? — не отставала я.

Редактор вызвал свою секретаршу и велел ей принести церковный календарь. В библиотеке его не было, зато он нашелся в фонотеке, где работала верующая женщина. Я тут же открыла его на сегодняшнем числе.

— Боже мой, да ведь нынче день святого Павла! Посмотрите! И Варлаама... Не исключено, что мать Павла в этот день посетит кладбище...

— Так уже скоро обед, — заметила Яна. — А на кладбище с утра ходят...

Однако Николай Николаевич предложил мне быстренько съездить с ним в это скорбное место. Не Яне, а мне — тетка ведь все же моя! Через минуту я уже сидела в полицейской машине, а через полчаса шла по главной аллее кладбища к нужному участку. Николай Николаевич остался в машине — он был в форме и решил, что это может сделать разговор с женщиной официальным. Если она, конечно, там была.

Участок, который я искала, оказался почти в самом конце кладбища. Я оглянулась — Николай Николаевич, оценив обстановку, все-таки шел за мной, но на значительном расстоянии. Следуя его подробной инструкции, я свернула налево, отсчитала нужное количество могил, дошла до могилы Павла Геннадьевича Барина и только тут заметила маленькую озябшую женщину, кутающуюся в короткий драповый жакет, украшенный искусственным мехом. Она протискивалась между оградками и старалась спрятать в рукава застывшие руки... Я заранее приготовила свою «легенду», и потому тут же сказала:

— Здравствуйте! Ой, зрение у меня плохое... Галина Петровна, это вы?

Женщина посмотрела на меня настороженно и спросила, зачем мне нужна Галина Петровна.

— Да поблагодарить! Вот специально с дороги свернула, подумала — вдруг эта отзывчивая женщина здесь... Выручила она меня недавно... Так это... вы, да? Узнали меня?

Интуиция сразу подсказала мне, что эта женщина, видимо, привыкшая быть осторожной со случайными, незнакомыми людьми, — не Галина Петровна, но они явно знакомы.

— Как я вас могу узнать, если в первый раз вижу! — отрезала она и добавила: — А за что, интересно, вы хотите ее поблагодарить?

И я начала свой душещипательный рассказ о том, как у родного моего отца была вторая семья, и я его не видела много лет, как он умер, но его жена не сообщила об этом нам, как его похоронили здесь, на этом кладбище, и я решила найти его могилу, как приехала сюда и встретила здесь Галину Петровну и еще одну женщину по фамилии Калашникова, и они помогли мне отыскать участок, на котором хоронили в тот год и тот месяц, когда скончался мой папа, а сами терпеливо ждали меня на дорожке. Так я нашла родного человека, положила ему цветы, поплакала, а потом мы вместе ушли...

Видимо, мои эмоции во время рассказа так ярко отражались на лице, что женщина доверчиво подошла ко мне и тихо, чуть ли не шепотом сказала:

— Вы уж меня извините... А... сейчас-то она зачем вам нужна? Галина Петровна?

— Да поблагодарить же! И... понимаете, мы с ней много о литературе говорили... Она, как я поняла, что-то пишет... И я бы, возможно, могла помочь с публикацией...

— Так вы, стало быть, сейчас на отцову могилку идете?

— Да.

— А хотите, с вами схожу, а? Я уже со своим Андрюшенькой поговорила, спешить мне некуда...

Так... Стало быть, Галина Петровна — родительница похороненного рядом Павла... А эта мать Андрея хочет меня проверить... Ну, что ж... Глупо отказываться, ведь она может нас уже сегодня привести к Галине Петровне. Женщины, у которых сыновья похоронены рядом, скорее всего, давно подружились — их сблизило общее горе...

К могиле отца можно было пробраться коротким путем, меж чужих оградок и бордюров, но там было сыро, росла высокая трава, и мы пошли в обход по асфальту. Я подошла к последнему пристанищу отца, к нелепой формы серо-бежевому памятнику из мраморной крошки, убралась на могиле, вынула из сумки две белые лилии и воткнула их проволочные стебли прямо в землю... Все! Можно уходить. А женщина молчит... И вдруг...

— А имя-то у вашего папы редкое... И отчество ваше, значит, тоже...

— Да, редкое, — повторила я, гадая, что же она предпримет дальше.

— Я ведь к чему говорю — не всем нравятся редкие отчества — иные, особенно когда паспорт меняют, их переделывают... Знаю я такие случаи... Был, скажем, Варфоломеевич, а стал Владимирович... Или Алексеевич... А... вы-то как?

— А я не переделывала. Так и оставила. Хотя выговаривается трудно... Вот, посмотрите!

Я гордо вытащила свой новый паспорт и открыла его на нужной странице. Цепкий взгляд женщины прошелся по всем записям, по моей фотографии, после чего она широко улыбнулась и вдруг откровенно призналась:

— Все! Спасибо за терпение. Я ведь вас проверяла.

— Да я догадалась. Только не пойму — зачем?

— Как — зачем? Вы ведь хотите найти Галину Петровну?

— Да, хочу.

— Ну, так она дома. По субботам на кладбище приходит. Но я могу и сейчас вас к ней отвести, если временем располагаете... Прямо домой... Она ведь, и правда, чего-то там пишет...

— Это же замечательно! А вы с ней давно знакомы?

— С самого детства. В одном доме живем. И мальчики наши вместе погибли... Ехали в аэропорт — любимую футбольную команду встречать... Так-то вот...

Мы медленно шли к выходу, и я думала о том, как объяснить женщине, что меня ждет полицейская машина... Может, вообще пройти мимо нее и дождаться автобуса? Николай Николаевич все поймет... Нет, глупо — мы потеряем много времени, а оно сейчас дорого. Поэтому я издала помахала рукой Николаю Николаевичу и сказала женщине, что меня подвез сюда знакомый, что у него как раз обеденный перерыв и так далее. Когда мы подошли к машине, Николай Николаевич сразу спросил, куда ехать. Спутница наша назвала улицу... Все правильно! Именно там живет Галина Петровна, которая заинтересовала бандитов.

Пока мы ехали, я выспрашивала женщину о том, какие же это люди крутятся вокруг ее соседки.

— А вот чувствую — нехорошие! Баба в годах, да девица с ней крашенная... Главное — сами лезут!

— Но мне показалось, что Галина Петровна — очень общительная женщина...

— Правильно! В том-то и дело! Она любит сама заговаривать с людьми — вы верно это заметили... И у нее чутье на хороших людей, об этом все ее близкие знают... Как уж она их определяет, не ведаю — может, по глазам... Только с плохим-то человеком никогда не заговорит... А эти-то — сами с ней заговорили! Мы, мол, часто вас тут видим и сочувствуем, хотим познакомиться... И что-то еще прибавили о родственной душе... На самом же деле ничего и никого они там видеть не могли, потому что их там никогда и не было! Уж я бы заметила, столько-то лет хожу... И Галина сразу поняла, что врут, и — ни слова им в ответ! Так они покрутились-покрутились и смылись куда-то...

Итак, первая вылазка бандитов оказалась безуспешной...

— И когда же это было? В субботу? — спросила я.

— Ну да. А сегодня я ведь за нее пришла. Павлика ее день, именины, значит, а она приболела... Вот меня и отправила...

— Приболела? А что сней? Не отравилась ли чем? — спросила я, решив, что бандиты могут действовать не просто быстро, а стремительно, прямо со скоростью света.

— Да нет. Обычная простуда. Сами сейчас увидите.

Мы подъехали к огромному панельному дому, на который указала нам женщина, но Николай Николаевич проехал чуть дальше, за автобусную остановку, где росли высокие кусты, высадил нас, шепнул, что будет ждать моего звонка, и протянул мне номер своего мобильного. Действовать мне предстояло по обстановке.

Галина Петровна встретила нас, замотанная в пуховой платок. В квартире стоял резкий запах скипидара.

— Лечусь, уж извините, — прохрипела она и отправилась на кухню ставить чайник.

Что-то в облике этой женщины показалось мне знакомым... Господи, неужели это действительно она провожала меня тогда к могиле отца? Ох, уж эта моя память! Ни одного лица она у меня толком не сохраняет, все какие-то отдельные штрихи... Так она это или не она?

— Ну, проходите в комнату, давайте знакомиться! — распорядилась Галина Петровна, вернувшись с кухни.

Мы сняли обувь, прошли в комнату, и... на маленьком журнальном столике, притулившемся возле широкого кресла, я увидела мою собственную книгу! То есть — написанную мной! И с закладкой где-то в середине... Следовательно, Галина Петровна ее читала!

— Это... это моя книга, — сказала я, показывая на столик и веря, что сей факт избавит меня от необходимости рассказывать, как она якобы или не якобы провожала меня на кладбище.

— Ну, что вы, — как-то не очень хорошо усмехнулась хозяйка. — Эта книга моя. Я ее купила неделю назад в нашем книжном магазине...

— Нет, Галина Петровна, вы не поняли — я ее написала... Я — автор...

Она недоверчиво оглядела меня всю, с ног до головы, потом взяла книгу, нашла там в самом конце, на последней странице мою фотографию и вновь посмотрела на меня.

— Да... Надо же... Интересно-то как... Не хотела так прямо спрашивать, а теперь сам бог велел — что вас ко мне привело?

— Хотите — автограф вам свой дам, — предложила я вместо ответа на вопрос.

— Хочу. Потом. Когда поговорим, чайку попьем... Я писателей уважаю. Только все-таки сначала на вопрос мой ответьте. Мне вот и Любе.

Ну, вот я и узнала, как зовут мою спутницу! В квартире повисла пауза, но ее тут же нарушила Люба и стала рассказывать о моих попытках и причине поисков Галины Петровны и, разумеется, о моем отце. Хозяйка несколько смягчилась, но сказала, что не может держать в памяти, когда кому и что помогла сделать на кладбище, а также добавила про свои литературные опыты. В общем-то, всем, кто ее знает, известно, что она пишет рассказы, только вот работы этого жанра издательства сейчас, говорят, практически не берут...

— Вот-вот, и об этом мы говорили, — подхватила я. — Не помните?

— И об этом я со многими говорила, — твердо стояла на своем Галина Петровна. — Но не пойму — какое все это имеет значение? Со слов Любы выходит, что вы в знак благодарности за оказанную мной на кладбище услугу хотите помочь мне издать рассказы? И с этой целью меня иска-

ли? Но ведь это смешно, милочка. Зачем вы меня обманываете, не пойму. Вы ведь и рассказов-то моих не читали...

— Не читала... А... Люба ваша их читала?

— Люба знает каждую мою строчку! — отчеканила Галина Петровна. — Так же, как и все обо мне... Она не просто моя подруга... Она и защитница, и советчица, и спасительница... Нас боль объединила... Но сейчас это уже не просто поддержка... Мы стали частью друг друга...

— Хорошо, я признаюсь, что искала вас, чтобы сказать одну вещь... Жизненно важную... Но — только вам...

— Галочка, я пойду к себе, пока вы тут разговариваете, — спокойно предложила Люба.

— Нет, постой! Послушайте, гостя моя нежданная, если ваше сообщение связано с какой-то грозящей мне опасностью, то Люба обязательно должна остаться!

— Связана. И я рада, что могу сказать все вам обеим.

Женщины сели друг против друга, и я тихо, не спеша начала долгое повествование, рассказав сначала все о своей оригинальной тетке со скупердяйскими наклонностями, а потом плавно перейдя к девушке, случайно оказавшейся на чердаке чужого заброшенного дома и подслушавшей планы мафии относительно участи моей родственницы и Галины Петровны, а также их квартир... Девушку я не назвала, никто меня на это не уполномочивал, к тому же ни имя ее, ни место работы не имели для нас абсолютно никакого значения. Самый живой интерес у женщин вызвали ухищрения бандитов, «узнавших» в тетке свою родственницу. Несмотря на вполне естественную тревогу, вызванную моим рассказом, обе женщины тут искренне хохотали! А потом, образно говоря, взяли за голову.

— Сейчас же пойду в полицию! — решительно заявила Галина Петровна.

Я тут же сообщила, что полиция уже занимается этим делом, и руководитель группы, которому поручено найти и обезвредить банду, сидит сейчас в машине недалеко от этого дома, ждет, когда поговорю с моими милыми собеседницами, параллельно получает нужную информацию и дает ценные указания своим коллегам и подчиненным. И если Галина Петровна и Люба готовы помочь в расследовании, то надо немедленно позвонить ему.

— Я готова. А ты, Галь?

Галя тоже оказалась во всеоружии. Вообще мои собеседницы вовсе не были в шоке — наоборот, они как-то подтянулись, собираясь в любой момент дать недругам достойный отпор.

Я связалась по телефону с Николаем Николаевичем, доложила ему обстановку, а он ответил, что сейчас за нами придет машина без поли-

цейской символики, назвал ее номер, причем уточнил, что водитель поднимется к нам сам и предъявит удостоверение на имя Эдуарда Михайловича Гололобова. Надо же, как тесен мир — к нам явится Эдуард, который уже был задействован однажды в расследовании, проводимом моей подругой...

Господи, что значат эти скупые, безликие, ничего не выражающие слова — моя подруга! Да ведь речь идет об уникальнейшем человеке, соединившем в себе способности следопыта, разведчика и других профессионалов, которые чистят наш мир от насильников, грабителей, убийц и всяческого беспредела. О моей Вале... Валентине Васильевне Орловой... Мы росли с ней в одном дворе, учились в одной школе, только она после окончания института отправилась работать в уголовный розыск родного города, а я вышла замуж и уехала в соседнюю область. Но это не мешало нам часто встречаться и даже вместе расследовать несколько интересных и весьма запутанных дел, касающихся меня, моей семьи и наших друзей. Уже лет пять как Валентина расправила крылья — создала свое частное детективное агентство и работает самостоятельно. Правда, порой встречаются дела, где без помощников не обойтись. И таких у нее немало — Женя Сорокин, мент на пенсии, наблюдательная и бесстрашная дама Зоя Алексеевна и, конечно же, я. Честно говоря, как только там, на радио, я узнала, что грозит моей тетке, то сразу же мысленно прокричала Валентине: «На помощь!» Мысленно — потому, что лишь два дня назад я звонила ей, чтобы поздравить с днем рождения, но услышала сообщение автоответчика о том, что она, Валентина, уплыла в командировку. Осторожная подруга не уточняла, когда появится в родных стенах. Я, конечно, попробую позвонить ей еще раз. Возможно, вернется ее муж, Платон Петрович, который давно уже сидит в Сибири у больной своей матери и не может решиться перевезти ее к Валентине — врачи не советуют, старушка может не перенести долгой дороги.

Я сказала Николаю Николаевичу, что очень хочу остаться здесь до приезда этого Эдуарда, который потом, надеюсь, подбросит меня до метро.

— Но как же ваша тетя? — спросил он.

— Она под присмотром. С ней — мой брат.

Очевидно, он махнул на меня рукой, сказав, чтобы я действовала, как велит мне мой светлый ум, напомнил, что у него есть номер моего московского телефона и телефона тетки, что он будет обо всем меня информировать и так далее.

Эдуард вырос на пороге очень быстро — весь какой-то квадратный, похожий на робота, сильный и жизнерадостный.

— Уважаемые дамы, прошу со мной! — вежливо скомандовал он.

Галина Петровна и Люба двинулись, было, за ним, но тут из комнаты выплыла я и проворковала:

— Эдик!

— Елки-моталки! Опять маньяк?

В прошлый раз в нашем деле фигурировал серийный убийца.

— Нет, нет!

— Ну, слава богу! А то у меня могло сложиться впечатление, что вы их прямо сеете... Как разумное, доброе, вечное... А вы мастерица влипнуть в истории, как я посмотрю...

— Тут не я — тетка моя влипла...

— Вот я и говорю — мастерица! Тетка-то не чья-нибудь, а ваша! И я ведь угадал!

— Что угадал?

— Что эта ваша Валентина, сыщица непревзойденная, хоть мы тоже тут не лыком шиты, не зря сюда летит! Видно, с вами будет этих старушек крутить...

Про старушек он мне сказал почти шепотом, чтобы женщины этого не услышали, но мне было плевать на эти тонкости. Что он сказал? Валя летит сюда? Господи, да неужели?

— И... когда же она прилетает?

— Сейчас отвезу женщин в управление и там уточню. Комов звонил, просил, чтобы машину мы отправили за ней в аэропорт, и номер рейса назвал.

Комов возглавлял уголовный розыск в городе нашего детства. Валя моя работала с ним много лет. Он же помог ей получить лицензию на частную сыскную деятельность.

— Ну, так вперед!

Мы вышли вчетвером — этакая развеселая компания после хорошего застолья, это, видимо, входило в задачу Эдуарда, он немножко покачивался на ходу, а я ему подыгрывала. Люба тоже попыталась что-то изобразить, лишь Галина Петровна шла уныло, опустив голову. В глубине двора, вернее, на краю площадки, обозначавшей двор, боком к нам стояли две дамы и делали вид, что ужасно заняты разговором друг с другом, а сами косили на нас глазами. Люба тронула меня за локоть:

— Они! Вон те две мымры... На кладбище за нами следили... А теперь тут стоят, паразитки!

— Не ошибаетесь? — остановившись, спросил Эдуард.

— Они, — кивнула Галина Петровна.

— Спокойно, дамы! Ждите меня здесь. Делаем вид, что я кое-что забыл и спешно возвращаюсь домой... Ключики ваши дайте на всякий слу-

чай... От квартиры вряд ли понадобятся, я из подъезда постараюсь позвонить... Но кто знает, вдруг там народ окажется... А вы тут дирижируйте оркестром! — бросил он мне, убегая.

Вернулся Эдуард быстро и сказал мне, что ордер на арест подозрительных дам получить, скорее всего, не удастся, но его коллеги постараются установить их личности. Но для этого нам необходимо еще немного побыть во дворе. Уйдем мы — смоются и они.

Наш предводитель сделал несколько танцевальных движений — гулять так гулять, а потом стал рассказывать анекдоты, и мы просто покатывались от смеха! Дамы продолжали стоять и ждать, куда мы направимся — видимо, их проинструктировали выявить связи Галины Петровны, ее характер, пристрастия и прочее. Я стояла к ним лицом и первая заметила мужчин, которые спокойно подошли к дамам, попросили их предъявить документы, а потом попросили следовать за ними. Мужчин было двое, оба — в штатском. Дамы покорно двинулись за полицейскими, не предполагая, что их давно вычислили. Теперь мы могли уйти с легким сердцем.

— Да, а... едем-то мы зачем? — спросила Галина Петровна, уже садясь в машину. — Этих двух «ворон» ведь уже увели...

— Нужен ваш рассказ, уважаемые женщины, — заверил их Эдуард. — Как живете, с кем общаетесь, кому доверяете, кому душу открываете... Ведь откуда-то эти мошенники про вас, Галина Петровна, узнали! К тому же вам будут предъявлены фотографии... Может, какие-то люди на них покажутся вам знакомыми... Словом, есть нужда, есть! Да и вам под нашей опекой спокойнее будет!

Эдуард сгрузил нас у старого здания еще сталинской постройки, провёл в нужный кабинет, представил и ушел выяснять, когда прилетает детектив Орлова. Я же вынуждена была повторить рассказ о том, как бандитские осы летят на мою тетку, принимая ее за мед. Не за яд. Могла ли я думать тогда, что этот штрих насчет меда и яда впоследствии обернется против меня!

Эдуард заглянул в кабинет и, поняв, что я уже предоставила всю информацию, какой владела, освободил меня от своих коллег — просто взял за руку и вывел в коридор.

— Через полтора часа! — быстро сказал он. — Времени — в обрез!

И уже через минуту мы с Эдуардом мчались в аэропорт...

Глава 3

Среди пассажиров, вошедших в холл, я не сразу узнала свою подругу. То есть сначала я просто не обратила внимания на понурую, какую-то поблек-

шую женщину средних лет, медленно передвигавшую ноги... Мне и в голову не пришло, что Валентина может оставить свою летящую походку и двигаться вперед вот так, старушечьим шагом. Но когда глаза мои еще раз скользнули по этой фигуре, и я убедилась, что передо мной — дорогая подруга, то тут же бросилась к ней, выхватила ее из пассажиропотока и прижала к себе.

— Милая ты моя... Родная, — шептала я ей, вытаскивая из своей сумки чистый носовой платок, так как мне показалось, что она вот-вот заплачет. — Все хорошо... Все будет замечательно... Ты прилетела... Я так рада... А тут Эдуард тебя встречает. Вон бежит, видишь? Прямо угольничек наш движется...

— Двигается... Хорошо, что ты меня встретила! Ну, как, ты уже обжилась в столице? Привыкла?

— Привыкаю...

— А Лизина квартира пустует?

Лиза — моя приятельница, она же дальняя родственница и владелица однокомнатной квартиры, давно живущая за рубежом, у своего мужа, и так же давно вручившая мне ключи от своего жилья. Именно здесь я останавливалась, когда приезжала из своего провинциального города на переговоры с издательством, когда дорабатывала свои рукописи... В Лизиной квартире я фактически написала несколько книг, но известность мне принесла лишь последняя, мистическая...

— Пустует. Да и мы с мужем одни, дети в турпоездке, каникулы ведь... Так что выбирай, где тебе обосноваться. Поживи в Москве, побудь со мной. С нами...

— Ты прекрасно знаешь, что я не люблю никого стеснять. Поедем сейчас прямо туда, ладно? Мне необходимо развеяться... И о многом поговорить с тобой... Иначе я просто скончаюсь от своих проблем...

Вот это да! Валентина меня удивила — она всегда была твердокаменной, ей явно не хватало нежности, жалости к людям, способности к обычному участию и состраданию... Сухарь, как сказали бы раньше. Наверное, это была ее броня, которая скрывала горечь от неудачного первого замужества... Ее муж ушел к другой женщине, которая родила ему ребенка. Моя Валентина сделать этого не сумела, хотя и очень хотела стать матерью. Много лет она жила одна, бронированная от мужских ласк. И неожиданно вышла замуж за своего коллегу Платона Петровича. Она здорово переменилась — засияла, как драгоценный камень в прекрасной огранке. К этому времени ее слава честного и весьма удачливого сыщика достигла своей вершины... И все-таки в глазах ее за голубым сиянием я видела боль и тревогу. А позже узнала, что Платон Петрович не разведен

со своей первой женой, что эта женщина больна и почти все время проводит в психиатрической лечебнице... Развод бы она просто не перенесла... Но выход нашла мать Платона — ей очень понравилась Валентина, и эта женщина вызвалась ухаживать за больной, освободив своего сына для новой жизни. И вот сейчас моя Валя прилетела оттуда, из Сибири...

Мы сели в машину Эдуарда, и по пути подруга рассказала мне, что Платон вынужден был остаться в родном своем сибирском городе, так как его матери недавно была сделана операция, и она нуждается в уходе. А потом они намереваются забрать ее к себе...

— А как же... другая женщина? — осторожно спросила я.

— Господи, не знаю, не знаю, не знаю! Это какой-то замкнутый круг. Оставить ее навечно в лечебнице — сердце не выдержит... Она же бывает вполне нормальной... Скорее всего, мы и ее перевезем к себе... Раздобудем ей квартиру, сиделку... Хотя свекровь говорит, что продолжит за ней ухаживать. Словом, посмотрим... Да, а ты откуда узнала, что я сегодня прилечу, а?

— Эдуард Михайлович сказал...

Эдуард кивнул и буркнул что-то вроде «так точно».

— Нет, ну а к Эдуарду-то ты зачем обратилась?

— Вообще-то мы с ним случайно столкнулись... В квартире потенциальной жертвы...

— Жертвы — чего?

— Обмана. Разбоя. Грабежа. Не знаю, еще чего. Всего.

— Та-а-ак... Значит, вы оба встретили меня, чтобы сразу же запрячь в какое-то каверзное дело, с которым не в состоянии справиться сами, — сделала вывод Валентина.

— Я тут ни при чем! Мне вас поручило встретить мое московское начальство — по просьбе вашего Комова... Но вообще хочу сказать, что дело чрезвычайно интересное! Прямо пальчики оближешь! — ответил Эдуард. — Главное — преступления-то еще не произошли. И мы можем наблюдать, как противная сторона к ним готовится, на какие идет хитрости и уловки... Только вот эта противная сторона в сети к нам еще не попала... Идет борьба — кто кого перехитрит.

— Кто какой спектакль поставит, — продолжила я. — Конкурс на лучшую режиссуру. Один спектакль оказался превосходным, а главным зрителем была моя тетка... Тетя Лия...

— А второй спектакль у них не получился — исполнители оказались хреновые, и наши их «сфотографировали». Задержали при проверке документов — под видом того, что у женщин якобы фальшивые паспорта. Проверили, где живут. Срисовали, так сказать, их образы. Я пока вас

ждал, звонил из аэропорта в отделение... Обе безработные, деньги добывают участием в рекламе разных химических препаратов для похудения. Не гнушаются и другими случайными заработками. Знакомый мужчина попросил их подружиться с Галиной Петровной, так зовут жертву. Обе в один голос утверждают — что, мол, в этом плохого? Галина Петровна — одинокая женщина, они не причинили бы ей зла, даже наоборот. Похоже, они действительно не в курсе итогов всех этих знакомств...

— А итогами, вероятно, должны стать квартиры этих женщин, да? — спросила Валентина.

— Разумеется, умница ты моя! А имя того мужчины, работодателя, эти женщины назвали? — спросила я.

— Не понял. Сейчас приеду — узнаю.

Мы подъехали к нужному дому, вручили Эдуарду номер телефона в этой квартире и распрощались с ним, причем каждый знал, что ненадолго. В Лизином жилье у меня, к счастью, был и чай, и сахар, и даже печенье — я ведь и теперь, после переезда всей нашей семьи в Москву, навещаю сюда, когда мне нужны тишина и покой. Литературные опусы не любят шума, бесконечных телефонных разговоров моей взрослеющей доченьки с одноклассниками, прыжков маленького сынули, занимающегося карате. Да и пребывание мое на родной кухне всегда заканчивается победой хозяйки над писательницей, то есть моется посуда, чистится холодильник, а листы бумаги лежат нетронутыми на письменном столе...

Мы с Валентиной разделились, умылись, приготовили себе чай и уселись, можно сказать, ужинать — в соответствии со временем. Между всеми этими действиями я рассказала ей о Яне и подслушанном ею разговоре, о походе к тетке и ухищрениях бандитов выдать одного из них за ее племянника, о Галине Петровне и моем знакомстве с ней.

Валентина преобразилась прямо на моих глазах — еще бы, ведь она в жизни своей ни разу еще не упустила возможности разгадать столь сложную и интересную загадку. Забыв про чай, про еду, про свои личные неурядицы, она схватила чистые листы бумаги, которых у меня в этой квартире было навалом, вытащила свою паркеровскую ручку, подаренную ей кем-то из спасенных клиентов агентства, и, подробно выпрашивая меня о каждой мелочи, стала чертить свои знаменитые фигуры. На некоторые из ее вопросов я не могла дать вразумительных ответов. Ну, например, почему полиция не может найти эту Леру по зарегистрированной собственности — ее дому, где происходил разговор об отъеме квартир у стариков. Девушка Яна помнит лишь вокзал, с которого туда ехала, и то, что деревня эта практически брошенная... Но сейчас таких деревень — половина России...

— Странно... Почему она поехала именно в эту деревню?

— Она поехала, куда глаза глядят!

— М... да? Хорошо-хорошо... Слушай, давай-ка позвоним Эдуарду, расспросим у него, нет ли чего нового в этом деле, узнаем, где живет Яна, и отправимся по указанному адресу. Идет?

Спорить с Валентиной было бесполезно — в ее методику расследования входит обязательная «отработка» каждого участника преподаваемой ей криминальной истории, включая и неизвестного мальчишку, следившего за Яной.

Эдуард сообщил нам, что Галина Петровна не подозревает никого из своих соседей в связях с бандитами, она со всеми в хороших отношениях, да и как иначе — жильцы здесь почти не менялись и знают друг друга с момента заселения дома. Квартиру свою она пока еще ни на кого не оформила и не спешит это делать — хочет проверить слух насчет своей внучки. Бывшая знакомая ее сына, которую он якобы любил, родила от него ребенка, но, не имея собственного жилья в Москве, давно уже уехала в провинцию, где у нее был дом. Галина Петровна знает, как ее зовут, но не знает точного адреса, и Эдуард уже оформил запрос своим коллегам в том городе. Что же касается задержанных во дворе Галины Петровны дам, то они набросали словесный портрет своего работодателя — женщины средних лет, белокурой, худенькой и юркой, из тех, о которых говорят, что маленькая собачка до старости щенок. Она, в свою очередь, была знакома с кем-то из мужчин, руководивших рекламной кампанией, в которой участвовали дамы. Они клялись, что их просили лишь вести себя так, чтобы заслужить приглашение в дом Галины Петровны, разузнать о ее привычках, о людях, которые ее окружают, в том числе и о соседях. Но у них ничего не получилось — Галина Петровна смотрела на них как на пустое место... А взялись они за это потому, что им обещали заплатить за каждый день, проведенный с ней. Имени своего работодателя они не знали. Ежедневно в семь вечера они должны находиться возле магазина «Продукты», им сказали, какого именно, и ждать, когда к ним подойдут. Позавчера эта маленькая женщина подходила и была недовольна, что они топчутся на месте. Денег, правда, немного дала. А вчера к ним никто не вышел, и они отправились домой. Сегодня вновь пойдут — в полиции убедили их вести себя как ни в чем не бывало и сообщить своей работодателю, что Галина Петровна пожелала, наконец, с ними познакомиться, причем в самые ближайшие дни. Все это — для того, чтобы потянуть время. В заключение Эдуард дал нам адрес дома, где Яна снимала квартиру, и мы, не мешкая, отправились туда...

Мальчишка стоял у того же магазина, из которого, по описанию Яны, она убежала, и ел пирожное. Скорее всего, он был тот самый, которого

мы искали. Мы остановились рядом и стали рассматривать его как редкий экспонат в музее.

— Чего уставились? — спросил он, изучая в свою очередь нас.

— Эх, если бы ты знал, как мне хочется услышать, кого ты здесь дожидаешься! — вздохнула Валентина.

— А зачем это вам? Ну, сестру жду...

— Да? А где она живет?

— Вот в этом доме! — кивнул пацан на девятиэтажку, в которой и жила Яна.

— А ты где живешь? — не отставала Валентина.

— Я? Да я из деревни к ней приехал. А чего это вы меня допрашиваете-то? Не имеете права!

— Да разве мы допрашиваем? Мы же просто интересуемся. Я, например, как увижу такого пацана как ты, так и думаю — а не голодный ли он, а есть ли ему где ночевать... А тебе-то есть где ночевать?

— Да есть...

— А если сестра не придет?

— Дом в деревне же!

— А из какой ты деревни-то? — подхватила я эстафету. — Я к чему спрашиваю — поздно ведь, скоро стемнеет, как ты доедешь?

— Очень просто, на автобусе!

— А у вас в деревне живут? Есть народ-то?

— Есть немного. Только скоро всех выселят. Карьер у нас рядом, известняк добывают.

— Важино, что ли?

Мальчишка с удивлением воззрился на меня — как это, дескать, я догадалась!

— Важино... Ну, вы даете! Как сыщики...

— Да нет, мы обычные гражданки. Ну, бывай!

И мы с Валентиной пошли к Янину дому. Поднявшись наверх и дойдя до квартиры, мы внимательно осмотрели дверь — обычную, с дерматиновым покрытием, и моя Валентина несколькими движениями руки, в которой была какая-то железяка типа отмычки, отперла замок и спокойно вошла внутрь. Я последовала за ней. Но не успели мы оглядеться, как за нами ворвался тот мальчишка!

— Ой, тетеньки, а чего это вы здесь, а? Это квартира моей сестры...

— Нет, милый мальчик, — спокойно ответила Валентина. — Она нашла себе другую квартиру. А тебя, видимо, забыла предупредить. А здесь теперь мы живем...

— А где же мне теперь искать сестру-то?

— Увы, не можем тебе помочь. Мы и не видели ее никогда. Так что ты уж возвращайся в свою деревню...

Мальчишка ушел от нас расстроенный и, как мне показалось, злой — видимо, теперь не видать ему обещанных Лерой денег.

А мы спокойно обследовали всю квартиру. Честно говоря, я не знала, зачем, и считала наш труд совершенно бесполезным. Но Валентина — педант, она считает, что каждый персонаж драмы должен быть «отработан», и Яна первой подвернулась под руку... Судя по находкам в процессе нашего несанкционированного обыска, девушка любит читать душещипательные романы, книги по философии, у нее оказалась неплохая библиотечка медицинской литературы. Почти весь письменный стол занимал старенький компьютер. Мы его включили. В компе находился всего один диск, и на нем были записаны сценарии радиопередач. Мы открыли последнюю страницу. Там были набраны всего четыре строчки. В стихах.

*Я укрощаю свой «фольксваген»
На сверхубойном вираже!
И вот лечу на Копенгаген,
И этим счастлива уже!*

Странный стих... Интересно, чей? Ее, Яны? Но при чем тут Дания? У нее там кто-то есть? Жених? Впрочем, это не наше дело. Мы и так много времени потеряли в этой квартире.

— Интересное стихотворение, — заметила Валентина, спускаясь по лестнице. — Ни «фольксвагена» у нее нет, ни в Копенгаген она не летит... Очень интересное! Очень...

— Да бог с ней! Я тоже иногда в стихах невесть что выдумываю... Ты говори, что будем делать завтра? Берем с утра Яну и едем в Важино?

— Да. Только надо поставить в известность Эдуарда. А еще лучше, если бы он поехал с нами. Предположим, Яна узнает дом... А кому он принадлежит? Хорошо, если местные скажут. И все равно придется ехать в администрацию, в регистрационную палату и смотреть все по документам.

Да, она права. Найдем мы с помощью Яны дом в деревне, где встречались два не последних человека банды, узнаем, чье это родовое гнездо, отыщем Леру-холеру, она нас выведет на этого Леся, и все дела! Так просто, понятно, нужно лишь время и терпение. И кто тогда знал, что этого времени у нас уже не осталось...

Глава 4

В тот же вечер, оставив Валентину в Лизиной квартире, я поехала к тетке. Брат был еще на своем посту, потому как наша престарелая родственни-

ца чувствовала себя неважно — у нее подскочило давление, и она лежала на постели, вытянув ноги, серая, как покойник. Я тут же вызвала «скорую» и стала восстанавливать тетку собственными средствами — дала ей необходимые лекарства, растерла виски, ступни ног... Тетка порозовела, и когда приехал врач, она уже могла говорить. Я попросила сделать ей укол со снотворным. День закончился нормально, тетя уснула, попросив нас не беспокоиться о ней и ехать домой.

Дома я немного отошла от всех этих свалившихся на меня забот — мы с мужем поужинали и в десятый раз перечитали телеграмму от наших дорогих чад, которые находились в Питере и уже несколько дней осматривали там его достопримечательности — именно такую турпоездку предложили нашей школе на время каникул. Судя по восторженному тексту, дети были счастливы. Мы созвонились с Валентиной и решили встретиться утром на радио. Подруга сообщила, что ее привезет Эдуард. Она уже предупредила Яну о нашем приезде — правда, не сказав ей о цели визита.

Утром я отправилась на радио, возле которого уже стояла машина Эдуарда. Яна разговаривала в своем кабинете с Валентиной, свеженькой, как огурчик. Эдуард рассматривал стены в холле. Я же громко заявила всем, что, прежде всего, следует заехать к моей тетке, а уж потом заниматься остальными делами.

Я с трепетом нажала на звонок. Тишина... Яна с Валентиной оглядывали огромный коридор, похожий на холл какого-нибудь дома культуры. Да, неплохо строили полвека назад! Эдуард тоже заглянул сюда, но тут же вернулся в машину. Наконец я услышала шарканье тапочек и страшно обрадовалась — тетя жива! Она отперла дверь и с недоумением уставилась на мое окружение. Но мы все-таки вошли к ней в прихожую, заявив, что ненадолго, буквально на одну минуту, так как нас ждет машина и срочные дела, что нам лишь необходимо узнать, как она себя чувствует. Тетя выглядела сносно, поэтому мы быстро пожелали ей скорейшего выздоровления и удалились.

Деревня Важино встретила нас идеальной пустотой на улицах. Ни пения петухов, ни хрюканья, ни мычания... Даже собаки не лаяли. Жутко! Сюда мы добрались кружным путем, потому что сначала заехали на железнодорожную станцию. Яна-то шла оттуда! Перед самой деревней мы вышли из машины, оставив там Эдуарда, и пошли пешком. Девушка старательно искала на тропинках собственные следы, но пока тщетно. Мы осматривали каждый дом, прикидывали, можно ли залезть на его чердак, искали старую лестницу без одной ступеньки, приставленную к стене дома. Нет, нет и нет! Яна уверяла, что это все не то, что вообще ей

кажется — она здесь впервые... Мы прошлись по всей деревне и насчитали там тридцать пять дворов. Трубы некоторых из них все же дымилась — значит, есть тут кто живой... Но к таким домам мы вообще не подходили — нам-то нужен пустой!

Мы вернулись на исходную позицию, к машине, и вновь направились к первым домам... За пепелищем стояла огромная, потемневшая от времени изба, а на дорожке валялась деревянная лестница с отломанной ступенькой... Однако она была довольно короткой и вряд ли доставала до чердака... Тогда мы решили еще раз прочесать всю деревню и посмотреть на окружающий ландшафт более внимательно. Яна рвалась вперед, я за ней едва успевала, Валентина же вообще от нас отстала и заявила, что с нее хватит, и она будет ждать нас в машине. Но мне все-таки хотелось помочь Яне, я ведь видела, как она расстроена, что у нас ничего не получается! В самом конце деревни она мне призналась:

— Понимаете, я не чувствую, что была здесь... Все кругом чужое... Конечно, тогда у меня было другое... как бы вам это сказать...

— Обличье! — подсказала я.

— Можно и так... Но все-таки я кое-что запомнила... И это не совпадает с тем, что я вижу сейчас... Главное — «журавля» нет!

— Какого? На крыше?

— Нет. У колодца. Тут на всех колодцах канаты на подъемник наматываются, ручку надо крутить, чтобы ведро с водой вытащить. А там «журавль» был... И в темноте, под луной, он казался страшным, как указующий перст судьбы... Я аж содрогнулась...

Обратно мы шли не спеша, еще надеясь отыскать нужный дом. Я видела, что Яне стыдно перед нами — молодая девушка едет за город и не помнит, куда... Попытка на этот раз оказалась неудачной, но ни чего не поделаешь, пора было возвращаться домой.

Эдуард стоял возле машины и рылся в моторе — его голову мы увидели за открытым капотом. Через пару минут он уже сидел за рулем, а через полчаса мы были в Москве. Расстроенную Яну довезли до радио, я, не дожидаясь вечера, поспешила к тетке, а Валентина поехала с Эдуардом в управление, заявив, что у нее там — масса дел, которые она отложила из-за меня.

Тетка долго не открывала. Соседка, услышав мой стук, выглянула из своей квартиры и сказала мне, что не так давно видела Лию Семеновну с племянником и его женой. Хм... Жена Мирона должна была быть в Болгарии... Стало быть, приехала... Наконец тетка открыла дверь. Я ввалилась с продуктами, быстро сняла обувь, чтобы самой пробежать на кухню и положить все в холодильник, но она меня перехватила — не дай бог,

я загляну в холодильник и увижу, что она ест и пьет... Перехватила и тут же отпустила пакет с продуктами, признавшись, что у нее кружится голова... И вообще она была не просто квелая, а какая-то странная и... сонная, как будто на нее еще действовало вчерашнее снотворное...

— Помоги мне... Помоги, — услышала я и бросилась в комнату.

Тетка лежала на полу — она не добралась ни до кровати, ни до дивана. Я с трудом уложила ее на диван и вновь вызвала «скорую». Дежурная, спросив, в чем дело, и узнав возраст больной, ответила, что машина будет не раньше чем через час. Я бросилась готовить тетке питье и обнаружила на кухне прекрасно заваренный чай! Удивительно... Я напоила свою старушку чаем с лимоном, измерила ей давление — тонометр у нее старый, и я делала это довольно долго, а потом, убедившись, что оно у нее почему-то пониженное, решила ее просто хорошо накормить. Голова у нее после второй чашки чая вроде бы уже не кружилась, и я стала готовить обед, а пока куриный бульон варился, позвонила Мирону. Я не надеялась его услышать — в это время он почти всегда на работе, ответит жена. Но услышала именно его голос! Я сказала Мирону, что после их ухода от тети ей опять стало плохо, что я звоню от нее, что вызвала «скорую», но врач еще не приехал, а также что я его поздравляю с возвращением родной женушки... Что? Что он сказал?

— Мирон, не шути, соседка видела, как тетя Лия часа полтора-два назад провожала тебя с женой... Откуда? Из своей квартиры, откуда же! Не был... Ты там не был... Подожди, не клади трубку!

Я разговаривала на кухне — здесь у тетки стоял параллельный телефон, но теперь бросилась в комнату. Тетка уснула. Или сделала вид, что уснула, так как ей не хотелось признаваться, что она впустила в дом незнакомых людей... Неужели это новоявленный племянник с «женой», взятой напрокат в банде... Впрочем, может, она — его настоящая жена, и они вместе занимаются этим криминальным промыслом. Пока я раздумывала, что делать, и призывала к этому же Мирона, приехала «скорая», так что тетке волей-неволей пришлось проснуться. Когда врач ее осматривал, я взяла быка за рога.

— Понимаете, доктор, тут моя тетя кого-то впустила в квартиру... Незнакомых людей... И после этого ей стало плохо... Обратите, пожалуйста, внимание, нет ли признаков какого-то физического воздействия на нее... Или химического, — чуть слышно добавила я.

Доктор очень внимательно осмотрел руки и ноги больной и вдруг спросил:

— Какие инъекции вы себе делаете? Я вижу, у вас на ногах — следы от уколов...

Тетка назвала лекарство, которое постоянно вводит себе по рекомендации врачей. Он одобрительно кивнул, а потом спросил, что она вводит себе в вену. Тетка уставилась на него с немым вопросом, а потом ответила, что в вену не вводит ничего и никогда, да и не в состоянии этого сделать сама.

— У вас всегда пониженное давление? — вдруг спросил он и стал перелистывать ее медицинскую карточку, которую тетка всегда держала на виду.

— У меня никогда не бывает пониженного давления! — отчеканила она.

— У вас сейчас пониженное давление, — мягко, но настойчиво сказал доктор.

Я спросила, не подозревает ли он, что тетке был сделан какой-то укол, понижающий давление, а заодно и стирающий из памяти то, что произошло после этого. Он ответил, что это не исключено, сейчас множество различных препаратов.

— Да, но нельзя же сделать укол насильно, — прошептала я. — Если это произошло, почему она не подняла крик?

— Она могла и этого не помнить, — ответил доктор. — На нашем теле есть точки, умелое прикосновение к которым лишает человека сознания... Ненадолго, иногда на несколько мгновений. Но их бывает достаточно, чтобы ввести человеку вещество, которое он в разуме никогда бы не принял...

— А... след от укола — свежий? — уточнила я.

— Полагаю, что да. Вообще, ей необходимо обследоваться. Завтра же вызовите участкового врача. А пока купите в аптеке вот это... Думаю, не будет большого греха, если вы полечите ее дома... — и доктор протянул мне рецепт. Я попросила его задержаться и стала звонить Николаю Николаевичу. Его на месте не было. Я связалась с Эдуардом и изложила ему все, что узнала и заподозрила, а потом по его просьбе позвала к телефону доктора. Он сказал Эдуарду, что все понял и сделает, вновь передал трубку мне и попросил листок чистой бумаги. Я открыла папку, вытащила самый первый чистый лист и подала его доктору. Он уселся за обеденный стол, вытащил из кармана свою ручку, которой писал мне рецепт, и занес ее над листом, но тут же вернул мне его, сказав, что бумага вся исчеркана. Я дала ему другой листок, а этот положила рядом с собой и, разговаривая с Эдуардом и присоединившейся к нему Валентиной, внимательно его рассмотрела. Нет, на листе не было ничего написано. Буквы на нем были выдавлены. Я вытащила из сумки лупу и осмотрела лист. Мне была прекрасно видна каждая буква! Но — там ничего не было написано! По всему листу оказались разбросаны загогу-

лины, символизирующие теткин подпись! Об этом я не решилась говорить при докторе, поэтому перешла на шифр, которым мы часто разговаривали по телефону с Валентиной, если нам нужно было поведать о чем-то, не предназначенном для чужих ушей.

— Что-что? Это потрясающе! И чья там стоит подпись? Подпись, говорю, чья?

— Ты что орешь? — пропела мне в ухо Валентина. — Там что, подпись вырисовывается?

— Да!

— Тетина?

— Да!

— А под каким документом? Уж не завещание ли ее заставили написать?

— Образцы минералов, говоришь? Вот это да!

— Образцы ее подписи, — допела свою песню моя умная подруга. — Что ж, вполне возможно, что они ее отключили от внешнего мира и она подписала какой-то заранее подготовленный ими документ. Какой — мы пока не знаем... А ты возьми с собой бумагу, которую доктор напишет, и привези нам сюда. Если, конечно, сможешь оставить тетю. Мы бы сами подъехали, да вдруг эти умники там дежурят, наблюдают... Слишком интенсивное движение может вызвать подозрения и ускорить развязку... А так, надо надеяться, у нас еще есть время.

— Ну, это смотря какой документ, — разумно заметила я. — Но об этом — при встрече!

Доктор закончил писать, протянул мне бумагу, скрепленную собственной подписью, пожелал нам всем здоровья и быстро удалился. Я принесла тетке подогретый бульон и начала ее кормить. Аппетит у нее был хороший, и это меня порадовало — от большого куса курицы остались одни косточки. В ходе нашего обеденного «шоу» я опять попыталась выспросить у нее про незваных гостей, но она молчала как рыба. А потом все же бросила мне, что нечего ее учить, она за версту видит хороших людей, хотя их всегда стараются оклеветать, и что мы такие черствые, невоспитанные, то есть понеслась старая песня о главном! Но странная вещь — тетка при нашем появлении всегда была в ударе, а тут она говорила словно по инерции, не вкладывая в это свою энергию. Потому что энергии-то этой у нее не было. Она попросила меня постелить постель, разделась, укуталась в одеяло и сказала, что больше в моей помощи не нуждается, и я могу уйти.

Оставив тетку в одиночестве, взяв с нее слово, что, если ей будет хуже, она позвонит мне или Мирону, заверив ее, что утром я буду здесь

как штык, а сейчас ей лучше всего уснуть и ни о чем не думать, я отправилась в сторону метро — другим транспортом до Эдуарда с Валентиной мне было не добраться. Конечно, я ругала себя за то, что не сумела объяснить своей молодящейся старушке, сколь опасны люди, стремящиеся втереться к ней в доверие, и какие опыты они, возможно, над ней уже проделали. Но я отлично понимала — эти люди так умело воздействуют на ее психику, что она не в силах будет ничего изменить, а мои предостережения отразятся лишь на ее давлении. И утешала себя тем, что полиции-то все известно, а, значит, и меры будут вот-вот приняты... Я ведь не знала тогда, что ошибалась, причем самым роковым образом...

Глава 5

Похоже, Эдуард с Валентиной не очень-то меня и ждали — во всяком случае, когда я пришла в управление, они совещались в каких-то кабинетах, а мне было предложено их подождать. Появились они, явно наполненные новой информацией — глаза Валентины горели, как всегда, когда у нее есть уверенность, что в расследовании выбран правильный путь. Интересно, отчего бы это? Ведь я знаю столько же, сколько она...

Что же они еще тут выловили, в недрах этих кабинетов?

— Не изображай из себя вопросительный знак, — сразу сказала мне подруга. — Просто мы тут проверяем одну версию, которая кажется неправдоподобной... И вот когда все узнаем и поймем, то поделимся с тобой...

— А не стоит ли это сделать сейчас? — спросила я Эдуарда. Он открыл, было, рот, чтобы ответить на мой вопрос, но тут в кабинет вошел Николай Николаевич и стал подробно выспрашивать меня обо всем, что случилось у тети, а также изучать докторскую бумагу — версию, подозрение, что именно могли ввести моей тете для потери памяти и здравого смысла... А также листы со следами подписей моей тети... Я рассказала им троим о демарше, предпринятом «племянничком» в мое отсутствие, и выразила тревогу — бандиты действуют слишком быстро и ничего не боятся!

— Думаю, они уверены, что бояться им нечего, — ответил Николай Николаевич. — И тут они, голубчики, очень даже ошибаются, потому что я только что из лаборатории, экспертиза подтвердила, что пальчики... гм... на вашем, Валентина Васильевна, предмете совпадают с теми, которые мы добыли сами, и это уже очень, очень интересно... К тому же

продвинет нас вперед. Эдуард Михайлович, поработайте с базой данных более плотно... Прямо сейчас...

Я заметила, что хотела бы знать, что будет дальше, но Николай Николаевич ответил, что пока это ребус, который они еще не решили, и пожелал мне спокойно провести хотя бы остаток дня. Валентина тоже мне лучезарно улыбнулась и дала слово, что завтра я узнаю обо всем. Я думала, что подруга отправится со мной, но, узнав, что здесь ей выделили рабочее место, вздохнула и покинула кабинет.

Домой я пришла измученная и усталая. Мой муж, самый терпеливый мужчина на свете, обогрел меня, накормил, успокоил и сообщил радостную весть — наши отпрыски послезавтра будут уже дома. И слава богу, а то когда они далеко от нас, мне всегда за них тревожно и боязно. А уже завтра, с самого утра, я пойду к тетке и начну следить за этими разбойниками, то есть начну свое собственное расследование. Глупо, конечно, но в последнее время я стала обидчива. А теперь — спать. Тетка не позвонила — значит, с ее здоровьем все в порядке...

Не было еще и восьми утра, а я уже звонила и стучала в дверь моей своенравной Перчик. Глухо! Тишина. Спит. Но что же мне теперь, торчать в коридоре? Я не поленилась, вышла из подъезда, обогнула дом и оказалась под ее окнами. Они располагались довольно высоко от земли, и я не могла видеть, что происходит в теткиной комнате. К тому же окна были занавешены. Я поступила как всегда — нашла веточку и осторожно поскребла ею по подоконнику, ожидая услышать законный вопрос — кто это там мешает видеть утренние сны? Но не услышала. Господи, да уж не стало ли ей опять плохо? И лежит, небось, моя бедная тетя, беспомощная, с высоким давлением, и голова у нее раскалывается, и сердце болит, и не может она ответить на мой стук — просто не в силах... То, что она может спать богатырским сном и не слышать вообще никаких звуков, я полностью исключила — сон у тетки всегда чуткий... Что ж, значит, придется мне выдать свою тайну — давным-давно, когда тетка лежала в больнице, она попросила меня полить ее цветы и вручила ключи от квартиры. Я выполнила ее поручение, но по пути зашла в мастерскую по изготовлению ключей, заказала еще одни и оставила их у себя, ничего не сказав родственнице. Я предвидела — наступит день, когда мне придется ими воспользоваться. Так оно и случилось. Я быстро отперла дверь, вошла в теткины хоромы и тихо позвала ее:

— Тетя Лия! Тетя Лия!

А потом — громко. Потом — еще громче... Ответа не было... Пока я снимала свои ботинки — традиции неистребимы, в голову пришла шальная мысль — ее похитили! Наконец я разулась и на цыпочках вошла

в комнату... Тетя спала... Только лежала она почему-то в халате и поверх одеяла... Я бросилась к окну и отдернула шторы. Звенящая тишина, делающая тревожным все окружающее пространство, превратила меня в какую-то ватную куклу, которая приблизилась, наконец, вплотную к тетиной постели. И только тут я увидела темный комочек на ее лбу... И тетино лицо со страдальчески вытянутыми морщинами — поседевшее, безжизненное и беспомощное... И глаза, в которых застыла боль... И руки, вытянутые, словно для защиты... Видимо, она старалась оттолкнуть от себя человека, принесшего ей смерть, но он оказался сильнее... Он или она?

Я тут же набрала номер телефона в Лизиной квартире. Валентина взяла трубку — судя по голосу, она уже давно проснулась.

— Валя, приезжай... Тетя...

— Что, у нее уже высадился целый десант племянников?

— Ее убили, — произнесла я, растягивая каждый слог, чтобы она поняла — это не розыгрыш, это — трагедия!

— Я тебе сочувствую... Держи себя в руках, пожалуйста... Только скажи — а ты уверена, что ее... убили? Что она не сама нас покинула? Ей ведь уже больше девяноста лет, так?

— Я уверена, что в нее выстрелили, — сказала я тоном, не вызывающим сомнений. — У нее дыра в голове... Во лбу... И... крови нет совсем, понимаешь? Маленький темный комочек... Как бородавка... И тетя Лия... Господи, неужели ее больше нет? — Я не выдержала, и на мои глаза навернулись слезы.

— Но она, как я поняла, всех вас доставала? — все-таки спросила эта язва Валентина.

— Да, да, но это не значит, что мы ее не любили! Родная кровь — это не пустые слова... Я просто умираю от жалости... И совершенно не знаю, что делать!

— В таких случаях вызывают, прежде всего, врача и полицию. Ты в состоянии это сделать? Происшествие зафиксируют в тетином округе. Констатируют смерть... Все это необходимо оформить документально. А я сейчас постараюсь поймать Николая Николаевича и Эдуарда... Родственники твои уже извещены?

— Нет. Я тебе первой позвонила.

— Извести.

— Но что мне делать... с ней?

— А вот с ней как раз ничего не надо делать. И вообще, уйди из комнаты, там, я заметила, и на кухне есть телефон, вот оттуда и звони. Может быть, какие-то следы преступник и оставил... Крепись, моя дорогая!

Я крепилась. Позвонила всем, кому надо. И вдруг начала страшно чихать. И кашлять. И плакать. Я и не представляла, какое это горе — смерть ближнего, и как безжалостно оно может обрушиваться на человека! У меня было такое состояние, словно я вот-вот потеряю сознание... Очнулась я на тетиной кухне, возле меня хлопотали медсестра и Валентина. Подруга рассказала мне, что медики появились вместе с полицией и первым делом оказали помощь мне, а уж потом принялись за тетю. Причем врач предположила, что тетя моя скончалась, скорее всего, накануне вечером. Полицейские, два молодых человека, тщательно осмотревших место происшествия и осведомленных о том, что это преступление, вероятнее всего, входит в целую криминальную серию, попросили меня рассказать о тете, ее друзьях и недругах, и высказать свои подозрения, предположения о мотивах убийства и о том, кто это мог сделать. И я понеслась вскачь! Но когда дошла до банды, то приостановилась и пояснила, что обо всем лучше изложат люди, которые сейчас этим занимаются. В частности, Валентина. Я рассказала о своей подруге, которая в это время позванивала чем-то на кухне, и громко позвала ее. Валентина тут же вошла в комнату и вдруг... неожиданно расчихалась так же, как я! А потом стала зачем-то рассматривать тетин халат и показала вошедшему Николаю Николаевичу, которого я сначала не заметила, какие-то тонкие темные ниточки... Он протянул ей пакетик, в который она их и опустила, после чего встала на колени и обследовала всю территорию возле тетиной постели. Пока наша Пуаро в юбке занималась ниточками, Николай Николаевич поставил своих молодых коллег в известность относительно уже ведущегося расследования деятельности банды. Дальнейшего разговора я не слышала, потому что мне вновь стало плохо, и Валентина заставила меня выпить какое-то лекарство.

Молодые люди уехали, Николай Николаевич тоже, пообещав принять все необходимые меры, а Валентина осталась со мной, хотя предупредила, что пробудет недолго, что у нее есть версии, требующие немедленной проверки. Она дозвонилась до Мирона и спросила, когда он подъедет. Он ответил ей, что не может дозвониться до нашей сестры Миры, но сейчас приедет мне на помощь.

Я опять разревелась, а Валентина вдруг стала расспрашивать меня о Мире — господи, неужели решила и ее «отработать»? Да сестренка наша — добрейшей души человек, свое последнее отдаст, чтобы кому-то помочь... Я стала звонить ей по межгороду, зная, что Мира сможет выехать только вечером. Она у нас не просто медсестра хирургического отделения. Она еще и операционная сестра и сейчас как раз готовилась

к срочной операции. Но я все равно ей все сказала. А Валентина подняла трубку параллельного телефона и стала слушать наш разговор.

— Вот, а ты думала, что она притворялась, когда говорила нам, что плохо себя чувствует...

— Конечно, притворялась! — ответила Мира. — Ты пойми — если человек пришел в поликлинику и в состоянии обойти там шесть или семь кабинетов, побывать у такого количества врачей, предварительно отстояв очередь к каждому из них, то этот человек совершенно здоров! Но к чему ты задала этот вопрос? Ведь она же не от болезни, говоришь, умерла! Ее же убили! Я правильно поняла?

— Правильно. И ты у нас теперь — владелица московской недвижимости... Кстати, я тебе вчера звонила, но так и не смогла дозвониться...

— А куда ты звонила? Хотя неважно, я вот думаю, что делать... Может, бросить все сейчас, да на машине — к вам... Сейчас, наверное, отпущусь у заведующей отделением... И муж меня подбросит к вам... Ему ведь в командировку завтра надо ехать. В Москву. Так, может, сегодня поедет, раз такое дело...

Мира говорила как-то вяло, словно пережевывая слова, прежде чем выпустить их на волю, и вдруг я услышала нечто странное:

— Знаешь, а я ведь тетку не раз представляла с простреленной головой и кривой улыбкой...

Я содрогнулась — надо же, какое четкое предвидение! Только вот кривой улыбки у нее не было... Она вообще не улыбалась...

— Что ты несешь! Какая улыбка, если человек умирает от выстрела! Извращение какое-то...

— Нет, это я к тому, что она в последний миг могла подумать — вот, мол, вам всем от меня подарочек! Ешьте на здоровье! Ты чего там слезами заливаешься?

— Мне ее жалко, — призналась я.

И тут услышала шипение Валентины, которая требовала, чтобы я немедленно спросила у сестры — откуда она знает, что в тетку стреляли? Действительно, откуда, ведь я об этом ничего и сказать не успела... И я прямо спросила об этом Миру, предупредив, что вопрос этот очень важный, и ответ на него слушаю не я одна, но и Валентина, которую сестра тоже прекрасно знает — как-никак, живут в одном городе, да и в расследовании моя родственница однажды участвовала и очень всем помогла.

— Да я же говорю — представляла... То есть мне это казалось... Ну, тебе же известно, и вам сообщаю, Валентина Васильевна, здравствуйте, как ваше здоровье, что у меня было много таких совпадений...

— Здравствуйте, Мира, — ответила Валентина. — Совпадение, прямо скажем, невероятное... Тетю вашу убили именно выстрелом в голову... Предположительно из «вальтера»... А вот вы, к примеру, стрелять умеете?

— К примеру, не умею. И ничего уж тут не поделаешь...

— Хорошо. У меня есть к вам еще один вопрос. Мелочь, но все же... Так вот — почему, когда Наталья сказала вам, что звонила вчера вечером и не дозвонилась, вы задали ей странный вопрос — куда звонила? Дело-то было вечером. Следовательно, звонить она могла только вам домой...

— Но этот мой вопрос совершенно ничего не значит!

— Но зачем-то он у вас вырвался, Мира! Можно предположить, что вчера вечером вас не было дома... Возможно, вы вообще не приезжали с работы домой, а позвонили своим домашним и сказали, что появилась срочная работа... И предположили, что Наталья, позвонив вечером в вашу квартиру и узнав, что вы задержались на работе, будет пытаться разыскать вас в отделении... И... вы ведь немного испугались, да?

— Да ничего я не испугалась! Мне пугаться нечего. Где была, там и была! Уж не предполагаете ли вы, что я вчера приехала в Москву, убила тетку и тут же двинула обратно?

— Вы меня извините, Мира, но я — сыщик, и такая мысль мне обязательно должна была придти в голову!

Тут уж я не выдержала и закричала на всю квартиру:

— Валя! Не сходи с ума! Мире совершенно незачем это делать — квартира-то достается именно ей!

— Когда человек долго ждет, у него могут сдать нервы...

— Оставьте меня в покое! — закричала Мира. — Дайте мне поговорить с сестрой! У нас горе, а вы тут лезете со своими дурацкими предположениями... Время на меня тратите, а убийца там руки потирает...

Валентина извинилась. А я успокоила сестру и попросила ее выехать сегодня же. Она пообещала.

Бесполезно было злиться на Валентину — такая у нее профессия. Я верила, что она больше не вернется к своему чудовищному предположению, но Валентина меня совершенно огорошила, заявив, что кое у кого появились вопросы — а где вчера вечером была московская племянница Лии Семеновны? То есть я? Но я была дома! И вопрос этот всплыл вовсе не случайно — опять же кое у кого сложилось впечатление, что я ненавижу свою тетку...

— Поздравляю тебя, Валентина! Уже две версии! Подозреваются двое — я и моя сестра... Мира права — а преступник или преступники потирают руки... Посмеиваются...

— Ничего... Я думаю, им недолго осталось веселиться... А хорошо, что ты в курсе этих версий... Полезно... Убийца наверняка будет держать тебя в поле зрения... Вот и возмущайся, что полиция думает на тебя да на твою сестру... И возмущайся погромче! Обещаешь?

— Обещаю...

Наконец позвонил мой муж после репетиции, и я сообщила ему о смерти тети. Он тяжело вздохнул и пообещал, что сейчас предупредит режиссера и приедет ко мне.

Я взяла с Валентины слово, что она непременно сообщит мне о заключении патологоанатома, о мнении полиции по этому поводу, обо всех найденных уликах, и она ушла, оставив меня с грузом забот и повесив на меня еще одну загадку — если за домом, а, значит, и за квартирой тети велось наблюдение, то почему же эти наблюдатели не проследили за парой бандитов, которых она впустила и которых видела соседка... А, может, и проследили... Переключили на них все внимание, и это помешало увидеть другого или других, входящих в тетину квартиру. Убийцу или убийц. Я почему-то уверена, что это был один человек... Причем знакомый, раз она надела простой халат, в котором считала неприличным принимать людей, либо вызывавший у нее полнейшее доверие. Незнакомым, да еще двоим, тетка вечером бы не открыла. А почему мы сразу стали говорить о вечере? Ведь эксперты еще не сказали своего слова... А если это была ночь? Или раннее-раннее утро? Интересно, опросили ли соседей, ведь в доме тонкие стены, и все слышно... Мысли мои побежали бы и дальше, но тут подъехали мои дорогие мужчины — муж и брат. Оказывается, они встретились с Валентиной и успели с ней поговорить.

Увидев на пороге человека, который способен сделать для меня все возможное и невозможное, я расслабилась, и мне показалось, что я вновь теряю сознание... Мой любимый, можно сказать, принес меня домой на руках. И не выпускал из квартиры ни на следующий день, ни днем позже — таково было главное предписание врача, опасавшегося за мою психику. Приехавшие дети активно ему в этом помогали. Так что подробности о похоронах тети я узнала от Вали... А еще мне хотелось узнать, не появилось ли за эти два бешеных для нас дня чего-либо нового в расследовании убийства. А, может, уже известен и сам преступник? Известен и схвачен... Увы, оказалось — не схвачен. И даже неизвестен. Более того — у всех, кто занимается этим делом, есть свое особое мнение. И каждое из этих мнений выдвигает своего убийцу. Это страшное действие, скорее всего, совершил посланец Леся, хотя пока неизвестно, зачем. Но в число возможных убийц входит, оказывается, и Мира — за-

хотелось скорее поселиться в московской квартире! И я, поскольку во всеуслышание выражала свое недовольство тетей... Убийцей кто-то представляет и Мирона — видела же его соседка уходящим из тетиной квартиры! Вместе с женой... Вот они вдвоем ее и... Проверяется и версия виновности соседей... У остро жаждущих квартиры могли не выдержать нервы! Правда, я не знаю, такие ли у тети соседи. Да и логики в этом предположении нет... Валя заметила, что сейчас, конечно, не тот момент для подробностей, однако они с Гретой составили психологическую картину преступления и очень хотят представить ее мне, как только я смогу все воспринять. А еще я успела спросить о Яне — думаю, девочке надоело сидеть взаперти на своем радио. Ей хотелось пойти вместе с Гретой на похороны, но полиция предостерегла ее от этого шага — девушку могли увидеть те, кому не надо... Ведь у бандитов благодаря пацану теперь есть уверенность, что Яна многое знает... Собственно, ее сразу надо было пристроить в какой-нибудь хороший закрытый санаторий, до которого враг не сможет добраться... Валентина уже высказала московским коллегам эту мысль, и они с ней согласились... А потому, возможно, уже сегодня, в крайнем случае — завтра Яна будет отдыхать от своих повседневных забот и от свалившихся на нее криминальных проблем.

Глава 6

Как только я более или менее пришла в себя, так с помощью мужа тут же добралась до своей подруги и ее новой помощницы. Уж не знаю, где в действительности находился штаб по раскрытию этого убийства, а также и других примыкающих к нему преступлений, но мне показалось, что эта оперативная организация расположилась именно в Лизиной квартире. Во всяком случае, когда я шагнула за порог, то услышала яростный спор между Валентиной и Гретой. Причем спорили они именно о методах обнаружения преступника. Коньком Греты был психологический анализ действий противной стороны — кропотливый, вдумчивый, с применением основанных на психологии уловок и различных «капканов». Затем Грета стала объяснять, как бы она выстроила психологическую и логическую картину последнего преступления, то есть убийства моей тети...

— Деточка, если бы ты знала, сколько раз я это проходила! — призналась Валентина. — И сколько мне удалось путем таких вот вычислений!

— И что? Разве вы ошиблись? — спросила Грета.

— Нет, я не ошиблась. Но должна признаться — я шла медленно, как слон... Вот и сейчас жалуюсь вам — пытаюсь по адресу найти жильца, человека молодого, а база адресов всех зарегистрированных в данном районе лиц выдает мне, что жилец-то старый, вернее, уже и не жилец вовсе, а так, одна память о нем, а кто новый — неизвестно. Но это пока. И это я считаю не активными разведданными. Пользуюсь ими, но лишь как подсобным средством. А главные надежды — согласна с Гретой — на психологию, и на...

— Технические средства! — выкрикнула я.

— Молодец, Наталья! Все схватываешь на лету! А пока могу тебе показать свою новую сумку... Вот она, моя сумочка. С кошелечком. Ну, как она тебе?

Мне было немного обидно за первооснову расследования. Я уверилась, с Валиной же помощью, в могуществе госпожи Логики, а теперь она отказывается от своих убеждений и тычет мне под нос новую дамскую сумочку, зная, как мало меня интересует вся эта ерунда! Но вдруг — боже! Из этой сумочки показался глаз... видеокамеры! Вот, оказывается, как выглядят видеомодели... Надо же... Интересно, как же пользоваться этим чудом? Валя четко проследила ход моих мыслей и недвусмысленно потрясла возле моего носа... кошельком из этой самой сумочки. Вот, значит, где находится монитор... Потрясающе!

— И все же — смею заметить вам, Валентина, — начала Грета, — что перед вами может быть сто улик! Не одна, не две, не десять, а сто! И при этом вы все равно можете не знать, кто преступник, если не включите свой психологический разум...

— Ты права, Грета, — просто сказала Валентина. — И я стою на этом много лет. И сколько этот удивительный психологический разум открыл мне путей-дорожек к мошенникам и убийцам... Я очень уважаю ваше с Натальей мнение... Но я убедилась, что это длинный путь... Интересный, порой даже захватывающий, но длинный... И он должен быть на равных с достижениями техники... Кстати, тогда и над доказательной базой меньше надо будет голову ломать... Закон, к примеру, запрещает несанкционированное проникновение в помещение, являющееся частной собственностью. А если я уверена, что в этом помещении находится предмет, который поможет мне разгадать тайну преступления? Ну, что мне тогда делать? Вот тогда я применяю средства визуального контроля! Вы кишку глотали?

— Какую еще кишку? — спросили мы с Гретой.

— Ну, желудок вам когда-нибудь проверяли?

— Да! — хором ответили мы.

— Ну вот! А есть средства визуального контроля, сделанные по аналогии с этим прибором...

— Но кишку-то мы глотаем... А ты что, забрасываешь этот свой агрегат в тыл противника? — спросила я. — В нужное тебе помещение? Но ведь для этого, как минимум, надо открыть дверь... А если она будет открыта, на черта твои приборы? Ты и так все увидишь...

— Темнота! Не надо вскрывать никаких дверей. Достаточно одной маленькой дырочки...

Валентина не досказала — зазвонил телефон. Понять, что говорили ей на том конце провода, было невозможно. Подруга отвечала однозначно — да, нет, понятно... А, положив трубку и обругав себя за то, что слишком много времени посвятила ненужной болтовне, повела меня к столу, за которым уже сидела Грета. И перед ней были разложены листы бумаги с геометрическими фигурами! Ничего не скажешь, эти две женщины нашли друг друга... Может быть, во мне все-таки заговорила ревность, но я спросила:

— Грета, а вас что, отпустили с работы?

— Да нет, я в отпуске. Летом не догуляла две недели, работать было некому, и теперь вот отдыхаю...

— Так! Хватит дурацких разговоров! — перебила нас Валентина. — Мы с Гретой настроились на деловую волну, ждали тебя, а занимаемся бог знает чем, и ничего еще не обсудили! Садись! — приказала она мне.

Я села. Ко мне тут же пододвинули чистые листы бумаги. Ручку я взяла свою. Валентина представила мне свою геометрическую конструкцию — она отличалась от Гретиной, там было больше фигур, сопровождаемых знаками вопросов. В середине схемы на прямых линиях, словно на пиках, торчал треугольник. Он обозначал Яну. Одна «пика» вела к Лесю, другая — к Лере. Предполагалось, что они были на равных, а не в подчинении один у другого. Равновеликие прямоугольники. Однако оба они находились у Валентины в замкнутом пространстве — в окружности, а уже от нее шли стрелки к Галине Петровне и к моей бедной тете... Обе они представляли из себя трапеции... Тетя была обложена мною, Мироном и Мирой, мы находились с трех разных сторон, и нас замыкали стороны другой трапеции, более обширной, а уже вне ее линий значились самозванные наши родственнички — Анатолий Семенович Климов и Филипп, который, по бандитской легенде, является моим двоюродным братом. И, естественно, не только моим. От Галины Петровны тоненькая нога-ниточка протянулась к двум женщинам, желавшим с ней познакомиться, а от них небольшой канатик вел к их работодательнице. Валентина на моих глазах схватила лист и соединила ра-

ботодательницу с Лесем... А заодно и сообщила нам только что полученную ею информацию. Две безработные, участвовавшие ранее в рекламах строительных материалов, которыми руководил мужчина, привлечший их к новой работе, и которым велено было познакомиться с Галиной Петровной, встретились, наконец, с женщиной, давшей им это важное поручение, и отчитались перед ней за сделанное. Сообщили, как и следовало, что, мол, познакомились, вошли в доверие и успели даже получить за это деньги. Им было велено явиться в гости к Галине Петровне и подробнее узнать про ее дальнюю родню, памятуя о том, что ближней-то нет. И сделать все, чтобы хозяйка еще раз пригласила их к себе. Цель следующего посещения работодателя пока не раскрыла. Но в магазине, слава богу, уже имелось нечто, дававшее возможность слышать все, что она далее говорила. Эта дама прямо из магазина — очевидно, она там работает — позвонила мужчине и, назвав его Елисеем Павловичем, сообщила, что две клуши наконец-то добрались до курицы, которая на днях пустит их в свою кормушку. Елисей Павлович заявил, что это неплохо, но идти просто так не следует, надо обязательно приготовить какой-нибудь хороший подарок. Дама почему-то заволновалась — не рано ли, мол, ходить с подарками? Может, лучше сделать это в следующий раз? А то ведь неизвестно, что дарить, когда не знаешь человека как следует... Елисей Павлович с ней согласился, хотя заметил, что потеряно много времени... И добавил, что ждет сообщения о встрече и к следующему разу сам приготовит подарок...

— Вот так, девочки... Кажется, они еще не знают о трагедии с Перчик... Меня несколько смущает такой натиск... Ясно, что подарок — это некое усыпляющее средство...

— Или же умертвляющее, — перебила я подругу.

— Может быть... Но ведь они же почти ничего не знают о Галине Петровне! О твоей тетке узнали все подробности и сразу подставили ей брата и племянника... А о Галине-то этой еще ничего не узнали! Вроде бы... Но остановимся на этом — не узнали! Не успели. Но тем не менее готовы ее усыпить, то есть задурить ей мозги каким-то средством, которое они применили и к Лии Семеновне Перчик, чтобы она подписала нужный им документ... Либо вообще сразу ее убрать... И эта атака мне непонятна. Следовательно, им просто нужна пустая квартира. Видимо, у них есть пути оформить ее на себя и реализовать. Какие пути? Предположим, свои люди в организациях, занимающихся жильем... Николай Николаевич поинтересуется ими, и если простые проверки ничего не выявят, то все равно от этого Леся-Олеся туда потянется ниточка...

— Ничего себе, Валя! Ведь ниточка-то потянется тогда, когда Галины Петровны уже не будет... Разве можно ждать?

— Ты права. Но он может проколоться на твоей тете. Ее-то уже нет в живых. Посмотрим, что теперь будет с ее квартирой. Вообще, этот Лесь теперь — самый интересный для нас объект. Он и на Леру нас выведет... Проблем с его раскрытием, думаю, не будет — телефон его известен...

— А имя-то какое красивое, сказочное — Елисей, — заметила Грета. — Королевич Елисей... Герой, спаситель...

— Кстати, — перебила ее Валентина, — через некоторое время, и очень короткое, мы будем знать, кто он по профессии, какую должность занимает, где живет, есть ли у него дети...

Они говорили и дальше, спорили, перебивая друг друга, а я вглядывалась в рисунки-схемы своей подруги и думала о том, что здесь не хватает главного — нет убийцы моей тети. То есть пока все наши усилия безрезультатны, пусты. И, кажется, безнадежны... Как жаль! Валентина почувствовала мое настроение, подошла, обняла меня за плечи, прижалась ко мне и сказала:

— Милая ты моя, дорогая! Не расстраивайся так! Найдем, и обязательно! Враг будет разбит! Только пока картинка не складывается... А знаешь, один человек видел, кто входил поздно вечером в подъезд твоей тети накануне ее смерти...

И подруга рассказала мне, что у старушки, чьи окна находятся рядом с входом в подъезд, вовремя не вернулась домой внучка. Девушка заочно училась в колледже и сейчас там как раз была сессия. Возвращалась она обычно около девяти часов вечера. Старушка погасила в комнате свет и села у окна, чтобы хорошо видеть внучку, когда та подойдет к подъезду. Пожилая женщина боялась, что она не вспомнит код дверного замка, будет стоять одна в темноте... И мало ли что может случиться...

Тут в разговор вмешалась Грета и сказала, что внучка вообще не пришла, а позвонила бабушке уже из дома — она решила заночевать там, потому что сдала экзамен, и на следующий день ей не нужно было идти в колледж. А старушка, между прочим, сильно волновалась — ей в какой-то момент показалось, что девушка вошла в подъезд, а до квартиры не дошла, и бабушка даже выходила в коридор, обследовала там каждый уголок и видела девушку, нажимавшую на кнопку звонка соседей, пожилых мужа с женой. Позже данная старушка услышала, как соседская дверь открылась, чтобы впустить девушку... И вот тут-то, оказывается, кроется самое интересное. В тетином доме жильцы менялись

редко, большинство людей живет здесь с момента заселения, и наша старушка — тоже. И она хорошо знает, как открывается та или иная дверь. Для этого ей не надо ничего видеть. Достаточно — слышать. Старушка услышала и удивилась. Потому что отворилась вовсе не та дверь, в которую звонила девушка. Нет! Проскрипела и захлопнулась дверь Лии Семеновны!

— Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, — пропела Валентина. — И тучи собираются над чьей-то головой... И отпечатки пальчиков спецы уже нашли... Но только для сравнения других пока нет... В перчаточках работают, чтоб рук не замарать... И все ж следы остались на трупе, на полу... Они в лаборатории, их микроскоп исследует, и вот тогда-то сможем мы начать свою игру!

Ну и Валентина! Какие же это, интересно, следы?

— Это волосы... Несколько волосков... Совершенно не седых... Твоя тетя, видимо, почувствовала неладное и сопротивлялась...

Грета заметила, что нам надо подойти к проблеме, к нашей загадке и с другого бока — создать образ убийцы... Она уверяла, что мысленно он присутствует в каждом из нас, и следует объединить эти штрихи в единое целое. И это тоже поможет нам более четко определить направленность наших поисков...

Валентине понравилась эта идея, она повторила все то, о чем мы уже знаем, и мы стали вслух «рисовать» образ убийцы... Прежде всего, это смелый, решительный человек... Стреляет, не задумываясь... Делает все быстро... Спешит... И в то же время — уверен в себе... Тогда почему спешит? Кого-то боится... Но кого? Полиции? Вряд ли. Этот человек уверен, что ей неоткуда взяться... Преступление хорошо продумано, убийца осторожен... А кого же боится? Соперников, которые тоже целились в жертву? Но преступник их опередил... И еще — это человек, которого тетя не испугалась! Которому она поздно вечером при всей своей осторожности открыла дверь! Это — человек, который, скорее всего, бывал в тетиной квартире! И... один маленький нюанс, штришок, который внесла я — надо учесть, что тетя была в халате! Так ее и убили! Ну и что, спросите вы? А то, что если бы к ней постучал мужчина, она бы обязательно переоделась и только после этого отворила бы дверь. Предстать перед мужчиной в халате тетя считала плохим тоном... И, следовательно, убийцей была женщина! А если сопоставить показания старой соседки, видевшей, что какая-то девица звонила в квартиру пожилой пары, но в то же время открылась-то дверь моей тети, то можно предположить — хитрая преступница делала вид, что звонит одним, а на самом деле сработал звонок моей

родственницы, и она на него откликнулась... Представить, что именно эта девица говорила тете, чем ее взяла, на какую приманку клюнула моя Лия Семеновна, я совершенно не могла — она всегда была такой осторожной!

Созданный образ проступал перед нами так, словно был написан на полотне. Но оставалась в нем загадка, к которой мы пока даже и не подступились — причина убийства. Цель. Зачем неизвестной молодой девушке убивать нашу старушку, не сделавшую ей ничего плохого... У нее, конечно, был вздорный характер, она могла поссориться с соседями, с продавцами, с почтальоном, с теми, кто приносит ей пенсию... Да практически со всеми. И хоть сейчас мы живет в такое время, когда могут убить из-за пустяка, но все же... Все же...

Ход моих мыслей нарушила Валентина:

— Не сделавшую ей ничего плохого, говоришь... А ты умница... Может, в этом-то и кроется главное, девочки... Лия Семеновна не сделала убийце ничего плохого... А мы ведь будем искать того, кому она сделала что-то плохое... И кому она мешала... Кто жаждал ее убрать, да поскорее... И мы знаем, кто это... Елисей Павлович и вся его компания... Естественно, и думать будут прежде всего на них... Но думать будет тот, кто знает про эту банду... Мы, в частности, знаем... Полиция — тоже... Так не в этом ли и заключается смысл великого трюка убийцы? Тот, кто по логике вещей должен был убрать Лию Семеновну, этого не делает! Ну, не делает, и все! Может, потому, что еще рано, а, возможно, и по другой причине... Эта банда вообще может состоять из мошенников, но не из убийц... И тогда откуда-то берется таинственная личность, которая пускает старушке пулю в лоб, и тем самым подставляет тех мошенников? Да так, что они про это не знают... И, похоже, подставляет не всю банду, а вполне конкретную личность... Но какова причина? Цель? На первый взгляд, совершенно непонятно...

Да... Нагородили мы огород...

— Ну, что, сыщики-прыщики, — начала я свою речь, в которой хотела поздравить женщин с замечательными мыслительными упражнениями и в то же время заметить, что преступник что-то не спешит притягиваться к нашему энергетическому центру, но тут зазвонил телефон. Редактор Костя сообщил своей несравненной половине, мечущейся между сыском и радостью предстоящего материнства, что Яна хочет поведать нам о чем-то очень важном... Что она вспомнила... На вопрос Греты, что именно вспомнила девушка, ответила уже она сама.

— Яна, милая, вы молодец! Подождите, я сообщу об этом своим собеседникам.

И Грета, зажав трубку рукой, сказала нам с Валентиной, что Яна вроде бы вспомнила дом, в котором была в ту страшную ночь, когда туда пришли бандиты...

— Она говорит, что у нее появился какой-то проблеск... в тумане...

Валентина тут же сама взяла трубку.

— Яна, вы действительно вспомнили? Это там, где мы были? Куда ездили? Но ведь «журавля»-то в этой деревне нет... А вы говорили, что он должен быть... Где-то по пути... Конечно, так бывает — видишь какой-то предмет, тебе становится от него страшно, и этот страх вытесняет память о самом предмете... Да, да, я вас понимаю... И очень вам сочувствую... Конечно... Думаю, мы сможем туда поехать... Я сейчас узнаю насчет машины... Спасибо вам!

Молодец девушка! Позвонила, как только вспомнила, где была. Не каждый бы так сделал... Сидеть и молчать всегда ведь как-то удобнее... Этак ее вклад в расследование будет просто неоценимым. Интересно, пригласит ее Валя к себе на работу или нет? Обычно тех, кто ей здорово помогает, в ком она видит либо хороших ищущих, быстро выбирающих верный след, либо аналитиков, не упускающих никаких мелочей, подруга моя зовет к себе в сотоварищи. Заработок в ее агентстве неплохой, по себе знаю, помогала. Кстати, многие дела Валя ведет бесплатно, по давней привычке не отказывая в экстренной помощи тому, кому лишь она и может помочь.

Валентина взяла с нас слово, что мы пока ни единому человеку не расскажем о том психологическом анализе преступления, который сейчас провели. В конце концов это может показаться смешным...

Все тот же Эдуард вез нас, только теперь уже с Гретой, в ту же самую полузаброшенную деревню.

— Вон, вон тот «журавль»! — вдруг выкрикнула Яна.

Я уверена, что если бы она сидела с краю, а не между мной и Гретой, то прямо на ходу выскочила бы из машины! Мы действительно проезжали мимо колодца со старым деревянным «журавлем» — правда, был он вовсе не на пути от станции к деревне, по которому шла тогда Яна, а далеко в стороне... Надо же, как ее, бедную, крутило-вертело!

— Вот, оказывается, где я его видела! — успокоившись, сказала Яна. — Он просто врезался в память... Казалось, нет его — и нет той деревни... Хотя как я здесь-то оказалась — не помню...

Мы остановились возле пепелища, там, где из земли торчала печная труба. Яна вышла первая и побрела в ту сторону. И только тут мы заметили, что труба... дымила! Из-за кустов выглянул уже знакомый нам

мальчишка, он нисколько не удивился нашему приезду и даже помахал нам печеной картошкой, но потом все-таки скрылся, успев что-то сказать Яне. Мы поинтересовались, что именно.

— Да ничего... Привет, говорит... Но что же мне делать-то? Ведь он доложит теперь, что я приехала не одна... Следовательно, кому-то рассказала про все, что слышала... Хорошо, хоть машина у нас по виду не полицейская. А что, если вы изобразите моих друзей, а? Ну, будто мы тут гуляем, смотрим, не купить ли дом на лоне природы... А?

— Да мы и так твои друзья, — заметила я.

— Валяй! — решительно сказала Валентина. — Как тебе кажется нужным, так и делай! Мы же не хотим тебя подставлять...

— Я думаю, что в этой деревне вы себе что-нибудь да выберете, — говорила Яна специально для пацана, который наблюдал за нами из-за расположенной невдалеке железной будки. — Вот этот дом, к примеру... Кажется, я была здесь, — тихо добавила девушка и указала на лестницу со сломанной ступенькой. — И как я не обратила на это внимание в прошлый раз! Сейчас мы это проверим... Я, Валентина Васильевна, взяла в редакции огромную связку ключей... Попросила у Константина... А потом и уборщица мне вручила все дубликаты от наших кабинетов. Так что мы можем попробовать... Только эти ключи — не от всяких замков, а от внутренних, значит, надо перейти на другую сторону дома, к той веранде.

Гуськом мы стали огибать дом. Впереди шла Яна, за ней я, потом Грета, а замыкала шествие Валентина. Эдуард, как и в прошлый раз, остался в машине. Наконец мы добрались до старой веранды, сплошь окруженной яблоневыми ветками, создававшими весной и летом великолепный зеленый навес. Сейчас он имел прорехи и ветви были голы, черны и похожи на старые морщинистые руки... Я давно заметила — чем больше дерево плодоносит, тем непривлекательнее выглядит, ибо все силы свои и соки отдает тому, что рождает... Я думала об этом под звон Яниных ключей, за которыми внимательно наблюдала Валентина. Понятно — ей хочется самой быстро открыть этот немудреный замок, она, уверена, обошлась бы и без этой связки ключей, но продемонстрировать свою способность к противозаконным действиям ей сейчас просто ни к чему. Наконец усилия девушки принесли свои плоды — она смогла открыть дверь, прошла в коридор, зашла в кладовку и тут же позвала туда нас.

— Вот этот сундук с банками... Я не ошиблась... Вон кухня... Там — комната... А вверху, на чердаке, я пряталась...

Они с Валентиной поднялись наверх, а мы с Гретой не полезли на чердак, но осмотрели комнату, заодно и кухню, и обе веранды. Каждая

половица скрипела под нашими ногами, дом был ужасно стар, но все-таки он нам понравился.

Наконец Валентина с Яной спустились вниз. Подруга моя начала изучать обстановку в комнате. Но изучать было особенно нечего — голый стол, посуда на висячих полках, большое зеркало на подставке, накрытой салфеточкой. И всего две фотографии женщины — одна, цветная, внушительных размеров, висела на стене с драными обоями, а другая стояла на подоконнике в маленькой картонной рамочке. Было не ясно — это одна и та же женщина или нет? Валентина полезла в шкаф, вынырнула оттуда ни с чем и сказала:

— Что ж, все осмотрели, можно и уходить.

— Я слышала, что в таких вот старых домах бывают тайники... В погребе, на чердаке... Или под полом в комнате... Или в шкафу... Или в саду где-нибудь, — таинственно прошептала Яна. Ей явно хотелось найти здесь что-то необыкновенное.

— Не будем же мы сад перекапывать! — скривилась Грета, которой все это как-то не очень нравилось. Видимо, ее смущало, что мы пробрались в дом без разрешения его хозяев и без специальной санкции на обыск. — И вообще, я думаю, что нам пора...

— Что ж, сад можно оставить в покое, а вот шкафчик этот неплохо бы изучить получше, — вдруг решила Валентина. — Знаю я их устройство. Если есть тайник, то чаще всего он располагается вот здесь, вверху... О! Ларчик, кажется, открывается...

— А что я говорила! — воскликнула Яна.

Валентина что-то держала в руке и, попросив у меня носовой платок, завернула в него черную блестящую штукуну, которую только что вынула из шкафа... Прямо как фокусник...

— Что это ты завернула в мой платок? — спросила я.

— Пистолет. «Вальтер». Девятимиллиметровый.

— Боже мой! — хором выкрикнули мы с Гретой.

А Яна стояла и смотрела на Валентину во все глаза — думаю, девушка не ожидала увидеть подобное...

— А... он что, заряжен? — шепотом спросила она.

— Думаю, да, — спокойно ответила Валентина.

Яна взяла с подоконника фотографию женщины и, глядя на нее, проговорила:

— Какая мерзкая, какая пакостная баба! И живут же такие на свете! И носит же их земля! Я их ненавижу! Ненавижу! И ее тоже!

— Но почему вы думаете, что это — Лера? Возможно, это фотография совсем другой женщины...

Яна бросила снимок на подоконник.

— Да, вы правы... Но в этом доме нет ничего лишнего... Постороннего... Вот я и решила...

— Я и сама думаю, что это Лера, — кивнула Валентина и предложила: — Пойдемте-ка скорее отсюда.

Мы вышли через ту же веранду, и Яна, заперев дверь, резко повернулась к нам:

— А знаете, какая удачная мысль пришла мне в голову? Скорее всего, пацан, следящий за мной, докладывает обо всем Лере. А, значит, ему известен ее телефон. И если мальчишку как следует потрясти... Или хорошо ему заплатить, то... То мы уже сейчас будем знать, где искать эту женщину-вампира, которая, не исключено, убила мою дорогую тетю.

Валентина заметила, что это прекрасная мысль, и посоветовала Яне, как лучше все выведать у мальчишки. Когда мы подошли к железной будке, постучали в нее, и пацан предстал перед нами, Яна заявила ему, что дом хотят купить, она привела сюда людей именно для этого, и потому необходимо срочно связаться с владельцами. А мы добавили, что, судя по виду этой избы, она хозяевам давно не нужна. И если он даст нам их адрес и телефон, либо, на худой конец, что-то одно из этих двух, то наша благодарность выразится в...

— Стольник дадите? — нагло спросил мальчишка.

— Возьми, — протянула ему сто рублей Валентина. — Только в обмен на...

— Адреса не знаю. Только телефон.

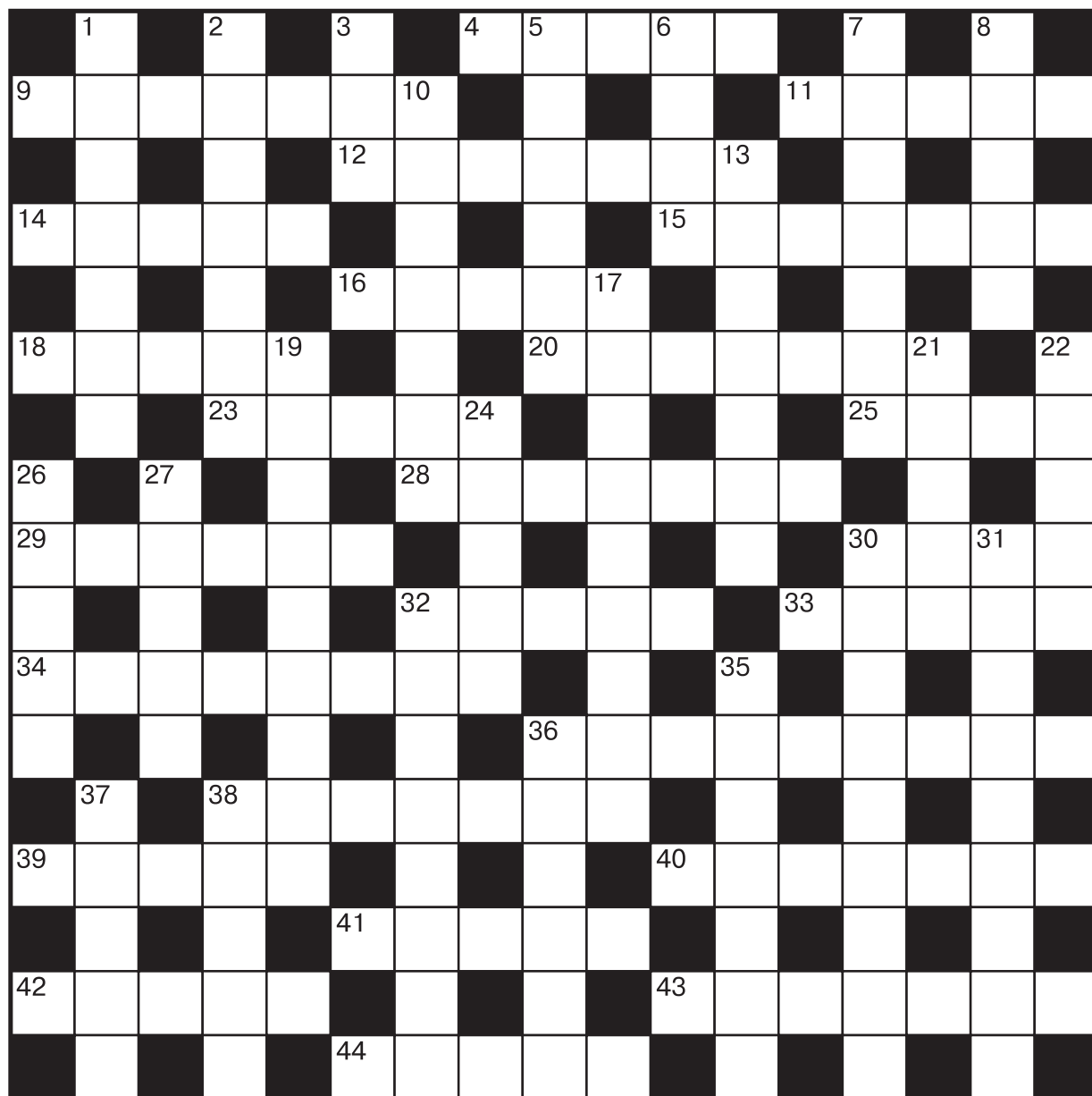
И пацан, взяв деньги, тут же назвал нам номер. Господи, первые цифры — сто шестьдесят... Это, кажется, Гольяново... И совсем недалеко от моей тети... То есть теперь уже — от ее квартиры...

Мы пошли к машине, и по пути Валентина учила девушку, как надо беречь себя и уходить от преследователей. А лучше вообще не показываться им на глаза. Тихо-мирно сидеть в редакции либо в санатории, куда ее намереваются перевезти, пока полиция не схватит всю эту банду. В ответ Яна как-то криво усмехнулась... Не понравилась мне эта ее ухмылка — она, похоже, нам не верила. Господи, как на этом свете все запутанно, сложно, сколько опасностей подстерегает каждого человека! Ни дня, можно сказать, без этих опасностей. Особенно у Яны.

Мы довезли ее и Грету до редакции, я попросила отвезти меня домой, а Валентина поехала с Эдуардом решать проблему найденного пистолета — я поняла, что на нем могли сохраниться отпечатки пальцев, потому моя подруга так и спешит. И правильно делает!

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Чем смачивают виски при обмороке? **9.** «Наполеон французского шансона». **11.** Выпускник «школы разведчиков». **12.** «Пожиратель алфавита». **14.** «Плоть бархана». **15.** Какое графство считают родиной эрдельтерьеров? **16.** Крошка с волшебным

даром привлекать к себе людей. **18.** Шахерзада у Джоэля Харриса. **20.** Преферанс «на двоих». **23.** Самая кассовая из российских комедий. **25.** Сыр с греческими корнями. **28.** Кто в 1936 году поздравил по радио с Новым годом полярников, дрейфующих на льдине? **29.** Са-

мые дорогие ряды зрительного зала. **30.** Погремушка ночного сторожа. **32.** Смешарик сиреневого цвета. **33.** Какая метель в степи завывает? **34.** Кем считал себя по части желудка Константин Батюшков? **36.** Кто из столпов ампира создал Казанский собор в Питере? **38.** Одна спальня на всех воспитанников. **39.** Крыло военного звучания. **40.** Доска инженера. **41.** «Будущее укрыто даже от тех, кто его делает» (мировой классик). **42.** «Персональный самолет» Бабы-Яги. **43.** В какой Вселенной все наоборот? **44.** Грызун из мультика Гарри Бардина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Энергетик» кота Леопольда. **2.** Какую древнюю рептилию считают вероятным предком всех динозавров? **3.** Любимое дерево молний. **5.** «Эвакуатор» на случай Всемирного потопа. **6.** «Пчели-

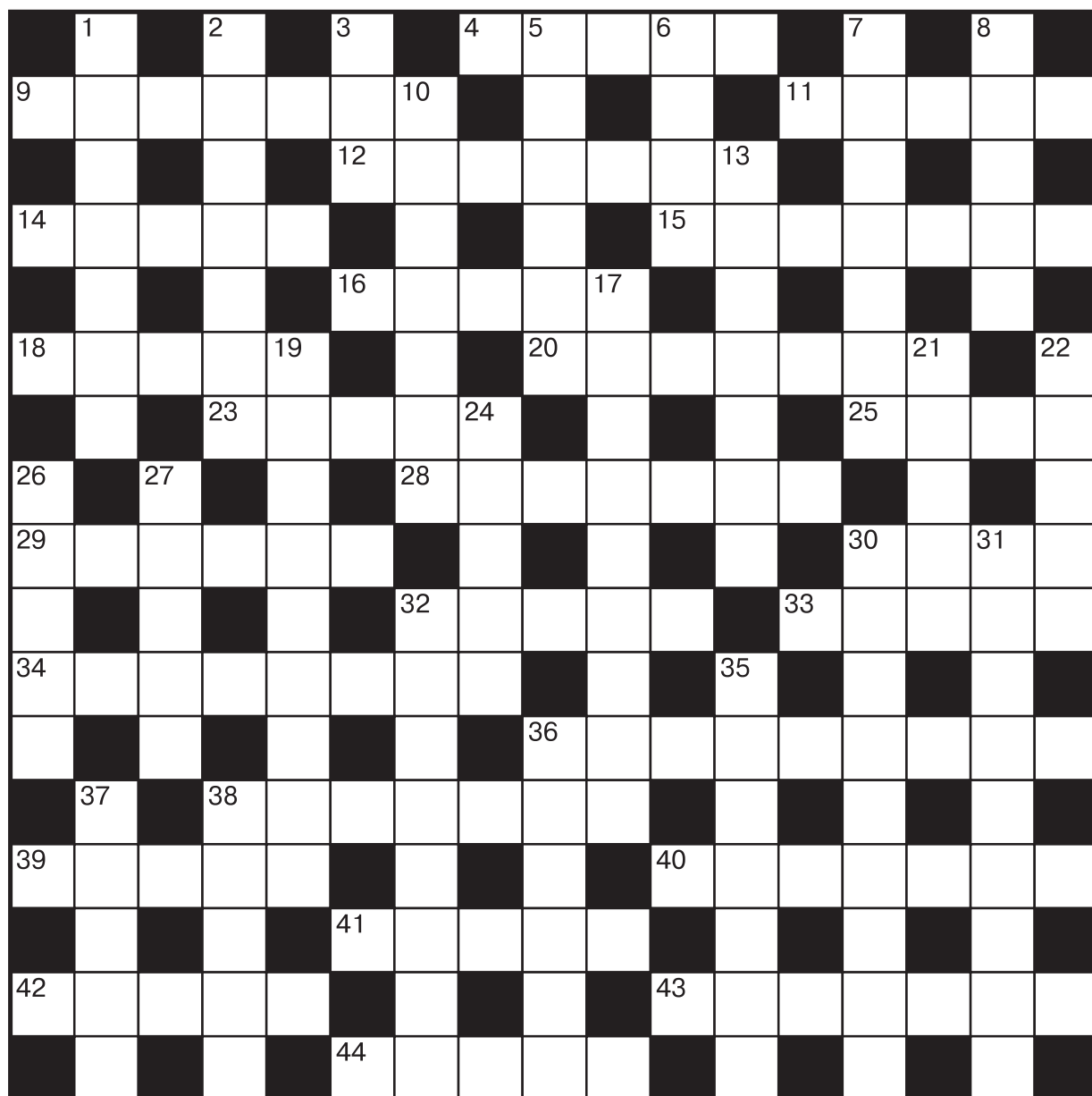
ный аэродром». **7.** «Священная книга» с сомнительной репутацией. **8.** С каким щенком подружился Чебурашка? **10.** Горбач на верстаке. **13.** «Адресная помощь». **17.** «Стелька» при плоскостопии. **19.** Научно-политический профиль Генри Киссинджера. **21.** Молочный заменитель кваса в крошке. **22.** «Злой гений» «Кровавого воскресенья». **24.** Мафиозный властелин. **26.** Оружие гардемарина. **27.** Бормашина новосела. **30.** «Часовой домкрат». **31.** «Морская капуста». **32.** Массандровское вино. **35.** Какую обувь надевали античные трагики, чтобы увеличить свой рост? **36.** В какой комнате дворца Франциска I изначально висела «Джоконда»? **37.** Кто свои сцены в телефильме «Визит к Минотавру» играл сидя, поскольку не мог уже самостоятельно передвигаться из-за перелома шейки бедра? **38.** Река из пушкинского «Гусара».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Азарт. **10.** Балетмейстер. **11.** Опискин. **12.** «Парабеллум». **13.** Феномен. **16.** Егерь. **18.** Паж. **19.** Книга. **21.** Удон. **24.** Енот. **25.** Домогаров. **27.** Трос. **29.** Менора. **30.** Дельвиг. **34.** «Майкрософт». **35.** Аладдин. **37.** Неадекват. **40.** Пчела. **41.** Лорен. **42.** Тюильри. **43.** Гайка. **44.** Горло.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Запрет. **3.** Ресторан. **4.** Бан. **5.** Декан. **6.** Амман. **7.** Айвенго. **8.** Отоларинголог. **9.** Время. **10.** Бисер. **14.** Антоним. **15.** Ягуар. **17.** Пушту. **18.** Поход. **20.** Страсть. **22.** Цолькин. **23.** Лом. **26.** Веронал. **28.** Сердолик. **31.** Гардель. **32.** Экскурс. **33.** Случка. **36.** Неуют. **38.** Торо. **39.** Бейл.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кому Шарль де Голль заказал роспись плафона Гранд-опера? **9.** Казахские гусли. **11.** Суп для утоления жажды на основе мацони. **12.** Иллирийский раскольник. **14.** Основатель папамамалогии. **15.** Грибной фарш. **16.** Вываренный сок тутовника. **18.** Дракон с

искрящимся телом у чехов. **20.** Чье имя носит эффект, занесенный в Госреестр открытий СССР под №1? **23.** «Король дорог», прославивший первым поэтом Ренессанса. **25.** В честь какой богини названа столица Кипра? **28.** Кто вошел в историю как самый худший президент Соединенных

Штатов? **29.** Румынские цыгане. **30.** Групповая схватка на рыцарском турнире. **32.** Коллекционная монета из Андорры. **33.** Какой головной убор в Индии принято передавать по наследству от матери к дочери? **34.** Какое отклонение мешает иметь физическую близость с любимым человеком? **36.** Ритуал «крещения кровью» в элитных разведшколах Третьего рейха. **38.** Холодный аргентинский ветер. **39.** Виноградный пресс. **40.** Самое «впечатляющее зрелище» Плоского мира из романов Терри Пратчетта. **41.** Гений абстракционизма. **42.** Китайская изба. **43.** Гончая на зайцев у англичан. **44.** Самый долбящий из дятлов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шведский полицейский. **2.** Изобретение Бакстера Стокмана из мультиков про черепашек-ниндзя. **3.** Пушкинский

бог «света и стихов». **5.** «Эскимосское мороженое». **6.** Возлюбленный Галатеи, убитый Полифемом. **7.** Возвратная пружина в приборе. **8.** Первый этап спартанского воспитания для мальчиков. **10.** Кого из врагов Человека-паука в комиксах Marvel зовут Алексеем Михайловичем? **13.** Чердачное окно. **17.** Старейшее общественное здание Флоренции. **19.** Член ЕС, где не взимают НДС. **21.** Кто в 1967 году предложил термин «черная дыра»? **22.** «Отец троллинга» в чешской литературе. **24.** Научный консультант при султানে. **26.** Где прописано Малое Магелланово Облако? **27.** Парчовый карп. **30.** Гигантская стрекоза, отлетавшая свое миллионы лет назад. **31.** Знаток «жизненных хитростей». **32.** Неаполитанский пончик. **35.** Геракл из скандинавских мифов. **36.** Рыба, срывающая фрукты. **37.** Киоск на колесах. **38.** Японское просо.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Аккад. **10.** Корватунтури. **11.** Аркарий. **12.** Протопопов. **13.** Полутон. **16.** Терно. **18.** Тот. **19.** Фреон. **21.** Язов. **24.** Лекс. **25.** Волкодлак. **27.** Зуав. **29.** Луосто. **30.** Засулич. **34.** Киберсфера. **35.** Европол. **37.** Рейкьявик. **40.** Геоид. **41.** Йодль. **42.** Дварака. **43.** Бонгу. **44.** Корги.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Карбон. **3.** Абакумов. **4.** Пой. **5.** Шварц. **6.** Ртуть. **7.** Книпсер. **8.** Пуппенмейстер. **9.** Литва. **10.** Киноа. **14.** Практик. **15.** Тондо. **17.** Лябзя. **18.** «Топаз». **20.** Асболан. **22.** Модулор. **23.** Чал. **26.** Курский. **28.** Вайоминг. **31.** Чинкара. **32.** Девятка. **33.** Овьедо. **36.** Лейва. **38.** Кобо. **39.** Клаг.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 211 рублей 20 копеек	За 1 номер — 239 рублей 80 копеек
За полугодие — 1267 рублей 20 копеек	За полугодие — 1438 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

22004

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций.

Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

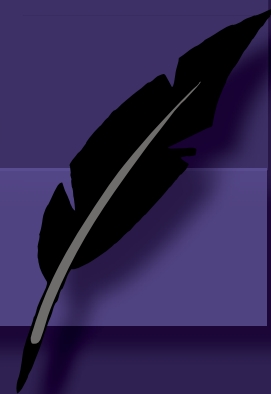
Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№4 апрель 2022